

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](http://TheLib.Ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Сага о Форсайтах»](#)

Приятного чтения!

Джон Голсуорси СЕРЕБРЯНАЯ ЛОЖКА

*Но, друг мой,
Тернист наш путь!
Шекспир, «Зимняя сказка».*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. ИНОСТРАНЕЦ

Трудно было с первого взгляда узнать американца в молодом человеке, который вышел из такси на Саут-сквер в Вестминстере в конце сентября 1924 года. Поэтому шофер поколебался, прежде чем запросить двойную плату. Молодой человек без всяких колебаний ему отказал.

— Разве вы неграмотны? — спокойно осведомился он. — Посмотрите — четыре шиллинга.

С этими словами он повернулся спиной к шоферу и взглянул на здание, перед которым остановилось такси. Сейчас ему предстояло впервые войти в английский дом, и он слегка волновался, точно ему должны были выдать семейную тайну. Вытащив из кармана конверт с адресом, он посмотрел на номер, выгравированный на медной дощечке у двери, прошептал: «Да, правильно», и позвонил.

Ожидая, пока откроют, он обратил внимание на глубокую тишину, которую нарушил бой часов. Пробило четыре, и казалось, то был глас Времени. Когда замер гул, дверь приоткрылась, и лысый человек спросил:

— Что угодно, сэр?

Молодой американец снял мягкую шляпу.

— Здесь живет миссис Майкл Монт?

— Да, сэр.

— Пожалуйста, передайте ей мою карточку и письмо.

— "Мистер Фрэнсис Уилмот, Нэйзби, Ю. К. ". Будьте добры, войдите, сэр.

Следуя за лакеем, Фрэнсис Уилмот прошел в комнату направо. Здесь внимание его привлек какой-то шорох, и чьи-то зубы оцарапали ему икру.

— Дэнди! — крикнул лысый лакей. — Ах ты, чертенок! Знаете, сэр, эта собака терпеть не может чужих. На место! Одной леди Дэнди прокусил однажды чулок.

Фрэнсис Уилмот с любопытством посмотрел на серебристо-серую собаку дюймов девяти вышиной и почти такой же ширины. Она подняла на него блестящие глаза и оскалила белые зубы.

— Это он малютку охраняет, сэр, — сказал лысый лакей, указывая на уютное гнездышко на полу перед незатопленным камином. — Когда ребенок в комнате, Дэнди бросается на чужих. Но теперь вы можете быть спокойны, сэр, раз он обнюхал ваши брюки. А к ребенку все-таки не подходите. Миссис Монт только что была здесь; я ей передам вашу карточку.

Фрэнсис Уилмот опустился на диванчик, стоявший посреди комнаты, а собака улеглась между ним и ребенком.

В ожидании миссис Монт молодой человек внимательно осматривал комнату. Потолок был окрашен в серебряный цвет, стены обшиты панелями тускло-золотого оттенка. В углу приютились маленькие позолоченные клавикорды — призрак рояля. Портьеры были из материи, затканной золотом и серебром. Блестели хрустальные люстры, на картинах, украшавших стены, были изображены цветы и молодая леди с серебряной шеей и в золотых туфельках. Ноги утопали в удивительно мягком серебристом ковре, мебель была из позолоченного дерева.

Молодого человека внезапно охватила тоска по родине. Мысленно он перенесся в гостиную старого, в колониальном стиле, дома на пустынном берегу красноватой реки в Южной Каролине. Снова видел он портрет своего прадеда, Фрэнсиса Уилмота, в красном мундире с высоким воротником, — майора королевских войск во время войны за независимость. Говорили, что прадед на этом портрете похож на человека, которого Фрэнсис Уилмот ежедневно видел в зеркале, когда брился: гладкие темные волосы, закрывающие правый висок, узкий нос, узкие губы, узкая рука, сжимающая рукоятку шпаги или бритву, решительный взгляд узких, словно щели, глаз. Фрэнсис вспомнил негров, работающих на хлопковом поле под ослепительным солнцем; такого солнца он не видел с тех пор, как сюда приехал; в мыслях он снова гулял со своим сеттером по краю громадного болота, под высокими печальными деревьями, разукрашенными гирляндами мха; он думал о родовом имении Уилмотов: дом сильно пострадал во время гражданской войны, и молодой человек не знал, восстанавливать ли его, или продать одному янки, который хотел купить загородную виллу, куда он мог бы приезжать на воскресенье из Чарлстона, и который так отремонтирует дом, что его не узнаешь. Тоскливо будет в доме теперь, когда Энн вышла замуж за этого молодого англичанина, Джона Форсайта, и уехала на север, в Южные Сосны. И он понимал, что сестра, смуглая, бледная, энергичная, теперь для него потеряна. Да, эта комната навеяла на него тоску по родине. Такой великолепной комнаты он никогда еще не видел; ее гармонию нарушала только собака, лежавшая сейчас на боку. Она была такая толстая, что все ее четыре лапки болтались, не касаясь пола. Вполголоса он сказал:

— Это самая красивая комната, какую мне когда-либо приходилось видеть!

— Как приятно подслушать такое замечание!

В дверях стояла молодая женщина с волнистыми каштановыми волосами и матовым бледным лицом. Нос у нее был короткий, прямой, глаза карие, оттененные темными ресницами, веки очень белые. Улыбаясь, она подошло к Фрэнсису Уилмоту и протянула ему руку.

Он поклонился и серьезно спросил:

— Миссис Майкл Монт?

— Значит, Джон женился на вашей сестре? Она хорошенькая?

— Да.

— Красивая?

— Да, она красива.

— Надеюсь, вы не скучали? Бэби вас занимал?

— Чудесный ребенок.

— О да! А Дэнди вас, говорят, укусил?

— Кажется, не до крови.

— А вы даже не посмотрели? Но собака совершенно здорова. Садитесь и расскажите мне о вашей сестре и Джоне. Это брак по любви?

Фрэнсис Уилмот сел.

— Да, несомненно. Джон прекрасный человек, а Энн...

Он услышал вздох.

— Я очень рада. Он пишет, что очень счастлив. Вы должны остановиться у нас. Здесь вас никто не будет стеснять. Можете смотреть на наш дом как на отель.

Молодой человек поднял на нее глаза и улыбнулся.

— Как вы добры! Ведь я впервые уехал из Америки. Слишком рано кончилась война.

Флер вынула бэби из гнездышка.

— А вот это существо не кусается. Смотрите — целых два зуба, но они не опасны.

— Как его зовут?

— Кит, уменьшительное от Кристофер. К счастью, мы сошлись на этом имени. Сейчас придет Майкл, мой муж. Он член парламента. Но первое заседание только в понедельник — конечно, опять Ирландия. А мы вчера вернулись для этого из Италии. Чудная страна, вы должны туда съездить.

— Простите, какие это часы так громко бьют? Парламентские?

— Да, это Большой Бэн. Он заставляет их помнить о времени. Майкл говорит, что парламент — лучший тормоз прогресса. Теперь, когда у нас впервые лейбористское правительство, год обещает быть интересным. Посмотрите, как эта собака охраняет моего бэби. Не правда ли, трогательно? Челюсти у нее чудовищные.

— Какая это порода?

— Дэнди-динмонт. А раньше у нас была китайская собачка. С ней произошла трагическая история. Она всегда гонялась за кошками и однажды повздорила с воинственным котом, он ей выцарапал оба глаза... она ослепла, и пришлось...

Молодому человеку показалось, что в ее глазах блеснули слезы. Он тихонько вздохнул и сочувственно сказал:

— Очень печально.

— Мне пришлось обставить эту комнату по-новому. Раньше она была отделана в китайском стиле. Она мне слишком напоминала Тинг-а-Линга.

— Ну, а этот песик загрызет любую кошку.

— К счастью, он вырос вместе с котятами. Нам он понравился потому, что у него кривые лапы. Ходит он с трудом и едва поспекает за детской колясочкой. Дэн, покажи лапки!

Дэнди поднял голову и тихонько заворчал.

— Он ужасно упрямый. Скажите, Джон изменился? Или похож еще на англичанина?

Молодой человек понял, что она наконец заговорила о чем-то для нее интересном.

— Похож. Но он чудесный малый.

— А его мать? Когда-то она была красива.

— Она и сейчас красива.

— Да, наверно. Седая, должно быть?

— Поседела. Вы ее не любите?

— Гм! Надеюсь, она не будет ревновать его к вашей сестре.

— Пожалуй, вы несправедливы.

— Пожалуй, несправедлива.

Она сидела неподвижно с ребенком на руках; лицо ее было сурово. Молодой человек, сообразив, что мысли ее где-то витают, встал.

— Когда будете писать Джону, — заговорила она вдруг, — передайте ему, что я ужасно рада и желаю ему счастья. Я сама не буду ему писать. Можно мне называть вас Фрэнсис?

Фрэнсис Уилмот поклонился.

— Я буду счастлив...

— А вы должны называть меня Флер. Ведь теперь мы с вами родственники.

— Флер! Красивое имя! — медленно, словно смакуя это слово, произнес молодой человек.

— Комнату вам приготовят сегодня же. Разумеется, у вас будет отдельная ванная.

Он прикоснулся губами к протянутой руке.

— Чудесно! — сказал он. — А я было начал тосковать по дому: здесь мне не хватает солнца.

В дверях он оглянулся. Флер положила ребенка в гнездышко и задумчиво смотрела куда-то в пространство.

II. ПЕРЕМЕНА

Не только смерть собаки побудила Флер по-новому обставить китайскую комнату. В тот день, когда Флер исполнилось двадцать два года, Майкл, вернувшись домой, объявил:

— Ну, дитя мое, я покончил с издательским делом. Старый Дэнби всегда так безнадежно прав, что на этом карьеры не сделаешь.

— О Майкл! Ты будешь смертельно скучать.

— Я пройду в парламент. Дело несложное, а заработок примерно тот же.

Эти слова были сказаны в шутку. Через шесть дней обнаружилось, что Флер приняла их всерьез.

— Ты был совершенно прав, Майкл. Это дело самое для тебя подходящее. У тебя есть мысли в голове.

— Чужие.

— И говоришь ты прекрасно. А живем мы в двух шагах от парламента.

— Это будет стоить денег. Флер.

— Да, я говорила с папой. Знаешь, это очень забавно — ведь ни один Форсайт не имел никакого отношения к парламенту. Но папа считает, что мне это пойдет на пользу, а баронеты только для этого и годятся.

— К сожалению, раньше нужно пройти в выборах.

— Я и с твоим отцом посоветовалась. Он кое с кем переговорит. Им нужны молодые люди.

— Так. А каковы мои политические убеждения?

— Дорогой мой, пора бы уже знать — в тридцать-то лет!

— Я не либерал. Но кто я — консерватор или лейборист?

— У тебя есть время решить этот вопрос до выборов.

На следующий день, пока Майкл брился, а Флер принимала ванну, он слегка порезался и сказал:

— Земля и безработица — вот что меня действительно интересует. Я фоггартист.

— Что это такое?

— Ведь ты же читала книгу сэра Джемса Фоггарта.

— Нет.

— А говорила, что читала.

— Все так говорили.

— Ну все равно. Он весь в будущем и программу свою строит, имея в виду тысяча девятьсот сорок четвертый год. Безопасность в воздухе, развитие земледелия, детская эмиграция; урегулировать спрос и предложение внутри империи; покончить с нашими убытками в делах с Европой; идти на жертвы ради лучшего будущего. В сущности, он проповедует то, что никакой популярностью не пользуется и считается невыполнимым.

— Эти взгляды ты можешь держать при себе, пока не пройдешь в парламент. Ты должен выставить свою кандидатуру по спискам тори.

— Какая ты сейчас красивая!

— Потом, когда ты уже пройдешь на выборах, можно заявить и о своих взглядах. Таким образом ты с самого начала займешь видное положение.

— План недурен, — сказал Майкл.

— И тогда можешь проводить программу этого Фоггарта, Он не сумасшедший?

— Нет, но он слишком трезв и рассудителен, а это приближается к сумасшествию. Видишь ли, заработная плата у нас выше, чем во всех других странах, за исключением Америки и доминионов; и понижения не предвидится. Мы идем в ногу с молодыми странами. Фоггарт стоит за то, чтобы Англия производила как можно больше продовольствия; детей из английских городов он предлагает отправлять в колонии, пока спрос колоний на наши товары не сравняется с нашим ввозом. Разумеется, из этого ничего не

выйдет, если все правительства империи не будут действовать вполне единодушно.

— Все это как будто разумно.

— Как тебе известно, мы его издали, но за его счет. Это старая история — «вера горами двигает». Вера-то у него есть, но гора все еще стоит на месте.

Флер встала.

— Итак, решено! — сказала она. — Твой отец говорит, что сумеет провести тебя по спискам тори, а свои убеждения ты держи при себе. Тебе нетрудно будет завоевать симпатии, Майкл.

— Благодарю, тебя, милочка. Дай я помогу тебе вытереться...

Однако раньше, чем переделывать китайскую комнату, Флер выждала, пока Майкл не прошел в парламент от одного из округов, где избиратели, по-видимому, проявляли интерес к земледелию. Выбранный ею стиль являл собой некую смесь Адама и «Louis Quinze». Майкл окрестил комнату «биметаллическая гостиная» и переселил «Белую обезьяну» к себе в кабинет. Он решил, что пессимизм этого создания не вяжется с карьерой политического деятеля.

Свой «салон» Флер открыла в феврале. После разгрома либералов «центр общества» сошел на нет, и ореол политикоюридической группы леди Элисон сильно померк. Теперь в гору шли люди попроще. По средам на вечерах у Флер бывали главным образом представители младшего поколения; а из стариков показывались в «салоне» ее свекор, два захудалых посланника и Пивенси Блайт, редактор «Аванпоста». Это был высокий человек с бородой и налитыми кровью глазами, столь не похожий на свой собственный литературный стиль, что его постоянно принимали за премьера какого-нибудь колониального кабинета. Он обнаружил познания в таких вопросах, в которых мало кто разбирался. «То, что проповедует Блайт сегодня, консервативная партия не будет проповедовать завтра», — говорили о нем в обществе. Голос у него был негромкий. Когда речь заходила о политическом положении страны, Блайт изрекал такие афоризмы:

— Сейчас люди бродят во сне, а проснутся голыми.

Горячий сторонник сэра Джемса Фоггарта, он называл его книгу «шедевром слепого архангела». Блайт страстно любил клавикуорды и был незаменим в «салоне» Флер.

Покончив с поэзией и современной музыкой, с Сибли Суоном, Уолтером Нэйзингом и Солстисом, Флер получила возможность уделять время сыну одиннадцатому баронету. Для нее он был единственной реальностью. Пусть Майкл верит в теорию, которая принесет плоды лишь после его смерти, пусть лейбористы лелеют надежду завладеть страной — для Флер все это было неважно: 1944-й год казался ей знаменательным только потому, что в этом году Кит достигнет совершеннолетия. Имеют ли какое-нибудь значение все эти безнадежные парламентские попытки что-то сделать? Конечно нет! Важно одно — Англия должна быть — богатой и сильной, когда подрастет одиннадцатый баронет! Они хотят строить какие-то дома — ну что ж, отлично! Но так ли это необходимо, если Кит унаследует усадьбу Липпингхолл и дом на Саут-сквер? Конечно, Флер не высказывала таких циничных соображений вслух и вряд ли сознательно об этом думала. На словах она безоговорочно поклонялась великому божееству — Прогрессу.

Проблемы всеобщего мира, здравоохранения и безработицы занимали всех, независимо от партийных разногласий, и Флер не отставала от моды. Но не Майкл и не сэр Джемс Фоггарт, а инстинкт подсказывал ей, что старый лозунг: «И волки сыты, и овцы целы» — лозунг, лежащий в основе всех партийных программ, — не столь разумен, как хотелось бы. Ведь Кит не голоден, а поэтому о других не стоит очень беспокоиться, хотя, разумеется, необходимо делать вид, что вопрос об этих «других» тебя беспокоит. Флер порхала по своему «салону», со всеми была любезна, перебрасывалась словами то с тем, то с другим из гостей, а гости восхищались ее грацией, здравым смыслом и чуткостью. Нередко она бывала и на заседаниях палаты общин, рассеянно прислушивалась к речам, но каким-то седьмым чувством (если у светских женщин шесть чувств, то у Флер, несомненно, их было семь) улавливала то, что могло придать блеск ее «салону»; отмечала повышение и падение

правительственного барометра, изучала политические штампы и лозунги, а главное — людей, живого человека, скрытого в каждом из членов парламента.

За карьерой Майкла она следила, словно заботливая крестная, которая подарила своему крестнику молитвенник в сафьяновом переплете, надеясь, что настанет день, когда он об этой книге вспомнит. Майкл регулярно посещал заседания палаты всю весну и лето, но ни разу не раскрыл рта. Флер одобряла это молчание и выслушивала его рассуждения о фоггартизме, тем помогая ему уяснить самому себе свои политические убеждения. Если только в фоггартизме дано верное средство для борьбы с безработицей, как говорил Майкл, то и Флер готова была признать себя сторонницей Фоггарта: здравый смысл подсказывал ей, что безработица — это национальное бедствие — является единственной реальной опасностью, угрожающей будущности Кита. Ликвидируйте безработицу — и людям некогда будет «устраивать волнения».

Ее критические замечания часто бывали дельны.

«Дорогой мой, неужели хоть одна страна пожертвует настоящим ради будущего?» Или: «И ты действительно считаешь, что в деревне лучше жить, чем в городе?» Или: «Неужели ты согласился бы отправить четырнадцатилетнего Кита из Англии в какое-нибудь захолустье? Ты думаешь, что горожане на это пойдут?»

Подстрекаемый этими вопросами, Майкл ей возражал так упорно и с таким красноречием, что она уже не сомневалась в его успехе — Со временем он сделает карьеру, как старый сэр Джайлс Снорхам, который скоро будет пэром Англии, потому что всегда носил шляпу с низкой тульей и проповедовал возврат к кабриолетам. Шляпы, бутоньерки, монокль — Флер не забывала обо всех этих атрибутах, способствующих политической карьере.

— Майкл, простые стекла не вредны для глаз, а монокль притягивает взоры слушателей.

— Дитя мое, отцу он никакой пользы не принес; я сомневаюсь, чтобы монокль помог ему продать хотя бы три экземпляра из всех его книг! Нет! Если я сделаю карьеру, то ею я буду обязан только своему красноречию.

Но она упорно советовала ему молчать и выжидать.

— Плохо, если ты на первых же порах оступишься, Майкл. Это лейбористское правительство не дотянет до конца года.

— Почему ты думаешь?

— У них уже голова пошла кругом, вот-вот сорвутся. Их едва терпят — а таким людям приходится быть любезными, иначе их уберут. А когда они уйдут, их сменят тори, причем, вероятно, надолго; и это время ты используешь для своих эксцентрических выходов. А пока завоевывай симпатии в своем округе. Право же, ты допускаешь ошибку, игнорируя избирателей.

В то лето Майкл уезжал на субботу и воскресенье в МидБэкс «завоевывать симпатии избирателей», а Флер с одиннадцатым баронетом проводила эти дни у отца в Мейплдерхеме.

Отряхнув со своих ног прах Лондона после истории с Элдерсоном и ОГС, Сомс зажил в своем загородном доме с увлечением, даже странным для Форсайта. Он купил луга на противоположном берегу реки и завел джерсейских коров. Сельским хозяйством он заниматься не собирался, но ему нравилось переправляться в лодке через реку и смотреть, как доят коров. Кроме того, он настроил парников и увлекся выращиванием дынь. Английская дыня нравилась ему больше всякой другой, а жизнь с женой-француженкой все больше склоняла его к потреблению отечественных продуктов. Когда Майкл прошел в парламент, Флер прислала отцу книгу сэра Джемса Фоггарта «Опасное положение Англии». Получив этот подарок. Сомс сказал Аннет:

— Не понимаю, зачем мне эта книга? Что я буду с ней делать?

— Прочтешь ее. Сомс.

Сомс, перелиставший книгу, фыркнул:

— Понять не могу, о чем он тут пишет.

— Я ее продам на благотворительном базаре. Сомс. Она пригодится тем, кто умеет читать по-английски.

С этого дня Сомс, сам того не замечая, начал изучать книгу. Она показалась ему странной, в ней многим доставалось. Особенно понравилась ему глава, где автор осуждает рабочего, который не желает расставаться со своими подрастающими детьми. Сомс никогда не бывал за пределами Европы и имел очень смутное представление о таких странах, как Южная Африка, Австралия, Канада и Новая Зеландия; но, видимо, этот старик Фоггарт побывал везде и свое дело знал; То, что он говорил о развитии этих стран, показалось Сомсу разумным. Дети, отправляющиеся туда, сразу прибавляют в весе и обзаводятся собственностью в том возрасте, когда в Англии они все еще разносят пакеты, ищут работы, слоняются по улицам и квалифицируются на безработных или коммунистов. Выслать их из Англии! В этом было что-то привлекательное для того, кто был англичанином до мозга костей. Одобрил он также и ту главу, где автор распространяется на тему о том, что Англия должна питать самое себя и позаботиться о защите от воздушных нападений. А затем в Сомсе вспыхнула неприязнь к автору. Просто нытик какой-то! Сомс объявил Флер, что эти теории неосуществимы; автор строит воздушные замки. Что сказал об этой книге «Старый Монт»?

— Он не желает ее читать. Он говорит, что знаком со стариком Фоггартом.

— Гм! — сказал Сомс. — В таком случае меня не удивит, если в ней окажется доля истины. (Узколобий баронет уж очень старомоден!) Как бы то ни было, но я себе уяснил, что Майкл отошел от лейбористов.

— Майкл говорит, что лейбористская партия примет фоггартизм, как только поймет, в чем тут дело.

— Каким образом?

— Он считает, что фоггартизм поможет лейбористам больше, чем кому бы то ни было. Он говорит, что кое-кто из лидеров начинает к этому склоняться, а со временем присоединятся и остальные лидеры.

— Если так, — сказал Сомс, — до рядовых членов партии этот фоггартизм никогда не дойдет.

И на две минуты он погрузился в транс. Сказал он что-то глубокомысленное или нет?

Сомс бывал очень доволен, когда Флер с одиннадцатым баронетом приезжала к нему в конце недели. Когда родился Кит, Сомс был несколько разочарован — он ждал внучку, а одиннадцатый баронет являлся как бы неотъемлемой собственностью Монтов. Но проходили месяцы, и дед начинал интересоваться «занятым парнишкой» и удерживать его в Мейплдерхеме, подальше от Липпингхолла. Разумеется, он иногда раздражался, видя, как женщины возятся с бэби. Такое проявление материнского инстинкта казалось ему неуместным. Так нянчилась Аннет с Флер; теперь то же он наблюдал у самой Флер. Быть может, французская кровь давала о себе знать. Он не помнил, чтобы его мать поднимала такой шум; впрочем, у него не сохранилось никаких воспоминаний о том периоде, когда он был годовалым ребенком. Когда мадам Ламот, Аннет и Флер возились с его внуком, когда эти представительницы трех поколений восхищались жирным куском мяса. Сомс отправлялся на рыбную ловлю, хотя прекрасно знал, что пойманную рыбу никто есть не станет.

К тому времени, как он прочел книгу сэра Джемса Фоггарта, неприятное лето 1924 года миновало и наступил еще более неприятный сентябрь. А золотые осенние дни, пробивающиеся сквозь утренний туман, от которого на каждой паутине, протянувшейся на железных воротах, сверкают росинки, так и не наступили. Лил дождь, и вода в реке поднялась необычайно высоко. Газеты отметили, что это самое сырое лето за последние тридцать лет. Спокойная, с прозеленью водорослей и отражений деревьев, река текла и текла между намокшим садом Сомса и его намокшими лугами, Грибов не было; ежевика поспела водянистая. Сомс имел обыкновение каждый год съесть по одной яголке: он утверждал, что по вкусу этой ягоды можно определить, дождливый ли был год. Появилось много мха и

лишайников.

И тем не менее Сомс был настроен лучше, чем когда бы то ни было. Лейбористская партия уже несколько месяцев стояла у власти, а тучи только-только сгущались. Приход лейбористов к власти заставил Сомса обратить внимание на политику. За завтраком он пророчествовал, причем предсказания его несколько варьировались в зависимости от газетных сообщений; о тех предсказаниях, которые не сбывались, он неизменно забывал и поэтому всегда имел возможность твердить Аннет: «А что я тебе говорил?»

Впрочем, Аннет политикой не интересовалась; она посещала благотворительные базары, варила варенье, ездила в Лондон за покупками. Несмотря на склонность к полноте, она до сих пор была замечательно красива.

Когда Сомсу стукнуло шестьдесят девять лет, Джек Кардиган, муж его племянницы Имоджин, преподнес ему набор палок для гольфа. Сомс был сбит с толку. Черт возьми, что он будет с ними делать? Аннет, находчивая, как все француженки, рассердила его, посоветовав ими воспользоваться. Это было нетактично. В его-то годы! Но както в мае, в конце недели, приехал сам Кардиган с Имоджин и сильным ударом палки перебросил мяч через реку.

— Дядя Сомс, держу пари на ящик сигар, что до нашего отъезда вы этого сделать не сумеете, а уезжаем мы в понедельник.

— Я не курю и никогда не держу пари, — сказал Сомс.

— Пора бы начать! Слушайте, завтра я вас обучу игре в гольф.

— Вздор! — сказал Сомс.

Но вечером он заперся в своей комнате, облачился в пижаму и стал размахивать руками, подражая Джеку Кардигану. На следующий день он отправил женщин на прогулку в автомобиле: ему не хотелось, чтобы они над ним издевались. Редко приходилось ему переживать часы более неприятные, чем те, какие выпали в тот день на его долю. Досада его достигла высшей степени, когда ему удалось наконец попасть по мячу и мяч упал в реку у самого берега. Наутро он не мог разогнуть спину, и Аннет растирала его, пока он не сказал:

— Осторожнее! Ты с меня кожу сдираешь!

Однако яд проник в кровь. Испортив еще несколько клумб и газонов в собственном саду. Сомс вступил членом в ближайший гольф-клуб и каждый день после утреннего завтрака в течение часа бродил, гоня мяч, по лужайке, а за ним следовал мальчик, отыскивавший мячи. Сомс тренировался со свойственным ему упорством и к июлю приобрел некоторую сноровку. Он горячо рекомендовал и Аннет заняться этим спортом, дабы убавить в весе.

— Мерси, Сомс, — отвечала она. — Я не имею ни малейшего желания походить на ваших английских мисс, плоских как доска и спереди и сзади.

Она была реакционерка, как вся ее нация, и Сомс не настаивал, так как втайне питал склонность к формам округлым. Он обнаружил, что гольф благотворно подействовал на его печень и настроение. На щеках появился румянец. После первой партии с Джеком Кардиганом, в которой последний дал ему три удара вперед на каждую лунку и обставил его на девять лунок. Сомс получил какой-то сверток. К великому его смятению, то был ящик сигар. Сомс недоумевал: что это взбрело Джеку в голову? Намерения Кардигана открылись ему лишь через несколько дней: как-то вечером, сидя у окна в своей картинной галерее, он обнаружил во рту сигару — Как это ни странно, но голова у него не кружилась. Ощущение несколько напоминало те времена, когда он «занимался Куэ». Теперь это вышло из моды — Уинифрид рассказывала ему, что какойто американец открыл более короткий путь к счастью. Мелькнуло подозрение, что семья в заговоре с Джеком Кардиганом, и он решил курить только здесь, в картинной галерее; так сигары приобрели аромат тайного порока. Потихоньку он пополнял свои запасы. Но спустя некоторое время выяснилось, что Аннет, Флер и все остальные осведомлены обо всем, и тогда Сомс во всеуслышание заявил, что не сигары, а папиросы — величайшее зло нашего века.

— Дорогой мой, — сказала ему при встрече Уинифрид, — да тебя не узнать, ты стал

другим человеком!

Сомс поднял брови. Никакой перемены он не заметил.

— Забавный тип этот Кардиган, — сказал он. — Сегодня я пообедаю и переночую у Флер: они только что вернулись из Италии. В понедельник заседание палаты.

— Да, — сказала Уинифрид. — И зачем это заседать во время летнего перерыва!

— Ирландия! — изрек Сомс. — Опять зашевелились.

Старая история, и конца ей не видно!

III. МАЙКЛ «ПРОИЗВОДИТ РАЗВЕДКУ»

Из Италии Майкл вернулся, охваченный тем желанием приняться за дело, которое свойственно людям после дней отдыха, проведенных на юге. Он вырос в деревне, по-прежнему интересовался проблемой безработицы, по-прежнему верил, что фоггартизм может разрешить ее; больше ни одним из обсуждаемых в палате вопросов он не увлекся и пока что поедая хлеб, возвращенный другими, и ничего не делал. И теперь ему хотелось знать, какую, в сущности, позицию он занимает и долго ли будет ее занимать.

Выйдя в тот день из палаты, где разбирал накопившиеся письма, он побрел по улице с намерением «произвести разведку», как выразился бы «Старый Форсайт». Направлялся он к Пивенси Блайту, в редакцию еженедельного журнала "Аванпост — Загорелый от итальянского солнца, похудевший от итальянской кухни, он шел быстро и думал о многом. Дойдя до набережной, где на деревьях сидели безработные птицы и тоже как будто выясняли, какую позицию они занимают и долго ли будут ее занимать, он достал из кармана письмо и перечитал его.

"12, Сэпперс Роу.

Кэмден-Таун.

Уважаемый сэр!

В справочнике «Весь Лондон» Ваша фамилия появилась недавно, и, быть может. Вы не будете жестоки к тем, кто страдает. Я — уроженка Австрии; одиннадцать лет назад вышла замуж за немца. Он был актером, служил в английских театрах, так как родители (их уже нет в живых) привезли его в Англию ребенком. Он был интернирован, и это подорвало его здоровье. Сейчас у него сильная неврастения, и никакой работы он выполнять не может. До войны у него всегда был ангажемент, и жили мы хорошо. Но часть денег была израсходована во время войны, когда я оставалась одна с ребенком, а остальное конфисковано по мирному договору, и вернули нам лишь ничтожную сумму, потому что мы оба — не англичане. То, что мы получили, ушло на уплату долгов, на доктора и на похороны нашего ребенка. Я очень его любила, но хорошо, что он умер: ребенок не может жить так, как мы сейчас живем. Я зарабатываю на жизнь шитьем; зарабатываю мало — фунт в неделю, а иногда ровно ничего. Антрепренеры не желают иметь дело с моим мужем: он иногда вдруг начинает трястись, и они думают, что он пьет; но, уверяю Вас, сэр, что у него нет денег на виски. Мы не знаем, к кому обратиться, не знаем, что делать. Вот я и подумала, сэр, не поможете ли Вы нам вернуть наши сбережения. Или, быть

может. Вы дадите моему мужу какую-нибудь работу на свежем воздухе; доктор говорит, что ему это необходимо. Ехать в Германию или Австрию не имеет смысла, так как наши родные умерли. Думаю, таких, как мы, очень много, и все-таки обращаюсь к Вам с просьбой, сэр, потому что живем мы впроголодь, а жить нужно. Прощу прощения за причиняемое Вам беспокойство и остаюсь преданная Вам Анна Бергфсд".

«Помоги им бог», — подумал Майкл без всякого, впрочем, убеждения, проходя под платанами возле «Иглы Клеопатры». Он считал, что богу едва ли не меньше дела до участи неимущих иностранцев, чем директору Английского банка до участи фунта сахара, купленного на часть фунтового банкнота. Богу в голову не придет заинтересоваться мелкой рябью на поверхности вод, которым он повелел течь, когда занимался устройством миров. В представлении Майкла бог был монархом, который сам себя строго ограничил конституцией.

Он сунул письмо в карман. Бедные люди! Но ведь сейчас в Англии миллион двести тысяч безработных англичан, а всему виной проклятый кайзер со своим флотом! Если бы в 1899 году этому молодчику и его банде не пришлось в голову начать борьбу за господство на море, Англия не попала бы в переделку, и, может быть, не произошло бы вообще никакого столкновения!

Дойдя до Темпля, Майкл повернул к редакции «Аванпоста». Этим еженедельником он интересовался уже несколько лет. Казалось, «Аванпосту» все было известно, и журнал производил на читателя впечатление, будто, кроме него, никто ничего не знает, поэтому высказывания его звучали веско. Ни одной партии он особого предпочтения не отдавал и потому мог покровительствовать всем. Он не кричал о величии империи, но дела ее знал превосходно. Не будучи литературным журналом, он не пропускал случая сбить спесь с представителя литературного мира — это Майкл имел удовольствие отмечать еще в пору своей издательской работы. Заявляя о своем уважении к церкви и закону, журнал умело подпускал им шпильки. Он уделял много внимания театру. Но лучше всего ему, пожалуй, удавались разоблачения политических деятелей, которых он неоднократно ставил на место. Кроме того, от его передовиц исходил «святой дух» вдохновенного всеведения, облеченного в абзацы, не вполне понятные для простого смертного; без этого, как известно, ни один еженедельник не принимают всерьез.

Майкл, шагая через две ступеньки, поднялся по лестнице и вошел в большую квадратную комнату. Мистер Блайт стоял спиной к двери, указывая линейкой на какой-то кружочек, обозначенный на карте.

— Ни к черту такая карта не годится, — сообщил мистер Блайт самому себе.

Майкл фыркнул, Блайт оглянулся; глаза у него были круглые, навывкате, под глазами мешки.

— Алло! — вызывающе бросил он. — Вы? Министерство колоний издало эту карту специально для того, чтобы указать лучшие места для переселений, а о Беггерсфонте позабыли.

Майкл уселся на стол.

— Я пришел спросить, что вы думаете о создавшемся положении. Моя жена говорит, что правительство лейбористов скоро будет опрокинуто.

— Очаровательная маленькая леди! — сказал Блайт. — Трудно сказать, когда правительство рухнет. По-видимому, оно будет прозябать, русский и ирландский вопросы им еще удастся разрешить, но возможно, что в феврале, при рассмотрении бюджета, они поскользнутся. Вот что, Монт: когда с русским вопросом будет покончено — ну, скажем, в ноябре, — можно выступить.

— Эта первая речь меня пугает, — сказал Майкл. — Как мне проводить фоггартизм?

— К тому времени успеет создаться фикция какого-то мнения.

— А мнение будет?

— Нет, — сказал мистер Блайт.

— Ох! — вздохнул Майкл. — А кстати, как насчет свободы торговли?

— Будут проповедовать свободу торговли и повышать пошлины.

— Бог и маммона?

— В Англии нельзя иначе, Монт, если нужно провести что-то новое. Есть же у нас либерал-юнионисты, тори-социалисты и...

— Прочие жулики, — мягко подсказал Майкл.

— Будут извиваться, ругать протекционизм, пока он не восторжествует над свободой торговли, а потом начнут ругать свободу торговли. Фоггартизм — это цель; свобода торговли и протекционизм — средства, а отнюдь не цель, как утверждают политики.

Словно подхлестнутый словом «политики», Майкл соскочил со стола; он начинал симпатизировать этим несчастным. Предполагалось, что они никаких чувств к родине не питают и не могут предугадать грядущих событий. Но в самом деле, кто сумеет во время туманных прений определить, что хорошо, а что плохо для страны? Майклу казалось иногда,

что даже старик Фоггарт на это не способен.

— Знаете ли, Блайт, — сказал он, — мы, политики, не думаем о будущем просто потому, что это бессмысленно. Каждый избиратель отождествляет свое личное благополучие с благополучием страны. Взгляды избирателя изменяются лишь в том случае, если у него самого жмет башмак. Кто выступит на защиту фоггартизма, если эта теория, осуществленная на практике, приведет к повышению цен на продукты и отнимет у рабочего детей, зарабатывающих на семью? А благие результаты скажутся лишь через десять или двадцать лет!

— Дорогой мой, — возразил Блайт, — наше дело — обращать неверных. В настоящее время члены тредюнионов презирают внешний мир. Они его никогда не видели. Их кругозор ограничен их грязными улочками. Но стоит затратить пять миллионов и организовать поездку за границу для ста тысяч рабочих, чтобы через пять лет сказались результаты. Рабочий класс заразился лихорадочным желанием завладеть своим местом под солнцем. Их дети могут получить это место. Но можно ли винить рабочих теперь, когда они ничего не знают?

— Мысль не плоха! — заметил Майкл. — Но как посмотрит на это правительство? Можно мне взять эти карты?.. Кстати, — добавил он, направляясь к двери, — известно ли вам, что и сейчас существуют общества для отправки детей в колонии?

— Известно, — проворчал Блайт. — Прекрасная организация! Обслуживает несколько сот ребят, дает конкретное представление о том, что могло бы быть. Расширить ее деятельность во сто раз — и начало будет положено. В настоящее же время это капля в море. Прощайте!

Майкл вышел на набережную, размышляя о том, можно ли из любви к родине защищать необходимость эмиграции. Но тотчас же он вспомнил о тяжелых жилищных условиях в этом грязном дымном городе; о детях, обездоленных с рождения; о толпах безработных, которые в настоящих условиях ни на что рассчитывать не могут. Право же, нельзя примириться с таким положением дел в стране, которую любишь! Башни Вестминстера темнели на фоне заката. И в сознании Майкла встали тысячи мелочей, связанных с прошлым, — деревья, поля и ручьи, башни, мосты, церкви; все звери и певчие птицы Англии, совы, сойки, грачи в Липпингхолле, едва уловимое отличие кустарников, цветов и мхов от их иностранных разновидностей; английские запахи, английский туман над полями, английская трава; традиционная яичница с ветчиной; спокойный, добрый юмор, умеренность и мужество; запах дождя, цвет яблони, вереск и море. Его земля, его племя — сердцевина у них не гнилая. Он прошел мимо башни с часами. Здание парламента стояло кружевное, внушительное, красивее, чем принято считать. Быть может, в этом доме ткут, словно паутину, будущее Англии? Или же раскрашивают занавес, экран, заслоняющий старую Англию?

Раздался знакомый голос:

— Какая громадина!

И Майкл увидел своего тестя, созерцающего статую Линкольна.

— Зачем ее здесь поставили? — сказал Сомс. — Ведь он не англичанин!

Он зашагал рядом с Майклом.

— Как Флер?

— Молодцом. Италия пошла ей на пользу.

Сомс засопел.

— Легкомысленный народ! — сказал он. — Вы видели Миланский собор?

— Да, сэр. Пожалуй, это единственное, к чему мы остались равнодушны.

— Гм! В тысяча восемьсот восемьдесят втором году у меня от итальянской стряпни сделались колики. Должно быть, теперь там лучше кормят. Как мальчик?

— Прекрасно, сэр.

Сомс удовлетворенно проворчал что-то. Они завернули за угол, на Саут-сквер.

— Это что такое? — сказал Сомс.

У подъезда стояло два старых чемодана. Какой-то молодой человек с саквояжем в руке звонил у парадной двери. Только что отъездало такси.

— Понятия не имею, сэр, — сказал Майкл. — Быть может, это архангел Гавриил.

— Он не туда попал, — сказал Сомс, направляясь к подъезду.

Но в эту минуту молодого человека впустили в дом.

Сомс подошел к чемоданам.

— "Фрэнсис Уилмот, — прочел он вслух, — пароход «Амфибия». Это какое-то недоразумение!

IV. ТОЛЬКО РАЗГОВОРЫ

Когда они вошли в дом, Флер уже показала молодому человеку его комнату и спустилась вниз. Она была в вечернем туалете — иными словами, скорее раздета, чем одета; волосы ее были коротко острижены...

— Дорогая моя, — сказал ей Майкл, когда короткая стрижка входила в моду, — ну пожалей меня, не делай это — го! Ведь у тебя будет такой колючий затылок, что и поцеловать нельзя будет.

— Дорогой мой, — ответила она, — это неизбежно. Ты всякую новую моду встречаешь в штыки.

Она попала в первую дюжину женщин со стриженными затылками и уже опасалась, как бы не опоздать и попасть в первую дюжину тех, кто снова начнет отпускать волосы. У Марджори Феррар — «Гордость гедонистов», как называл ее Майкл, — волосы отросли уже на добрый дюйм. Отставать от Марджори Феррар не хотелось...

Подойдя к отцу, она сказала:

— Папа, я предложила одному молодому человеку остановиться у нас. Джон Форсайт женился на его сестре. Ты загорел, дорогой мой. Как мама?

Сомс молча смотрел на нее.

Наступил один из тех неприятных моментов, когда Флер чувствовала, что отец любит ее слишком сильно и словно не прощает ее поверхностной любви к нему. Ей казалось, что он не имеет права так смотреть на нее. Как будто в этой старой истории с Джоном она не страдала больше, чем он! Если теперь она может спокойно вспоминать прошлое, то и он должен последовать ее примеру. А Майкл — Майкл не сказал ни слова, даже не пошутил! Она закусила губу, тряхнула коротко подстриженными волосами и прошла в «биметаллическую» гостиную.

За обедом, когда подали суп, Сомс заговорил о своих коровах и пожалел, что они не хэрифордской породы. Должно быть, в Америке много хэрифордских коров?

Фрэнсис Уилмот ответил, что американцы разводят голштинских коров.

— Голштинских? — повторил Сомс. — У нас они вошли в моду, когда я был мальчишкой. Какой масти?

— Пестрые, — сказал Фрэнсис Уилмот. — У вас в Англии чудесная трава.

— Слишком у нас сыро, — сказал Сомс. — Мы на реке.

— Темза? Какой она ширины, когда нет прилива?

— Там, где живу я, — не больше ста ярдов.

— А рыба водится?

— Рыбы много.

— Вода в Темзе прозрачная, а в наших южных реках бурая. А из деревьев у вас чаще всего попадают ивы, тополя и вязы.

Сомс недоумевал. В Америке он ни разу не был. Американцев считал, конечно, людьми, но очень своеобразными: все они на одно лицо, голова у них не гнется, плечи неестественно широкие, а голос резкий — Их доллар стоит слишком высоко, они все имеют автомобили и презирают Европу, однако наводняют Европу и увозят к себе на родину все, что только можно увезти. Пить им не разрешается, а говорят они очень много. Но этот

молодой человек опровергает все предвзятые мнения. Он пьет херес и говорит только тогда, когда к нему обращаются. Голос у него звучит мягко, а плечи не слишком широкие. Но, может быть, Европу он все-таки презирает?

— Должно быть, Англия вам показалась очень маленькой, — сказал Сомс.

— О нет, сэр. Лондон очень велик, а пригороды у вас очаровательны.

Сомс скосил глаза и посмотрел на кончик носа.

— Недурны! — сказал он.

Подали палтус. За стулом Сомса послышался какой-то шорох.

— Собака! — сказал Сомс и подцепил на вилку кусок рыбы, показавшийся ему несъедобным.

— Нет, нет, папа. Он хочет только, чтобы ты на него посмотрел.

Сомс опустил руку, и Дэнди лег на бок.

— Есть он не хочет, — продолжала Флер. — Он требует, чтобы на него обратили внимание.

Подали жареных куропаток.

— Что бы вам хотелось посмотреть здесь, в Англии, мистер Уилмот? спросил Майкл. — Вряд ли вы найдете у нас что-нибудь такое, чего бы не было в Америке. Даже Риджент-стрит модернизирована.

— Я хочу посмотреть лейб-гвардейцев, выставку собак Крафта, ваших чистокровных лошадей и дерби.

— Дерби вам придется ждать до июня будущего года, — заметил Сомс.

— Скаковых лошадей вам покажет мой кузен Вэл, — сказала Флер. — Вы знаете, он женат на сестре Джона.

Подали мороженое.

— Вот чего у вас, наверное, много в Америке, — сказал Сомс.

— Нет, сэр, на юге мороженого едят мало. Есть у нас кое-какие местные кушанья — очень вкусные.

— Мне говорили о черепахах.

— Я таких деликатесов не ем. Ведь я живу в глуши и много работаю. У нас все по-домашнему. Работают у меня славные негры; они прекрасно стряпают. Самые старые помнят еще моего деда.

А, так он из Южных Штатов! Сомс слышал, что жители Южных Штатов джентльмены. И не забыл «Алабаму» и как его отец Джемс говорил: «Я так и знал», когда в связи с этой историей правительство получило по носу.

В молчании, наступившем, когда подали поджаренный хлеб с икрой, были ясно слышны шаги Дэнди по паркету.

— Вот единственное, что он любит, — сказала Флер. — Дэн, ступай к хозяину! Дай ему кусочек, Майкл!

И она украдкой посмотрела на Майкла, но он не ответил на ее взгляд.

Во время путешествия по Италии Майкл переживал свой подлинный медовый месяц. Под влиянием новой обстановки, солнца и вина Флер словно отогрелась, непрочь была покутить, охотно отвечала на его ласки, и Майкл впервые со дня женитьбы чувствовал, что та, кого он любит, избрала его своим спутником. А теперь явился этот американец и принес напоминание о том, что ты играешь только вторую скрипку, а первое место принадлежит троюродному брату и первому возлюбленному. И Майкл чувствовал, что снова оторвали чашу от его уст. Флер пригласила молодого человека, потому что тот связан с ее прошлым, в котором Майклу не отведено места. Не поднимая глаз, Майкл угощал Дэнди лакомыми кусочками.

Молчание нарушил Сомс.

— Возьмите мускатный орех, мистер Уилмот. Дыня без мускатных орехов...

Когда Флер встала из-за стола. Сомс последовал за ней в гостиную, а Майкл увел молодого американца в свой кабинет.

— Вы знали Джона? — спросил Фрэнсис Уилмот.
— Нет, ни разу с ним не встречался.
— Он славный человек. Сейчас он разводит персики.
— И думает заниматься этим и впредь?
— Конечно.
— В Англию не собирается?
— В этом году нет. У них прекрасный дом, есть лошади и собаки. Можно и поохотиться. Быть может, будущей осенью он приедет с моей сестрой.
— Вот как? — отозвался Майкл. — А вы долго думаете здесь прожить?
— К рождеству хочу вернуться домой. Я думаю побывать в Риме и Севилье. И хочу съездить в Вустершир, посмотреть дом моих предков.
— Когда они переселились?
— При Вильгельме и Марии. Были католиками. Там хорошо, в Вустершире?
— Очень хорошо, особенно весной. Много фруктовых садов.
— О, вы еще здесь что-то разводите?
— Очень мало.
— Я так и думал. В поезде, по дороге из Ливерпуля, я смотрел в окно и видел прекрасные луга, двух-трех овец, но не было людей, работающих в полях. Значит, теперь все живут в городах?
— За редкими исключениями. Вы должны съездить в имение моего отца; в тех краях еще можно найти одну-две брюквы.
— Печально, — сказал Фрэнсис Уилмот.
— Да. Во время войны мы снова начали сеять пшеницу, но затем бросили это дело.
— Почему?
Майкл пожал плечами.
— Непонятно, чем руководствуются наши государственные деятели. Когда они у власти, им плевать на земельный вопрос. Как только они попадают в оппозицию, так начинают о нем трубить. К концу войны у нас был первый воздушный флот в мире и земледелие начало было развиваться. А как поступило правительство? Махнуло рукой и на то и на другое. Это трагично. А что разводят у вас в Каролине?
— В наших краях возделывают только хлопок. Но теперь не легко на этом заработать. Рабочие руки стоят дорого.
— Как, и у вас то-же самое?
— Да, сэр. Скажите, иностранцев пускают на заседания парламента?
— Конечно. Хотите послушать прения по ирландскому вопросу? Я могу устроить вам место на галерее для знатных иностранцев.
— Я думал, англичане — народ чопорный, но у вас я себя чувствую совсем как дома. Этот старый джентльмен — ваш тесть?
— Он какой-то особенный. Он банкир?
— Нет. Но, пожалуй, следовало бы ему быть банкиром.
Взгляд Фрэнсиса Уилмота, бродивший по комнате, остановился на «Белой обезьяне».
— Знаете, — сказал он тихо, — вот это изумительная вещь. Нельзя ли устроить, чтобы этот художник написал мне картину, я бы отвез ее Энн и Джону.
— Боюсь, затруднительно будет. Видите ли, он был китаец, даже не самого лучшего периода, и уже лет пятьсот как отправился к праотцам.
— Ах так! Ну, животных он прекрасно чувствовал.
— Мы считаем, что он прекрасно чувствовал людей.
Фрэнсис Уилмот удивился и промолчал.
Майклу подумалось, что этот молодой человек вряд ли в состоянии оценить сатиру.
— Значит, вы хотите побывать на выставке собак Крафта? — сказал он. Вероятно, любите собак?
— Я думаю купить ищейку для Джона и двух для себя. Хочу разводить породистых

ищеек.

Майкл откинулся на спинку стула и выпустил облако дыма. Он почувствовал, что для Фрэнсиса Уилмота мир еще совсем молод и жизнь мягко, словно на резиновых шинах, несет его к желанной цели. А вот Англия-то!..

— Что вы, американцы, хотите взять от жизни? — неожиданно задал он вопрос.

— Мне кажется, мы хотим добиться успеха. Во всяком случае, это можно сказать о Северных Штатах.

— К этому мы стремились сто лет тому назад, — сказал Майкл.

— О! А теперь?

— Успеха мы добились, а теперь размышляем, не посадили ли мы сами себя в калошу.

— Видите ли, — сказал Фрэнсис, — ведь Америка заселена не так густо, как Англия.

— Совершенно верно, — сказал Майкл. — Здесь на каждое место имеется кандидат, а многим приходится сидеть у самих себя на коленях. Хотите выкурить еще одну сигару, или пойдем в гостиную?

V. ПАСЫНКИ

Быть может, провидение было вполне удовлетворено улицей Сэпперс-Роу в Кэмден-Тауне, но Майкл никакого удовлетворения не испытывал. Как оправдать эти унылые однообразные ряды трехэтажных домов, таких грязных, что их можно было сравнить только с воротничками, выстиранными в Италии? Какое отношение к коммерции имеют эти жалкие лавчонки? Кому придет в голову свернуть на эти задворки с шумной, звенящей трамваями улицы, пропитанной запахом жареной рыбы, бензина и старого платья? Даже дети, которых с героическим упорством производили здесь на свет во вторых и третьих этажах, уходили искать радостей жизни подальше: ведь на Сэпперс-Роу не представлялось возможности ни попасть под колеса, ни поглазеть на афиши кино. Уличное движение здесь составляли только ручные тележки, велосипеды, фургоны, выдавшие лучшие времена, да сбившиеся с дороги такси; потребность в красоте удовлетворяли только герань в горшках да пятнистые кошки. Вся улица никла, рассыпалась в прах.

Отправляясь туда, Майкл поступал против своих принципов. Именно здесь чувствовалось, как густо населена Англия, а он проповедовал уменьшение населения и тем не менее собирался нанести визит разорившимся иностранцам и не дать им умереть. Он заглянул в две-три лавчонки. Ни души! Что хуже — битком набитая лавчонка или пустая? Перед домом N 12 Майкл остановился, поднял голову и увидел в окне лицо, бледное, восковое. Голова женщины, сидевшей у окна, была опущена над шитьем.

«Вот моя корреспондентка», — подумал он.

Он вошел в парикмахерскую в первом этаже, увидел пыльное зеркало, грязный таз, сомнительной чистоты полотенце, флаконы и два ветхих стула. На одном из этих стульев сидел верхом худой человек без пиджака и читал «Дейли мейл». Щеки у него были впалые, волосы жидкие, а глаза — философа, трагические и задумчивые.

— Волосы подстричь, сэр?

Майкл покачал головой.

— Здесь живут мистер и миссис Бергфелд?

— Наверху.

— Как мне туда попасть?

— Вот сюда.

За занавеской Майкл увидел лестницу и, поднявшись на верхнюю площадку, остановился в нерешительности. В памяти еще живы были слова Флер, прочитавшей письмо Анны Бергфелд: «Да, конечно, но какой смысл?» В эту минуту дверь отворилась, и Майклу почудилось, что перед ним стоит мертвец, вызванный из могилы. Мертвенно бледным и таким напряженным было лицо.

— Миссис Бергфелд? Моя фамилия Монт. Вы мне писали.

Женщина так задрожала, что Майкл испугался, как бы она не потеряла сознания.

— Простите, сэр, я сяду.

И она опустилась на край кровати. В комнате было очень чисто и пусто; кровать, деревянный умывальник, герань в горшке, у окна стул, на нем брошенное шитье, женская шляпа на гвоздике, на сундуке — аккуратно сложенные брюки; больше в комнате ничего не было.

Женщина снова встала. На вид ей было не больше тридцати лет; худая, но сложена хорошо; овальное, бледное, без кровинки, лицо и темные глаза больше вязались с картинами Рафаэля, чем с этой улицей.

— Слово ангела увидела, — сказала она. — Простите меня, сэр.

— Довольно странный ангел, миссис Бергфелд. Ваш муж дома?

— Нет, сэр. Фриц пошел погулять.

— Скажите, миссис Бергфелд, вы поедете в Германию, если я заплачу за проезд?

— Теперь мы не получим разрешения на постоянное жительство; Фриц прожил здесь двадцать лет; он уже не германский подданный, сэр. Такие люди, как мы, им не нужны.

Майкл взъерошил волосы.

— А сами вы откуда родом?

— Из Зальцбурга.

— Не хотите ли туда вернуться?

— Я бы хотела, но что мы там будем делать? Теперь в Австрии народ беден, а родственников у меня нет. Здесь мне все-таки дают работу.

— Сколько вы зарабатываете в неделю?

— Иногда фунт, иногда пятнадцать шиллингов. Этого хватает на хлеб да на квартирную плату.

— Вы не получаете пособия?

— Нет, сэр. Мы не зарегистрированы.

Майкл достал пятифунтовый билет и положил его вместе со своей визитной карточкой на умывальник.

— Мне придется об этом подумать, миссис Бергфелд. Быть может, ваш муж заглянет ко мне?

Призрачная женщина густо покраснела, и Майкл поспешил выйти.

Внизу за занавешенной дверью парикмахер вытирал таз.

— Застали вы их дома, сэр?

— Только миссис Бергфелд.

— А! Должно быть, она видала лучшие дни. Муж ее — странный парень; как будто не в себе. Хотел стать моим компаньоном, но мне придется закрыть парикмахерскую.

— В самом деле? Почему?

— Мне нужен свежий воздух — у меня осталось одно легкое, да и то затронуто. Придется поискать другой работы.

— Теперь это не так-то легко.

Парикмахер пожал костлявыми плечами.

— Эх, — сказал он. — всю жизнь я был парикмахером, только во время войны отошел от этого дела. Странно было возвращаться сюда после того, как я побывал на фронте. Война выбила меня из строя.

Он закрутил свои жидкие усики.

— Пенсию получаете? — спросил Майкл.

— Ни одного пенни! Сейчас мне нужна работа на свежем воздухе.

Майкл осмотрел его с ног до головы. Худой, узкогрудый, с одним легким!

— А вы имеете представление о деревенской жизни?

— Ни малейшего. А все-таки нужно что-нибудь найти, а то хоть помирай.

Его трагические глаза впились в лицо Майкла.

— Печально, — сказал Майкл. — Прощайте!

Парикмахер ответил судорожным кивком.

Покинув Сэпперс-Роу, Майкл вышел на людную улицу. Ему вспомнилась сценка из одной пьесы, которую он видел года два назад; кто-то из действующих лиц произносит такие слова: «Условия, в каких живет народ, оставляют желать лучшего. Я приму меры, чтобы поднять этот вопрос в палате». Условия, в каких живет народ! Кто принимает это близко к сердцу? Это только кошмар, встревоживший на несколько ночей, семейная тайна, которую тщательно скрывают, вой голодной собаки, доносящийся издалека. И, быть может, меньше всех встревожены те шестьсот человек, что заседают с ним в палате. Ибо улучшать условия, в каких живет народ, — их непосредственная задача, а сознание выполняемого долга успокаивает совесть. Со времен Оливера Кромвеля их сменилось там, верно, не менее шестнадцати тысяч, и все преследовали одну и ту же цель. Ну и что же, добились чего-нибудь? Вернее, что нет. А все-таки они-то работают, а другие только смотрят да помогают советами!

Об этом он размышлял, когда раздался чей-то голос:

— Не найдется ли у вас работы, сэр?

Майкл ускорил шаги, потом остановился. Он заметил, что человек, задавший этот вопрос, шел, опустив глаза, и не обратил внимания на эту попытку к бегству. Майкл подошел к нему; у этого человека были черные глаза и круглое одутловатое лицо, напоминавшее пирог с начинкой. Приличный, хоть и обтрепанный, спокойный и печальный, на груди воинский значок значок демобилизованных солдат.

— Вы что-то сказали? — спросил Майкл.

— Понятия не имею, как это у меня вырвалось, сэр.

— Без работы?

— Да; и приходится туго.

— Женаты?

— Вдовец, сэр; двое детей.

— Пособие?

— Получаю; и здорово оно мне надоело.

— Вы были на войне?

— Да, в Месопотамии.

— За какую работу возьметесь?

— За любую.

— Как фамилия? Дайте мне ваш адрес.

— Генри Боддик; 94, Уолтхэм-Билдингс, Геннерсбери.

Майкл записал.

— Обещать ничего не могу, — сказал он.

— Понимаю, сэр.

— Ну, всего вам хорошего. Сигару хотите?

— Очень вам благодарен, сэр. И вам всего хорошего!

Майкл козырнул и пошел вперед. Отойдя подальше от Генри Боддика, он сел в такси. Еще немного — и он рисковал утратить то спокойствие духа, без которого невозможно заседать в палате.

На Портленд-Плейс часто попадались дома с табличками: «Продается или сдается внаем», и это помогло ему вновь обрести равновесие.

В тот же день он повел Фрэнсиса Уилмота в парламент. Проводив молодого человека на галерею для знатных иностранцев, он прошел вниз.

В Ирландии Майкл никогда не был, и прения представляли для него мало интереса. Впрочем, он мог наглядно убедиться, что по каждому вопросу возникает ряд препятствий, исключаящих возможность соглашения. Необходимость сговориться подчеркивал почти каждый оратор, тут же заявляя, что нельзя уступить по тому или иному пункту, и тем самым Сводя на нет все шансы на соглашение. Однако Майклу показалось, что, если принять во внимание тему, прения протекают сравнительно гладко; сейчас члены палаты выйдут из зала

в разные двери, чтобы проголосовать за то, за что они решили голосовать еще до начала прений. Вспомнилось ему, какое волнение испытывал он, впервые присутствуя на заседании. Каждая речь производила на него глубокое впечатление, и казалось — каждый оратор должен был обратить слушателей в свою веру. Велика была его досада, когда он убедился, что прозелитов нет! За кулисами работает какая-то сила, куда более мощная, чем самое яркое и искреннее красноречие. Стирают белье в другом месте, здесь его только проветривают, перед тем как надеть. Но все же, пока люди не выразят своей мысли вслух, они сами не знают, о чем думают, а иногда не знают и после того, как высказались. И в сотый раз Майкл почувствовал дрожь в коленях. Через несколько недель ему самому придется выступить. Отнесется ли к нему палата с «обычным снисхождением», или же остановят его фразой: «Молодой человек, яйца курицу не учат! Замолчите!»

Он огляделся по сторонам.

Его коллеги, члены палаты, сидели в самых разнообразных позах. Казалось, на этих избранных народа оправдывалась доктрина: человеческая природа остается неизменной, а если изменяется, то так

медленно, что процесс незаметен. Прототипы этих людей он уже видел — в римских статуях, в средневековых портретах. «Просты, но обаятельны», — подумал он, бессознательно повторяя слова, которые в пору своего расцвета Джордж Форсайт говорил, бывало, о самом себе. Но принимают ли они себя всерьез, как во времена Бэрка или хотя бы как во времена Гладстона?

Слова «с обычным снисхождением» нарушили ход его мыслей. Значит, ему предстоит выслушать первую речь одного из членов. Да, совершенно верно! Депутат от Корнмаркета. Майкл приготовился слушать. Оратор говорил сдержанно и толково; видимо, он старался внушить, что не следует пренебрегать правилом: «Поступай по отношению к другим так, как бы ты хотел, чтобы поступали по отношению к тебе»; да, этим правилом пренебрегать не нужно даже в тех случаях, когда вопрос касается Ирландии. Но речь была растянута, слишком растянута. Майкл заметил, что слушатели устали. «Эх, бедняга!» — подумал он, когда оратор поспешно сел. После него выступил очень красивый джентльмен. Он поздравил уважаемого коллегу с блестящей речью, но высказал сожаление, что она не имеет никакого отношения к разбираемому вопросу. Вот именно! Майкл покинул заседание и, отыскав своего «знатного иностранца», пошел с ним на Саут-сквер.

Фрэнсис Уилмот был в восторге.

— Замечательно! — воскликнул он. — Кто этот джентльмен под балдахином?

— Спикер, председатель палаты.

— Следовало бы дать ему подушку с кислородом. Наверно, его клонит ко сну. Мне понравился депутат, который...

— Тот самый идеализм, который мешает вам вступить в Лигу наций? — усмехнулся Майкл.

Фрэнсис Уилмот резко повернул голову.

— Ну что же, — сказал он, — мы такие же люди, как и все остальные, если покопаться поглубже.

— Совершенно верно, — отозвался Майкл, — идеализм — это всего-навсего отходы географии, дымка, заволакивающая даль. Чем дальше вы от сути дела — тем гуще дымка. Мы относимся к европейской ситуации на двадцать морских миль идеалистичнее, чем французы. А вы — на три тысячи миль идеалистичнее, чем мы. Что же касается негритянского вопроса, то тут мы настолько же идеалистичнее вас, не так ли?

Фрэнсис Уилмот прищурил темные глаза.

— Да, — сказал он. — В Штатах — чем дальше на север, тем идеалистичнее люди в отношении негров. Мы с Энн всю жизнь прожили среди негров — и ни одной неприятности: их любим, они нас любят; но попробуй один из них посягнуть на сестру, я, кажется, сам принял бы участие в его линчевании. Мы много раз говорили на эту тему с Джоном. Он не понимает моей точки зрения: говорит, что негра надо судить таким же судом, как и белого;

но он еще не знает, что такое Юг. Умом он все еще живет за три тысячи морских миль.

Майкл промолчал. Что-то в нем всегда замыкалось при упоминании этого имени.

Фрэнсис Уилмот прибавил задумчиво:

— В каждой стране есть несколько святых, опровергающих вашу теорию. А все остальные — самые обыкновенные представители рода человеческого.

— Кстати, о роде человеческом, — сказал Майкл. — Вон идет мой тесть.

VI. СОМС НАЧЕКУ

Сомс задержался в городе и в тот день провел несколько часов в Зоологическом саду в попытках удержать маленьких Кардиганов, внуков Уинифрид, на почтительном расстоянии от обезьян и диких кошек. Водворив их затем в родной дом, он скучал в своем клубе и лениво перелистывал вечернюю газету, пока не наткнулся случайно на следующую заметку, помещенную в столбце «О чем говорят».

«В доме одной молодой леди, проживающей неподалеку от Вестминстера, происходят по средам собрания, на которых готовят сюрприз к следующей парламентской сессии. Ее мужу, будущему баронету, имевшему какое-то отношение к литературе, поручено выступить в парламенте с проповедью фоггартизма — учения сэра Джемса Фоггарта, изложенного в его книге „Опасное положение Англии“. Инициатором дела является несколько чудаковатый субъект, редактирующий один хорошо известный еженедельник. Посмотрим, что из этого выйдет, а пока вышеупомянутая предприимчивая молодая леди пользуется случаем создать свой „салон“, спекулируя на любопытстве, порождаемом политическим авантюризмом».

Сомс протер глаза, затем еще раз прочел заметку. Гнев его возрастал. "Предприимчивая молодая леди пользуется случаем создать свой «салон». Кто это написал? Он сунул газету в карман — кажется, это была его первая кража — и в надвигающихся сумерках побрел по направлению к Саутсквер, упорно размышляя об анонимной заметке. Намек казался ему абсолютно верным и глубоко коварным. Он все еще размышлял, когда к нему подошли Майкл и Фрэнсис Уилмот.

— Добрый вечер, сэр!

— А, — сказал Сомс. — Я хотел с вами поговорить. В вашем лагере есть изменник.

И без всякого злого умысла он бросил гневный взгляд на Фрэнсиса Уилмота.

— В чем дело, сэр? — спросил Майкл, когда они вошли в его кабинет. Сомс протянул сложенную газету.

Майкл прочел заметку и скорчил гримасу.

— Тот, кто это написал, бывает на ваших вечерах, — сказал Сомс, — это ясно. Кто он?

— Очень возможно, что это она.

— Неужели они напечатали бы такого рода заметку, написанную женщиной?

Майкл ничего не ответил. «Старый Форсайт» явно не поспевает за веком.

— Скажут они мне, кто написал, если я пойду в редакцию? — спросил Сомс.

— К счастью, не скажут.

— Почему «к счастью»?

— Видите ли, сэр, пресса — цветок весьма чувствительный. Он может свернуть лепестки, если вы к нему прикоснетесь. А кроме того, они всегда говорят вещи приятные и незаслуженные.

— Но ведь это... — начал было Сомс, но вовремя остановился и добавил: — Так вы хотите сказать, что мы должны это проглотить?

— Боюсь, что так, и заесть сахаром.

— У Флер завтра вечер?

— Да.

— Я приду и буду наблюдать.

Майкл мысленно представил себе своего тестя в виде субъекта в штатском, поставленного на страже у стола со свадебными подарками.

Но, несмотря на напускное равнодушие, Майкл был задет. Он знал, что его жене нравится коллекционировать знаменитостей, что она порхает и своими чарами старается привлечь нужных ей людей. Раньше он только снисходительно ей удивлялся, но сейчас почувствовал в этом нечто большее, чем невинную забаву. Быстрота, с которой загоралась и гасла ее улыбка, словно под стриженными волосами был скрыт выключатель; живые повороты прелестной открытой шеи; искусно, если и недостаточно искусно скрытая игра красивых глаз; томность и дрожание белых век; выразительные руки, которыми она легко и изящно лепила себе карьеру, — от всего этого Майклу вдруг стало больно. Правда, она это делает для него и для Кита! Говорят, француженки помогают своим мужьям делать карьеру. В ней есть французская кровь. А может быть, это стремление к идеалу, желание иметь все самое лучшее и быть лучше тех, кто ее окружает? Так размышлял Майкл. Но в среду вечером он тревожно всматривался в лица гостей, стараясь поймать иронические взгляды.

Сомс следовал иному методу. У него в сознании все решалось проще, чем у человека, который критикует днем, а ночью обнимает. Он не видел оснований, почему Флер не собирать у себя аристократов, лейбористских членов палаты, художников, послов, всяких молодых идиотов и даже писателей, если эти люди ее интересуют. Он несколько наивно рассуждал, что чем выше они стоят, тем меньше шансов впутаться из-за них в какую-нибудь неприятную историю; и, пожалуй, денег займы они не попросят. Его дочь не хуже, если не лучше, всех этих людей. Он был глубоко оскорблен тем, что кто-то считает, будто она всеми силами старается привлечь их к себе. Нет, не она за ними охотится, а они за ней. Он стоял у стены, под картиной Фрагонара, которую он подарил Флер. Седой, с аккуратно подстриженными волосами и энергичным подбородком, он обводил глазами комнату, ни на ком не задерживаясь взглядом, как человек, который видел в жизни много, но интересного нашел мало. Его можно было принять за какого-нибудь посланника.

Перед ним, повернувшись к нему спиной, остановилась молодая женщина с короткими золотисто-рыжими волосами; она разговаривала с глуповатым на вид человеком, который все время потирал руки. Сомсу слышно было каждое слово.

— Не правда ли, эта маленькая Монт ужасно забавна? Посмотрите на нее, она разговаривает с «доном Фернандо»; можно подумать, что он для нее все. А, вот Бэшли! Как она к нему разлетелась! Прирожденная выскочка! Но она ошибается — таким путем «салона» не создашь. Создать «салон» может человек умный, с ярко выраженной индивидуальностью; человек, презирающий общественное мнение. Она для этой роли не годится. Да и кто она, в сущности, такая?

— Деньги? — подсказал собеседник.

— Не так уж много. А Майкл так в нее влюблен, что даже поглупел. Впрочем, и парламент на него действует. Вы слышали их разговоры об этом фотгартизме? Продукты питания, дети, будущее — невероятная скука!

— Новизна, — промурлыкал глуповатый человек, — вот мания нашего века.

— Досадно, когда такое ничтожество старается выдвинуться и пускает в ход такую чепуху, как этот фоггартизм. Вы читали книгу Фоггарта?

— Нет. А вы?

— Конечно нет! Мне жаль Майкла. Эта маленькая выскочка его эксплуатирует.

Сомс, очутившись словно в западне, не выдержал и засопел. Почувствовав, быть может, ветерок, молодая женщина оглянулась и увидела такие холодные серые глаза и такое хмурое лицо, что поспешила отойти.

— Кто этот мрачный старик? — спросила она своего собеседника. — Я даже испугалась.

Глуповатый джентльмен предположил, что это бедный родственник: видимо, он здесь ни с кем не знаком.

А Сомс направился прямо к Майклу.

— Кто эта молодая женщина с рыжими волосами?

— Марджори Феррар.

— Она предательница. Выгоните ее!

Майкл опешил.

— Но мы ее очень хорошо знаем. Она — дочь лорда Чарлза Феррара и...

— Выгоните ее! — повторил Сомс.

— Откуда вы знаете, сэр, что она предательница?

— Я только что слышал, как она повторила то, что было в записке, и прибавила еще кое-что похуже.

— Но она у нас в гостях.

— Недурна гостья! — сквозь зубы проворчал Сомс.

— Нельзя выгонять гостей. А кроме того, она внучка маркиза. Скандал будет грандиозный.

— Ну, так устройте скандал!

— Приглашать мы ее больше не будем, но, право же, это все, что можно сделать.

— Вот как? — сказал Сомс и, отойдя от зятя, направился к той, на которую только что донес. Майкл, взволнованный, последовал за ним. Ему еще не приходилось видеть тестя приготовившимся к прыжку. Подойдя, он услышал, как Сомс сказал негромко, но очень внятно:

— Сударыня, вы были так любезны, что назвали мою дочь выскочкой назвали в ее же доме.

Майкл видел, как молодая женщина оглянулась и с видом обиженным и наглым широко раскрыла свои холодные голубые глаза. Потом она засмеялась, а Сомс сказал:

— Вы предательница. Будьте добры удалиться.

Вокруг стояло человек шесть, и все они слышали! Проклятье! А он Майкл — хозяин дома! Выступив вперед, он взял под руку Сомса и спокойно сказал:

— Довольно, сэр! Ведь мы не на мирной конференции.

Все притихли; никто не шелухнулся. Только глуповатый джентльмен потирал свои белые руки.

Марджори Феррар сделала шаг по направлению к двери.

— Я не знаю, кто этот человек, — сказала она, — но он — лжец!

— Неправда!

Бросил это слово смуглый молодой человек. Он смотрел на Марджори Феррар; их взгляды встретились.

И вдруг Майкл увидел Флер. Очень бледная, она стояла за его спиной. Конечно, слышала все! Она улыбнулась, подняла руку и сказала:

— Сейчас будет играть мадам Карелли.

Марджори Феррар направилась к двери; глуповатый джентльмен следовал за ней, все еще потирая руки, словно снимая с себя ответственность за инцидент. Сомс, как собака, для верности шел за ними; за Сомсом шагал Майкл. Донесли слова: «Как забавно!» Послышался заглушенный смех. Парадная дверь захлопнулась. Инцидент был исчерпан.

Майкл вытер пот со лба. Он восхищался своим тестем и в то же время досадовал: «Заварил старик кашу!» Он вернулся в гостиную. Флер стояла у клавиатур с таким видом, словно ничего не случилось. Но Майкл заметил, что ее пальцы вцепились в платье, и сердце у него заняло. Волнуясь, он ждал последней ноты.

Сомс поднялся наверх и там, в кабинете Майкла, перед «Белой обезьяной», проанализировал свой поступок. Он ни о чем не жалел. Рыжая кошка! «Прирожденная выскочка!» «Деньги?» — «Не так уж много». Ха! «Это ничтожество!» Так она — внучка маркиза? Ну что ж, он указал нахалке на дверь. Все, что было в нем сильного и смелого, все, что восставало против покровительства и привилегий, — дух, унаследованный от предков, все возмутилось в нем. Кто они — эти аристократы? Какое право имеют напускать на себя важность? Нахалы! Многие из них — потомки тех, кто поднялся на высоту только благодаря грабегам и маклерству! И кто-то осмелился назвать его дочь — его дочь — выскочкой! Да он пальцем не шевельнет, шагу лишнего не ступит, хоть бы ему предстояло встретиться с

самим королем! Если Флер нравится окружать себя этими людьми, то почему бы ей этого не делать? Неожиданно у него замерло сердце. А вдруг она скажет, что он погубил ее «салон»? Ну что ж! Ничего не поделаешь. Лучше было сразу покончить с этой мерзавкой и уяснить себе положение. «Я не буду ждать Флер, — подумал он. — Буря в стакане воды!»

Когда он поднимался по лестнице в свою комнату, до него донеслись звуки клавикордов. Он подумал, не просыпается ли от этой музыки его внук. Вдруг послышалось ворчание, и Сомс подскочил. Ах, эта собака лежит у двери, ведущей в комнату бэби! Жаль, что Дэнди не было внизу, уж он бы прокусил чулки этой рыжей кошке! Сомс поднялся вверх и посмотрел на дверь комнаты Фрэнсиса Уилмота, находившейся как раз против его комнаты.

Очевидно, молодой американец тоже кое-что подслушал; но с ним говорить об этом нельзя — ронять свое достоинство! И, захлопнув свою дверь, чтобы звуки клавикордов не долетали до него. Сомс крепко закрыл глаза.

VII. ЗВУКИ В НОЧИ

Майкл никогда не видел Флер плачущей, и сейчас, когда она лежала ничком на кровати и, уткнувшись в одеяло, старалась заглушить рыдания, он почувствовал чуть ли не панический страх. Когда он коснулся ее волос, она затихла.

— Не падай духом, любимая, — сказал он ласково. — Не все ли равно, что говорят, если это неправда.

Она приподнялась и села, скрестив ноги. Волосы у нее были растрепаны, заплаканное лицо покраснелось.

— Кому какое дело — правда это или неправда! Важно то, что меня заклеямили.

— Ну что же, и мы ее заклеямили кличкой «предательница».

— Как будто этим поможешь делу! За спиной все мы говорим друг о друге. На это никто не обращает внимания. Но как я покажусь теперь в обществе, когда все хихикают и считают меня выскочкой? В отместку она оповестит весь Лондон. Разве я могу теперь устраивать вечера?

Оплакивает ли она свою карьеру, или его? Майкл подошел к ней сзади и обнял ее.

— Мало ли что думают люди, моя детка. Рано или поздно это нужно понять.

— Ты сам не желаешь этого понять. Если обо мне думают плохо, я не могу быть хорошей.

— Считаться надо только с теми, кто тебя действительно знает.

— Никто никого не знает, — упрямо сказала Флер. — Чем лучше люди относятся, тем меньше они знают; и никакого значения не имеет, что они, в сущности, думают.

Майкл опустил руки. Флер молчала так долго, что он опять обошел кровать и заглянул ей в лицо, хмурившееся над подпирившими его ладонями. Столько грации было в ее позе, что ему стало больно от любви к ней. И оттого, что ласки только раздражали ее, ему было еще больнее.

— Я ее ненавижу! — сказала она наконец. — Если я смогу ей повредить, я это сделаю.

Он тоже не прочь был отомстить «Гордости гедонистов», но ему не хотелось, чтобы Флер думала о мести. У нее это было серьезнее, чем у него, потому что он, в сущности, был неспособен причинять людям зло.

— Ну, дорогая моя, может быть, мы ляжем спать?

— Я сказала, что не буду устраивать вечера. Нет, буду!

— Отлично, — сказал Майкл. — Вот и молодец.

Она засмеялась. Это был странный смех, резко прозвучавший в ночи. Майкла он не успокоил.

В ту ночь все бодрствовали в доме. Сомса мучили ночные страхи, которые за последнее время улеглись было под влиянием сигар и пребывания на свежем воздухе во время игры в гольф. И мешали эти проклятые часы, неуклонно отбивавшие время, а между тем и

четырьмя послышался шорох, словно кто-то бродил по дому.

То был Фрэнсис Уилмот. Молодой человек пребывал в странном состоянии с той самой минуты, как снял с Сомса обвинение во лжи. Сомс не ошибся: Фрэнсис Уилмот тоже слышал, как Марджорп Феррар чернила хозяйку дома, но в тот самый момент, когда он выступил с протестом, на него нашло ослепление. Эти голубые глаза, смотревшие на него вызывающе, казалось, говорили: «Молодой человек, вы мне нравитесь!» И теперь этот взгляд его преследовал. Стройная нимфа с белой кожей и золотисто-рыжими волосами, дерзкие голубые глаза, веселые красные губы и белая шея, душистая, как сосновое дерево, нагретое солнцем, — забыть он ее не мог. Весь вечер он следил за ней, но было что-то жуткое в том, какое неизгладимое впечатление она произвела на него в тот последний момент. Теперь он не мог заснуть. Хоть он и не был ей представлен, но знал, что ее зовут Марджори Феррар, и это имя ему нравилось. Он вырос вдали от городов, мало знал женщин, и она казалась ему совсем особенной, необыкновенной. А он изобличил ее во лжи! Волнение его было так велико, что он выпил всю воду из графина, оделся и потихоньку стал спускаться с лестницы. Когда он проходил мимо Дэнди, собака заворочалась, словно хотела сказать: «Странно, но эти ноги мне знакомы!» Он спустился в холл. Молочный свет лился в полукруглое окно над дверью. Закурив папиросу, Фрэнсис Уилмот присел на мраморный ларь-саркофаг. Это настолько его освежило, что он встал, повернул выключатель, взял телефонную книжку и машинально отыскал букву "Ф". Вот ее адрес: «Феррар, Марджори. Ривер Студиос, Рэн-стрит, 3».

Погасив свет, он осторожно снял дверную цепочку и вышел на улицу. Он знал, как пройти к реке, и направился туда.

Был тот час, когда звуки, утомленные, засыпают, и можно услышать, как летит мотылек. Воздух был чистый, не отравленный дымом; Лондон спал в лучах луны. Мосты, башни, вода — все серебрилось и казалось отрезанным от людей. Даже дома и деревья отдыхали, убаюканные луной, и словно повторяли вслед за Фрэнсисом Уилмотом строфу из «Старого моряка» .

О милый сон, по всей земле

И всем отраден он!

Марии вечная хвала!

Она душе моей дала

Небесный милый сон.

Он свернул наудачу вправо и пошел вдоль реки. Никогда еще не приходилось ему бродить по большому городу в этот мертвый час. Замерли страсти, затихла мысль о наживе; уснула спешка, сном забылись страхи; кое-где ворочается человек на кровати; кто-нибудь испускает последний вздох. Внизу на воде темными призраками казались лихтеры и баржи, красные огоньки светились на них; фонари вдоль набережной горели впустую, словно вырвались на свободу. Человек притаился, исчез. Во всем городе бодрствовал он один и делал — что? От природы находчивый и сообразительный, молодой человек был неспособен поставить диагноз и уж во всяком случае не видел ничего смешного в том, что бесцельно бродит ночью по городу. Вдруг он почувствовал, что сможет вернуться домой и заснуть, если ему удастся взглянуть на ее окна. Проходя мимо галереи Тэйта, он увидел человека; пуговицы его блестели в лучах луны.

— Скажите, полисмен, где Рэн-стрит?

— Прямо, пятая улица направо.

Фрэнсис Уилмот снова зашагал. Луна опускалась за дома, ярче сверкали звезды, дрожь пробежала по деревьям. Он свернул в пятую улицу направо, прошел квартал, но дома не нашел. Было слишком темно, чтобы различить номера. Снова повстречался ему человек с блестящими пуговицами.

— Скажите, полисмен, где Ривер Студиос?

— Вы прошли мимо; последний дом по правой стороне.

Фрэнсис Уилмот повернул назад. Вот он — этот дом! Молодой человек остановился и

посмотрел на темные окна. За одним из этих окон — она! Поднялся ветер, и Фрэнсис Уилмот повернулся и пошел домой. Осторожно, стараясь не шуметь, поднялся он по лестнице мимо Дэнди, который снова приподнял голову и проворчал: «Еще более странно, но это те же самые ноги!» — потом вошел в свою комнату, лег и заснул сладким сном.

VIII. ВОКРУГ ДА ОКОЛО

За завтраком все обходили молчанием инцидент, происшедший накануне, но это не удивило Сомса: естественно, что в присутствии молодого американца говорить не следует; однако Сомс заметил, что Флер бледна. Ночью, когда он не мог заснуть, в нем зародились опасения юридического порядка. Можно ли в присутствии шести человек безнаказанно назвать «предательницей» даже эту рыжую кошку? После завтрака он отправился к своей сестре Уинифрид и рассказал ей всю историю.

— Прекрасно, мой милый, — одобрила она. — Мне говорили, что эта молодая особа очень бойка. Знаешь ли, у ее отца была лошадь, которую побил французская лошадь — не помню ее клички — на этих скачках в... ах, боже мой, как называются эти скачки?

— Понятия не имею о скачках, — сказал Сомс.

Но к вечеру, когда он сидел о «Клубе знатоков», ему подали визитную карточку:

Лорд Чарльз Феррар Хай Маршес

У него задрожали было колени, но на выручку ему пришлось слово «высочка», и он сухо сказал:

— Проводите его в приемную.

Он не намерен был спешить из-за этого субъекта и спокойно допил чай, прежде чем направиться в этот малоуютный уголок клуба.

Посреди маленькой комнаты стоял высокий худощавый джентльмен с закрученными вверх усами и моноклем, словно вросшим в орбиту правого глаза. Морщины пролегли на его худых увядших щеках, в густых волосах пробивалась у висков седина. Сомсу нетрудно было с первого же взгляда почувствовать к нему антипатию.

— Если не ошибаюсь, мистер Форсайт?

Сомс наклонил голову.

— Вчера вечером, в присутствии нескольких человек, вы бросили моей дочери в лицо оскорбление.

— Да. Оно было вполне заслужено.

— Значит, вы не были пьяны?

— Ничуть.

Его сухие, сдержанные ответы, казалось, привели посетителя в замешательство. Он закрутил усы, нахмурился, отчего монокль глубже врезался в орбиту, и сказал:

— У меня записаны фамилии тех, кто при этом присутствовал. Будьте добры написать каждому из них в отдельности, что вы отказываетесь от этих слов.

— И не подумая.

С минуту длилось молчание.

— Вы, кажется, стряпчий?

— Адвокат.

— Значит, вам известно, каковы могут быть последствия вашего отказа.

— Если ваша дочь пожелает подать в суд, я буду рад встретиться с ней там.

— Вы отказываетесь взять свои слова обратно?

— Категорически.

— В таком случае, до свидания!

— До свидания!

Сомс был бы рад поколотить посетителя, но вместо этого он отступил на шаг, чтобы дать ему пройти. Вот наглец! Ему ясно вспомнился голос старого дяди Джолиона, когда он еще в восьмидесятых годах говорил о ком-то: «кляузный человечиска, стряпчий». И он

почувствовал потребность отвести душу. Конечно, «Старый Монт» знает этого субъекта; нужно повидаться с ним и расспросить.

В клубе «Аэроплан» он застал не только сэра Лоренса Монта, казавшегося необычайно серьезным, но и Майкла, который, видимо, рассказал отцу о вчерашнем инциденте. Сомс почувствовал облегчение: ему тяжело было бы говорить об оскорблении, нанесенном его дочери. Сообщив о визите лорда Феррара, он спросил:

— Этот... Феррар — каково его положение?

— Чарли Феррар? Он кругом в долгах; у него есть несколько хороших лошадей, и он — прекрасный стрелок.

— На меня он не произвел впечатления джентльмена, — сказал Сомс.

Сэр Лоренс поднял брови, словно размышляя о том, что ответить на это замечание, высказанное о человеке с родословной человеком, таковой не имеющим.

— А его дочь отнюдь не леди, — добавил Сомс.

Сэр Лоренс покачал головой.

— Сильно сказано, Форсайт, сильно сказано! Но вы правы — есть у них какая-то примесь в крови. Шропшир — славный старик, его поколение не пострадало. Его тетка была...

— Он назвал меня стряпчим, — мрачно усмехнувшись, сказал Сомс, — а она назвала меня лжецом. Не знаю, что хуже.

Сэр Лоренс встал и посмотрел в окно на Сент-Джемс" стрит. У Сомса зародилось ощущение, что эта узкая голова, высоко посаженная над тонкой прямой спиной, в данном случае окажется ценнее его собственной. Тут приходилось иметь дело с людьми, которые всю жизнь говорили и делали, что им вздумается, и нисколько не заботились о последствиях; этот баронет и сам так воспитан — ему лучше знать, что может прийти им в голову.

— Она может обратиться в суд, Форсайт. Ведь это было на людях. Какие вы можете привести доказательства?

— Я своими ушами слышал.

Сэр Лоренс посмотрел на уши Сомса, словно измеряя их длину.

— Гм! А еще что?

— Эта заметка в газете.

— С газетой она договорится. Еще?

— Ее собеседник может подтвердить.

— Филип Куинси? — вмешался Майкл. — На него не рассчитывайте.

— Что еще?

— Видите ли, — сказал Сомс, — ведь этот молодой американец тоже кое-что слышал.

— А, — протянул сэр Лоренс. — Берегитесь, как бы она им тоже не завладела. И это все?

Сомс кивнул. Как подумаешь — маловато!

— Вы говорите, что она назвала вас лжецом. Вы тоже можете подать на нее в суд.

Последовало молчание; наконец Сомс сказал:

— Нет! Она — женщина.

— Правильно, Форсайт! У них еще сохранились привилегии. Теперь остается только выжидать. Посмотрим, как повернутся события. «Предательница»! Должно быть, БЫ себе не представляете, во сколько вам может влететь это слово?

— Деньги — вздор! — сказал Сомс. — Огласка — вот что плохо!

Фантазия у него разыгралась: он уже видел себя в суде. Вот он оглашает злобные слова этой нахалки, бросает публике и репортерам слово «выскачка», сказанное об его дочери. Это единственный способ защитить себя. Тяжело!

— Что говорит Флер? — неожиданно обратился он к Майклу.

— Война во что бы то ни стало.

Сомс подпрыгнул на стуле.

— Как это по-женски! Женщины лишены воображения.

— Сначала я тоже так думал, сэ, но теперь сомневаюсь. Флер рассуждает так: если не схватить Марджори Феррар за волосы, она будет болтать направо и налево; если же предать дело огласке, она не сможет причинить вреда.

— Пожалуй, я зайду к старику Шропшир, — сказал сэ Лоренс. — Наши отцы вместе стреляли вальдшнепов в Албании в пятьдесят четвертом году.

Сомс не понимал, какое это может иметь отношение к делу, но возражать не стал. Маркиз — это, как-никак, почти герцог; быть может, даже в наш демократический век он пользуется влиянием.

— Ему восемьдесят лет, — продолжал сэ Лоренс, — страдает подагрой, но все еще трудолюбив как пчела, Сомс не мог решить, хорошо это или плохо.

— Откладывать не стоит, пойду к нему сейчас.

На улице они расстались; сэ Лоренс повернул на север, по направлению к Мейферу.

Маркиз Шропшир диктовал своему секретарю письмо в Совет графства, настаивая на одном из пунктов своей обширной программы всеобщей электрификации. Один из первых встал он на защиту электричества и всю жизнь был ему верен. Это был невысокий, похожий на птицу старик с розовыми щеками и аккуратно подстриженной белой бородкой. Одетый в мохнатый суконный костюм с синим вязаным галстуком, продетым в кольцо, он стоял в своей любимой позе: одну ногу поставил на стул, локтем оперся о колено и подпер подбородок рукой.

— А, молодой Монт! — сказал он. — Садитесь.

Сэ Лоренс сел и положил ногу на ногу. Ему приятно было слышать, что в шестьдесят шесть лет его называют «молодым Монтом».

— Вы мне опять принесли одну из ваших чудесных новых книг?

— Нет, маркиз, я пришел за советом.

— А! Мистер Мэрс, продолжайте: «Таким путем, джентльмены, вы добьетесь для наших налогоплательщиков экономии по меньшей мере в три тысячи ежегодно; облагодетельствуете всю округу, избавив ее от дыма четырех грязных труб, и вам будет признателен ваш покорный слуга Шропшир».

— Вот и все, мистер Мэрс; благодарю вас. Итак, дорогой мой Монт?

Проводив глазами спину секретаря и поймав на себе блестящие глаза старого лорда, глядевшие с таким выражением, точно он намерен каждый день видеть и узнавать что-нибудь новое, сэ Лоренс вынул монокль и сказал:

— Ваша внучка, сэ, и моя невестка хотят затеять свару.

— Марджори? — спросил старик, по-птичьи склонив голову набок. — Это меня не касается. Очаровательная молодая женщина; приятно на нее смотреть, но это меня не касается. Что она еще натворила?

— Назвала мою невестку выскочкой, сказала, что она гоняется за знаменитостями. А отец моей невестки назвал вашу внучку в лицо предательницей.

— Смелый человек, — сказал маркиз. — Смелый. Кто он такой?

— Его фамилия Форсайт.

— Форсайт? — повторил старый пэр. — Форсайт? Фамилия знакомая. Ах, да! «Форсайт и Трефри» — крупные чаоторговцы. Мой отец покупал у них чай. Нет теперь такого чая. Это тот самый?

— Быть может, родственник. Этот Форсайт — адвокат, сейчас практикой не занимается. Все знают его коллекцию картин. Он человек стойкий и честный.

— Вот как! А его дочь действительно гоняется за знаменитостями?

Сэ Лоренс улыбнулся.

— Ей нравится быть окруженной людьми. Очень хорошенькая. Прекрасная мать. В ней есть французская кровь.

— А! — сказал маркиз. — Француженка! Они сложены лучше, чем наши женщины. Чего вы от меня хотите?

— Поговорите с вашим сыном Чарльзом.

Маркиз снял ногу со стула и выпрямился. Голова его заходила из стороны в сторону.

— С Чарли я не говорю, — серьезно сказал он. — Мы уже шесть лет как не разговариваем.

— Простите, сэр. Не знал. Жалею, что побеспокоил вас.

— Нет, нет! Я очень рад вас видеть. Если я увижу Марджори... я подумаю, подумаю. Но, дорогой мой Монт, что поделаешь с этими молодыми женщинами? Чувства долга у них нет, постоянства нет, волос нет, фигуры тоже. Кстати, вы знаете этот проект гидростанции на Северне? — Он взял со стола брошюру. — Я уже столько лет приставал к ним, чтобы начинали. Будь у нас электричество, даже мои угольные копи могли бы дать доход; но они там все раскачиваются. Американцев бы нам сюда.

Видя, что у старика чувство долга заслонило все остальные помыслы, сэр Лоренс встал и протянул руку.

— До свидания, маркиз. Очень рад, что нашел вас в добром здоровье.

— До свидания, дорогой Монт. Я всегда к вашим услугам. И не забудьте, пришлите мне еще что-нибудь из ваших книг.

Они пожали друг другу руку. Оглянувшись в дверях, сэр Лоренс увидел, что маркиз принял прежнюю позу: поставил ногу на стул, подбородком оперся на руку и уже погрузился в чтение брошюры. «Вот это да», как сказал бы Майкл, — подумал он. — Но что мог сделать Чарли Феррар? Почему старик шесть лет с ним не разговаривает? Может быть, «Старый Форсайт» знает..."

В это время «Старый Форсайт» и Майкл шли домой через Сент-Джемс-парк.

— Этот молодой американец, — начал Сомс. — Как вы думаете, что побудило его вмешаться?

— Не знаю, сэр. А спрашивать не хочу.

— Правильно — мрачно отозвался Сомс: ему самому неприятно было бы обсуждать с американцем вопросы личного достоинства.

— Слово «выскачка» что-нибудь значит в Америке?

— Не уверен; но коллекционировать таланты — это в Штатах особый вид идеализма. Они желают общаться с теми, кого считают выше себя. Это даже трогательно.

Сомс держался другого мнения: почему, он затруднился бы объяснить. До сих пор его руководящим принципом было никого не считать выше самого себя и своей дочери, а говорить о руководящих принципах не принято. К тому же, этот принцип так глубоко затаился в нем, что он и сам не знал о его существовании.

— Я буду молчать, — сказал он, — если он сам не заговорит. Что еще может сделать эта особа? Она, вероятно, член какой-нибудь группы?

— Неогедонисты.

— Гедонисты?

— Да, сэр. Их цель — любой ценой получать как можно больше удовольствий. Никакого значения они не имеют. Но Марджори Феррар у всех на виду. Она немножко рисует, имеет какое-то отношение к прессе, танцует, охотится, играет на сцене; на воскресенье всегда уезжает в гости. Это хуже всего — ведь в гостях делать нечего, вот они и болтают. Вы когда-нибудь бывали на воскресном сборище, сэр?

— Я? — сказал Сомс. — Ну что вы!

Майкл улыбнулся — действительно, величины несовместимые.

— Надо как-нибудь затащить вас в Липпингхолл.

— Ну нет, благодарю.

— Вы правы, сэр. Скука смертная. Но это кулисы политики. Флер считает, что это мне на пользу. А Марджори Феррар знает всех, кого мы знаем, знает и тех, кого мы не знаем. Положение очень неловкое.

— Я бы держал себя так, словно ничего не случилось, — сказал Сомс. Но как быть с газетой? Следует их предостеречь, что эта женщина — предательница.

Майкл с улыбкой посмотрел на своего тестя.

В холле их встретил лакей.

— К вам пришел какой-то человек, сэр. Его фамилия — Бегфилл.

— А, да! Куда вы его провели, Кскер?

— Я не знал, что мне с ним делать, сэр: он весь трясется. Я его оставил в головой.

— Вы меня простите, сэр, — сказал Майкл.

Сомс прошел в гостиную, где застал свою дочь и Фрэнсиса Уилмота.

— Мистер Уилмот уезжает, папа. Ты пришел, как раз вовремя, чтобы попрощаться.

Если он испытывал когда-нибудь чувство благожелательности к посторонним людям, то именно в такие минуты. Против молодого человека он ничего не имел, пожалуй даже ему симпатизировал, но чем меньше около тебя людей, тем лучше. Кроме того, перед Сомсом стоял вопрос: что подслушал американец? Трудно было устоять перед компромиссом с самим собой и не задать ему этого вопроса.

— До свидания, мистер Уилмот, — сказал он. — Если вы интересуетесь картинами... — он приостановился и добавил: — Вам следует заглянуть в Британский музей.

Фрэнсис Уилмот почтительно пожал протянутую руку.

— Загляну. Счастлив, что познакомился с вами, сэр.

Пока Сомс недоумевал, почему он счастлив, молодой человек повернулся к Флер.

— Из Парижа я напишу Джону и передам ему ваш привет. Вы были удивительно добры ко мне. Я буду рад, если вы с Майклом поедете в Штаты и навестите меня. А если вы привезете с собой вашу собачку, я с удовольствием разрешу ей еще раз меня укусить.

Он поцеловал руку Флер и вышел, а Сомс задумчиво уставился в затылок дочери.

— Несколько неожиданно, — сказал он, когда дверь закрылась. — Что-нибудь с ним случилось?

Она повернулась к нему и холодно спросила:

— Папа, зачем ты устроил вчера этот скандал? Несправедливость обвинения бросалась в глаза, и Сомс молча закусил ус. Словно он мог промолчать, когда ее оскорбили в его присутствии!

— Как, по-твоему, какую пользу ты этим принес? Сомс не пытался дать объяснение, но ее слова причинили ему боль.

— Ты сделал так, что теперь мне трудно смотреть людям в глаза. И все-таки скрываться я не буду. Если я — выскочка, не пренебрегающая никакими средствами, чтобы создать «салон», я свою роль проведу до конца. Но ты, пожалуйста, впредь не думай, что я ребенок, который не может постоять за себя.

Снова Сомс промолчал, оскорбленный до глубины души.

Флер быстро взглянула на него и сказала:

— Прости, но я ничего не могу поделать; ты все испортил.

И она вышла из комнаты.

Сомс вяло подошел к окну и посмотрел на улицу. Увидел, как отъехало такси с чемоданами; увидел, как голуби опустились на мостовую и вновь взлетели; увидел, как в сумерках мужчина целует женщину, а полисмен, закулив трубку, уходит со своего поста. Много любопытных вещей видел Сомс. Он слышал, как пробил Большой Бэн. Ни к чему все это. Он думал о серебряной ложке. Когда родилась Флер, он сам сунул ей в рот эту ложку.

IX. КУРЫ И КОШКИ

Человек, которого Кокер провел в столовую, стоял не двигаясь. Постарше Майкла, шатен, с намеком на бакенбарды и с бледным лицом, на котором застыло обычное у актеров, но незнакомое Майклу заученно-оживленное выражение, он одной рукой вцепился в край стола, другой — в свою черную широкополую шляпу. В ответ на взгляд его больших, обведенных темными кругами глаз Майкл улыбнулся и сказал:

— Не волнуйтесь, мистер Бергфелд, я не антрепренер. Пожалуйста, садитесь и курите.

Посетитель молча сел и, пытаясь улыбнуться, взял предложенную папиросу. Майкл

уселся на стол.

— Я узнал от миссис Бергфелд, что вы на мели.

— И прочно, — сорвалось с дрожащих губ.

— Должно быть, всему виной ваше здоровье и ваша фамилия?

— Да.

— Вам нужна работа на открытом воздухе. Никакого гениального плана я не придумал, но вчера ночью меня осенила одна мысль. Что вы скажете о разведении кур? Все этим занимаются.

— Если бы у меня были мои сбережения...

— Да, миссис Бергфелд мне рассказала. Я могу навести справки, но боюсь...

— Это грабеж!

За звуком его слов Майкл сейчас же услышал голоса всех антрепренеров, которые отказали этому человеку в работе.

— Знаю, — сказал он успокоительным тоном. — Грабят Петра, чтобы заплатить Павлу. Что и говорить, этот пункт договора — чистое варварство. Только, право же, не стоит этим терзаться.

Но посетитель уже встал.

— Отнимают у одного, чтобы заплатить другому! Тогда почему не отнять жизнь у одного, чтобы дать ее другому? То же самое! И это делает Англия — передовая страна, уважающая права личности! Омерзительно!

Майкл почувствовал, что актер хватает через край.

— Вы забываете, — сказал он, — что война всех нас превратила в варваров. Этого мы еще не преодолели. И, как вам известно, искру в пороховой погреб бросила ваша страна. Но что же вы скажете о разведении кур?

Казалось, Бергфелд с величайшим трудом овладел собой.

— Ради моей жены, — сказал он, — я готов делать что угодно. Но если мне не вернут моих сбережений, как я могу начать дело?

— Обещать ничего не обещаю, но, быть может, я буду вас финансировать для начала. Этот парикмахер, который живет в первом этаже, тоже хочет получить работу на свежем воздухе. Кстати, как его фамилия?

— Суэн.

— Вы с ним ладите?

— Он упрямый человек, но мы с ним в хороших отношениях.

Майкл слез со стола.

— Дайте мне время, я это обдумаю. Надеюсь, кое-что нам удастся сделать, — и он протянул руку.

Бергфелд молча пожал се. Глаза его снова смотрели мрачно.

«Этот человек, — подумал Майкл, — может в один прекрасный день покончить с собой». И он проводил его до двери. Несколько минут смотрел он вслед удаляющейся фигуре с таким чувством, словно самый мрак соткан из бесчисленных историй, столь же печальных, как жизнь этого человека, и парикмахера, и того, который остановил его и шепотом попросил работы. Да, пусть отец уступит ему клочок земли за рощей в Липпингхолле. Он Майкл — купит им домик, купит кур, и так будет основана колония — Бергфелды, парикмахер и Генри Боддик. В роще они могут нарубить деревьев и построить курятники. Производство предметов питания — проведение в жизнь теории Фоггарта. Флер над ним посмеется. Но разве в наши дни может человек избежать насмешек? Он вошел в дом. В холле стояла Флер.

— Фрэнсис Уилмот уехал, — сказала она.

— Почему?

— Он уезжает в Париж.

— Что он подслушал вчера?

— Неужели ты думаешь, что я его спрашивала?

— Конечно нет, — смиренно сказал Майкл. — Пойдем наверх, посмотрим на Кита; ему как раз время купаться.

Действительно, одиннадцатый баронет сидел в ванне.

— Идите, няня, — сказала Флер. — Я им займусь.

— Он три минуты сидит в ванне, мэм.

— Сварился всмятку, — сказал Майкл.

Ребенку был год и два месяца, и энергии его можно было позавидовать: все время он находился в движении. Казалось, он вкладывал в жизнь какой-то смысл. Жизненная сила его была абсолютна — не относительна. В том, как он прыгал, и ворковал, и плескался, была радость мошки, пляшущей в луче света, галчонка, пробующего летать. Он не предвкушал будущих благ, он наслаждался минутой. Весь белый, с розовыми пятками, с волосами и глазенками, которым еще предстояло посветлеть, он цеплялся руками за мать, за мыло, за полотенце — казалось, ему недостает только хвоста. Майкл смотрел на него и размышлял. Этот человек имеет в своем распоряжении все, чего только можно пожелать. Как они будут его воспитывать? Подготовлены ли они к этой задаче? Ведь и они тоже, как и все это поколение их класса, родились эмансипированными, имели отцов и матерей, скрепя сердце поклонявшихся новому фетишу — свободе! Со дня рождения они имели все, чего только могли пожелать, им оставалось одно: ломать себе голову над тем, чего же им еще не хватает. Избыток свободы побуждал к беспокойным исканиям. С войной свободе пришел конец; но война перегнула палку, снова захотелось произвола. А для тех, кто, как Флер, немножко запоздал родиться и не мог принять участие в войне, рассказы о ней окончательно убили уважение к чему бы то ни было. Пиетет погиб, служение людям сдано в архив, атавизм опровергнут, всякое чувство смешно и будущее туманно — так нужно ли удивляться, что современные люди — те же мошки, пляшущие в луче света, только принимающие себя всерьез? Так думал Майкл, сидя над ванночкой и хмурясь на своего сынишку. Можно ли иметь детей, если ни во что не веришь? Впрочем, сейчас опять пытаются найти объект какой-то веры. Только уж очень это медлительный процесс. «Слишком мы много анализируем, — думал он, — вот в чем беда».

Флер вытерла одиннадцатого баронета и начала присыпать его тальком; ее взгляд словно проникал ему под кожу, чтобы убедиться, все ли там в порядке. Майкл следил, как она брала то одну, то другую ручку, осматривая каждый ноготок, на секунду целиком отдаваясь материнскому чувству. А Майкл, с грустью сознавая несовместимость подобных переживаний с положением члена парламента, шелкнул перед носом младенца пальцами и вышел из детской.

Он отправился в свой кабинет, достал один из томов Британской энциклопедии и отыскал слово «куры». Прочел об орпингтонах, легхорнах, брамапутрах, но пользы извлек мало. Он вспомнил: если перед клювом курицы провести мелом черту, курица вообразит, что клюв ее к этой черте привязан. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь провел меловую черту перед его носом. Может быть, фоггартизм такая черта? В эту минуту послышался голос:

— Скажите Флер, что я ухожу к ее тетке.

— Покидаете нас, сэр?

— Да, здесь во мне не нуждаются.

Что могло случиться?

— Но с Флер вы повидаетесь перед уходом, сэр?

— Нет, — сказал Сомс.

Неужели кто-то стер меловую черту перед носом «Старого Форсайта»?

— Скажите, сэр, прибыльное это дело — разводить кур?

— Теперь нет прибыльных дел.

— И тем не менее суммы, получаемые от налогоплательщиков, все увеличиваются?

— Да, — сказал Сомс, — тут что-то неладно.

— Не думаете ли вы, сэр, что люди преувеличивают свои доходы?

Сомс заморгал. Даже сейчас, в пессимистическом настроении, он все же был лучшего

мнения о людях.

— Позаботьтесь, чтобы Флер не вздумала оскорблять эту рыжую кошку, сказал он. — Флер родилась с серебряной ложкой во рту; по ее мнению, она может делать все, что ей вздумается. — Он захлопнул за собой дверь.

Серебряная ложка во рту! Как кстати!..

Уложив ребенка. Флер удалилась в свое святилище, которое в былые дни носило бы название будуара. Подсев к бюро, она мрачно задумалась. Как мог отец устроить такой скандал на людях? Неужели он не понимает, что эти слова не имеют никакого значения, пока они не преданы огласке? Она горела желанием излить свои чувства и сообщить людям свое мнение о Марджори Феррар.

Она написала несколько писем — одно леди Элисон и два письма женщинам, бывшим свидетельницами вчерашней сцены. Третье письмо она закончила так:

«Женщина, которая прикидывается вашим другом, пробирается к вам в дом и за вашей спиной наносит вам удар, такая женщина — змея. Не понимаю, как ее терпят в обществе. Она не имеет представления о нравственности, какие бы то ни было моральные побуждения ей чужды. Что касается ее очарования — о боже!»

Так! Теперь оставался еще Фрэнсис Уилмот. Она не все успела ему сказать.

"Милый Фрэнсис, Мне жаль, что Вы так внезапно уехали, Я хотела Вас поблагодарить за то, что вчера Вы выступили в мою защиту. О Марджори Феррар скажу только, что дальше идти некуда. Но в лондонском обществе не принято обращать внимания на шпильки. Я была очень рада познакомиться с Вами. Не забывайте нас; когда вернетесь из Парижа — приходите.

Ваш друг Флер Монт"

Впредь она будет приглашать на свои вечера только мужчин. Но придут ли они, если не будет женщин? А такие мужчины, как Филип Куинси, не менее ядовиты, чем женщины. Кроме того, могут подумать, что она глубоко оскорблена. Нет! Пусть все идет по-старому; нужно только вычеркнуть этих субъектов «кошачьей породы». Впрочем, она ни в ком не уверена, если не считать Элисон и такой тяжелой артиллерии, как мистер Блайт, посланники и тричетыре политических деятеля. Все остальные готовы вцепиться когтями вам в спину или в лицо, если на них никто не смотрит. Это модно. Живя в обществе, кто может избежать царапин и кто не царапается сам? Без этого жизнь была бы ужасно тусклой. Как можно жить и не царапаться — разве что в Италии? Ах, эти фрески Фра Анжелико в монастыре св. Марка! Вот кто никогда не царапался! Франциск Ассизский беседует с птицами среди цветочков, и солнце, и луна, и звезды — все ему родные. А св. Кларз и св. Флер — сестра св. Франциска! Отрешиться от мира и быть хорошей! Жить для счастья других! Как ново! Как увлекательно — на одну неделю. А потом как скучно!

Она отодвинула занавеску и посмотрела на улицу. При свете фонаря она увидела двух кошек, тонких, удивительно грациозных. Они стояли друг против друга. Вдруг они отвратительно замяукали, выпустили когти и сцепились в клубок. Флер опустила занавеску.

Х. ФРЭНСИС УИЛМОТ МЕНЯЕТ ФРОНТ

Приблизительно в это же время Фрэнсис Уилмот опустился на стул в зале отеля «Космополис», но тотчас же выпрямился. В центре комнаты, скользя по паркету, отступая, поворачиваясь, изгибаясь в объятиях человека с лицом, похожим на маску, танцевала та, от которой он, верный Флер и Майклу, решил бежать в Париж. Судьба! Ибо, конечно, он не мог знать, что по вечерам она часто приходит сюда танцевать. Она и ее партнер танцевали безупречно; Фрэнсис Уилмот, любивший танцы, понимал, что видит зрелище исключительное. Когда они остановились в двух шагах от него, он медленно произнес:

— Это было красиво.

— Здравствуйте, мистер Уилмот.

Как! Она знает его фамилию! Казалось бы, в этот момент ему следовало

продемонстрировать свою преданность Флер; но она опустилась на стул рядом с ним.

— Итак, вчера вечером вы сочли меня предательницей?

— Да.

— Почему?

— Потому что я слышал, как вы назвали хозяйку дома «выскачкой».

Марджори Феррар усмехнулась.

— Дорогой мой, хорошо было бы, если бы люди не давали своим друзьям худших прозвищ! Я не хотела, чтобы слышали вы или тот старик со страшным подбородком.

— Это ее отец, — серьезно сказал Фрэнсис Уилмот. — Вы его оскорбили.

— Ну что ж! Сожалею!

Теплая рука без перчатки коснулась его руки. От этого прикосновения по руке Фрэнсиса Уилмота словно пробежал ток.

— Вы танцуете?

— Да, но с вами я бы не осмелился.

— Нет, нет, пойдемте!

У Фрэнсиса Уилмота закружилась голова, а затем он и сам закружился в танце.

— Вы танцуете лучше, чем англичане, если не говорить о профессионалах, — сказала она. Губы ее были на расстоянии шести дюймов от его лица.

— Горжусь вашей похвалой, мэм.

— Разве вы не знаете, как меня зовут? Или вы всегда называете женщин «мэм»? Это очень мило.

— Конечно, я знаю ваше имя и знаю, где вы живете. Сегодня в четыре часа ночи я был в нескольких шагах от вашего дома.

— Что вы там делали?

— Мне хотелось быть поближе к вам.

Марджори Феррар сказала, словно размышляя вслух:

— Никогда еще мне не приходилось слышать такой галантной фразы. Приходите ко мне завтра пить чай.

Поворачиваясь, пятясь, проделывая все па, Фрэнсис Уилмот медленно проговорил:

— Я должен ехать в Париж.

— Не бойтесь, я вам зла не причиню.

— Я не боюсь, но...

— Значит, я вас жду. — И, перейдя к партнеру с лицом, похожим на маску, она оглянулась на него через плечо.

Фрэнсис Уилмот вытер лоб. Удивительное событие, окончательно поколебавшее его представление об англичанах как о натянутых, чопорных людях! Если бы он не знал, что она — дочь лорда, он принял бы ее за американку. Быть может, она еще раз пригласит его танцевать? Но она вышла, не взглянув на него.

Всякий типичный современный молодой человек возгордился бы. Но он не был ни типичен, ни современен. Хотя в 1918 году он шесть месяцев обучался в школе летчиков, один раз побывал в Нью-Йорке да наезжал иногда в Чарлстон и Саванну, он остался деревенским жителем, верным традиции хороших манер, работы и простого образа жизни. Женщин он знал мало и относился к ним почтительно. Он судил о них по своей сестре и по немолодым подругам своей покойной матери. На пароходе некая северянка сообщила ему, что на Юге девушки измеряют жизнь количеством мужчин, которых им удастся покорить; и нарисовала ему забавный портрет девушки с Юга. Южанин удивился. Энн была не такая. Впрочем, возможно, что, выйдя девятнадцати лет за первого молодого человека, сделавшего ей предложение, она просто не успела развернуться.

На следующее утро он получил записку Флер. «Дальше идти некуда!» Куда идти? Он возмутился, в Париж он не уехал и в четыре часа был на Рэн-стрит.

У себя в студии Марджори Феррар, одетая в голубую блузу, соскабливала краску с холста. Через час Фрэнсис Уилмот был ее рабом. Выставка собак Крафта, лейб-гвардейцы,

дерби — он забыл даже о своем желании это посмотреть; теперь во всей Англии для него существовала только Марджори Феррар, ее одну хотел он видеть. Вряд ли он помнил, в какую сторону течет река, и, выйдя из дома, чисто случайно повернул на восток, а не на запад. Ее волосы, ее глаза, голос — она его околдовала. Да, Он сознавал, что он дурак, но ничего против этого не имел; дальше мужчина идти не может! Она обогнала его в маленьком открытом автомобиле, которым сама управляла. Она ехала на репетицию; махнула ему рукой. Он задрожал и побледнел. Когда автомобиль скрылся из виду, он почувствовал себя покинутым, словно заблудившимся в мире теней, серых и тусклых. А! Вот парламент! А неподалеку находится единственный в Лондоне дом, где он может поговорить о Марджори Феррар, тот самый дом, в котором она держала себя недостойно. Он горел желанием защитить ее от обвинения в том, что «дальше идти некуда». Он понимал, что не подобает говорить с Флер об ее враге, но все же это было лучше, чем молчать. Итак, он повернул на Саут-сквер и позвонил.

Флер пила чай в гостиной.

— Вы еще не в Париже? Как мило! Чаю хотите?

— Я уже пил, — краснея, ответил Фрэнсис Уилмот. — Пил у нее.

Флер широко раскрыла глаза.

— О! — воскликнула она со смехом. — Как интересно! Где же это она вас подцепила?

Фрэнсис Уилмот не совсем понял смысл этой фразы, но почувствовал в ней что-то оскорбительное.

— Вчера она была на the dansant в том отеле, где я остановился. Она изумительно танцует. И вообще она — изумительная женщина. Пожалуйста, объясните мне, что вы имели в виду, когда писали: «Дальше идти некуда»?

— А вы мне объясните, что это за перемена фронта?

Фрэнсис Уилмот улыбнулся.

— Вы были так добры ко мне, и мне хочется, чтобы вы с ней помирились. Конечно, она не думала того, что тогда сказала.

— В самом деле? Она сама вам это сообщила?

— Гм, не совсем. Она не хотела, чтобы мы услышали ее слова, — вот что она сказала.

— Да?

Он смотрел на ее улыбающееся лицо и, быть может, смутно сознавал, что дело не так просто, как ему кажется. Но он был молод, к тому же американец, — и не верил, что его желание помирить их неосуществимо.

— Мне невыносимо думать, что вы с ней в ссоре. Может быть, вы согласитесь встретиться с ней у меня в отеле и пожать ей руку?

Флер окинула его взглядом с головы до ног.

— Мне кажется, в вас есть французская кровь, не правда ли?

— Да, моя бабка была француженка.

— А во мне французской крови больше. Знаете ли, французы — не из тех, кто легко прощает. И они не убеждают себя верить в то, во что хотят верить.

Фрэнсис Уилмот встал, и в голосе его послышались властные нотки.

— Вы мне объясните эту фразу в вашем письме?

— Дорогой мой! Конечно, я имела в виду, что она достигла предела совершенства. Разве вы этого не засвидетельствуете?

Фрэнсис Уилмот понял, что его высмеивают. Плохо разбираясь в своих чувствах, он направился к двери.

— Прощайте, — сказал он. — Вряд ли вы когда-нибудь захотите меня видеть.

— Прощайте, — сказала Флер.

Грустный, недоумевающий, он вышел, еще острее чувствуя свое одиночество. Не было в этом городе никого, кто бы ему помог. Все здесь запутанно и сложно. Люди говорят не то, что думают; а его богиня так же загадочна и причудлива, как и все остальные! Нет, еще более загадочна ибо какое ему дело до остальных?

XI. СОМС ПОСЕЩАЕТ РЕДАКЦИЮ

Сомс, расстроенный и взволнованный, поехал на Гринстрит к своей сестре. Беспокоило его то, что Флер нажила себе врага, пользующегося влиянием в обществе. И упрек в том, что виною всему — он сам, казался особенно несправедливым потому, что в сущности так оно и было.

Вечер, проведенный в обществе спокойной и рассудительной Уинифрид Дарти, и турецкий кофе, который он всегда пил с наслаждением, хотя и считал вредным для печени, несколько его успокоили, и он снова попытался взглянуть на инцидент как на бурю в стакане воды.

— Вот эта заметка в газете не дает мне покоя, — сказал он.

— Неприятная история. Сомс, но я бы не стала волноваться. Люди просматривают эти, заметки и тотчас же о них забывают. Помещают их просто так — для забавы.

— Недурная забава! Эта газета пишет, что у нее не меньше миллиона читателей.

— Ведь имен нет.

— Эти политики и светские бездельники все друг друга знают, — сказал Сомс.

— Да, дорогой мой, — ласковым, успокоительным тоном заметила Уинифрид, — но теперь не принято к чему бы то ни было относиться серьезно.

Она рассуждала разумно. Успокоенный, он улегся спать.

Но с тех пор как Сомс отошел от дел, он изменился сильнее, чем предполагал. У него не было больше профессиональных забот, на которые он мог бы обратить унаследованную от Джемса способность тревожиться, и ему ничего не оставалось, как беспокоиться из-за повседневных неприятностей. Чем больше он думал об этой заметке, тем сильнее ему хотелось дружески побеседовать с редактором. Если он сможет прийти к Флер и сказать: «С этой публикой я все уладил. Больше подобных заметок не будет», — гнев ее остынет. Если не имеешь возможности внушить людям благоприятное мнение о своей дочери, то во всяком случае можно заткнуть рот тем, кто громогласно высказывает мнение неблагоприятное.

Сомс ненавидел, когда его имя попадало в газеты, в остальном же он относился к ним терпимо. Он читал «Тайме». «Тайме» читал и его отец Сомс с детства помнил хруст больших страниц. В «Таймсе» помещали новости, больше новостей, чем он успевал прочесть. К ее передовицам он относился с уважением; и хотя утверждал порой, что количество приложений можно бы и сократить, все же считал, что это достойная джентльмена газета. Аннет и Уинифрид читали «Морнинг Пост». О других газетах Сомс имел смутное представление, заголовки в них были, напечатаны слишком крупным шрифтом и страницы были словно разрезаны на куски. На прессу в целом Сомс смотрел, как всякий англичанин: она существует. У нее есть достоинства и недостатки, и — как бы то ни было — от нее не уйдешь.

На следующее утро, часов в одиннадцать, он отправился на Флит-стрит.

В редакции «Ивнинг Сан» он подал свою визитную карточку и изъявил желание повидаться с редактором. Клерк бросил взгляд на цилиндр Сомса, а затем провел посетителя по коридору в маленькую комнатку. Кто-нибудь его примет.

— Кто-нибудь? — сказал Сомс. — Мне нужен редактор.

Редактор очень занят. Не может ли Сомс зайти попозже, когда народу будет меньше?

— Нет, — сказал Сомс.

Не сообщит ли он, по какому делу пришел? Сомс отказался.

Клерк еще раз посмотрел на его цилиндр и удалился. Через четверть часа Сомса ввели в комнату, где веселый человек в очках перелистывал альбом с газетными вырезками. Когда Сомс вошел, человек поднял глаза, взял со стола его визитную карточку и сказал:

— Мистер Сомс Форсайт? Да?

— Вы редактор? — спросил Сомс.

— Один из редакторов. Садитесь. Чем могу служить?

Сомс, желая произвести хорошее впечатление, не сел и поторопился достать из бумажника газетную вырезку.

— Во вторник вы напечатали вот это.

Редактор просмотрел заметку, казалось, просмаковал ее и спросил:

— Да?

— Будьте добры сказать мне, кто это написал.

— Мы никогда не сообщаем фамилий наших корреспондентов, сэр.

— Я-то, собственно говоря, знаю.

Редактор открыл рот, словно хотел сказать: «В таком случае, зачем же вы спрашиваете?» — но вместо этого улыбнулся.

— Видите ли, — начал Сомс, — автор этой заметки имеет в виду мою дочь, миссис Флер Монт, и ее мужа.

— Вот как? Вы осведомлены лучше, чем я. Но что вам не нравится в этой заметке? Самая безобидная болтовня.

Сомс посмотрел на него. Этот человек слишком беззаботен!

— Вы так думаете? — сухо сказал он. — А приятно вам будет, если вашу дочь назовут «предприимчивой леди»?

— Что же тут такого? Слово необидное. Кроме того, фамилия не указана.

— Значит, вы помещаете заметки с тем, чтобы никто их не понял? — насмешливо спросил Сомс.

Редактор засмеялся.

— Нет, вряд ли, — сказал он. — Но не слишком ли вы чувствительны, сэр?

Дело принимало неожиданный для Сомса оборот. Прежде чем просить редактора впредь не помещать столь обидных заметок, Сомс, видимо, должен был ему доказать, что заметка обидна; а для этого пришлось бы вскрыть всю подноготную.

— Видите ли, — сказал он, — если вы не понимаете, что тон заметки неприятен, то я не сумею вас убедить. Но я бы попросил впредь подобных заметок не помещать. Случайно я узнал, что вашей корреспонденткой руководит недоброе чувство.

Редактор снова взглянул на вырезку.

— Я бы не сказал, судя по этой заметке. Люди, занимающиеся политикой, постоянно наносят и получают удары. Они не слишком щепетильны. А эта заметка вполне безобидна.

Задетый словами «чувствительный» и «щепетильный», Сомс брюзгливо сказал:

— Все это мелочи, не заслуживающие внимания.

— Вполне с вами согласен, сэр. Всего хорошего.

И редактор снова занялся газетными вырезками.

Этот субъект — как резиновый мяч! Сомс приготовился сделать выпад.

— Если ваша корреспондентка считает, что можно безнаказанно давать выход своему сплину на страницах газет, то она не замедлит убедиться в своей ошибке.

Сомс ждал ответа. Его не последовало.

— Прощайте, — сказал он и повернулся к двери.

Свидание вышло не столь дружеское, как он рассчитывал. Ему вспомнились слова Майкла: «Пресса — цветок чувствительный». Сомс решил о своем визите не упоминать.

Два дня спустя, просматривая в «Клубе знатоков» «Ивнинг Сан», Сомс наткнулся на слово «фоггартизм». Гм! Передовая статья.

«Из всех панацей, коими увлекаются молодые и не теряющие надежду политики, самой нелепой является та, которая именуется „фоггартизмом“. Необходимо выяснить сущность этого патентованного средства, изобретенного для борьбы с так называемой национальной болезнью; сделать это нужно не откладывая, пока средство не выброшено на рынок. Рецепт дан в книге сэра Джемса Фоггарта „Опасное положение Англии“, и, если следовать этому рецепту, рабочая сила Англии должна уменьшиться. Пророки фоггартизма предлагают нам рассылать во все концы империи сотни тысяч мальчиков и девочек, окончивших школы. Не говоря уже о полной невозможности втянуть их в жизнь медленно развивающихся

доминионов, мы обречены терять приток рабочей силы для того, чтобы через двадцать лет спрос наших доминионов на продукты производства повысился и сравнялся с производительностью Великобритании. Более сумасбродного предложения нельзя себе представить. Рядом с этой болтовней об эмиграции — ибо „болтовня“ — самое подходящее наименование для такой бьющей на сенсацию программы — проводится слабенькая пропаганда „назад к земле“. Краеугольным камнем фоггартизма является следующая доктрина: в Англии заработная плата и прожиточный минимум в настоящее время столь высоки, что мы не имеем возможности конкурировать с германской продукцией или восстановить наши торговые отношения с Европой. Такая точка зрения по вопросу о нашем промышленном превосходстве над другими странами до сих пор еще в Англии не выдвигалась. Чем скорее эти дешевые болтуны, пролезшие на выборах, поймут, что английский избиратель не желает иметь дело со столь сумасшедшими теориями, тем скорее станет ясно, что фоггартизм — мертворожденный младенец.

Какое бы внимание ни уделит Сомс «Опасному положению Англии», он нимало не был повинен в пристрастии к фоггартизму. Если бы завтра теория Фоггарта была разбита, Сомс, не доверявший никаким теориям и идеям и, как истый англичанин, склонявшийся к прагматизму, констатировал бы с облегчением, что Майкл благополучно отделался от громоздкой обузы. Но сейчас у него возникло подозрение: не сам ли он вдохновил автора этой статьи? Быть может, это был ответ веселого редактора?

Вторично приняв решение не упоминать о своем визите, он отправился обедать на Саут-сквер.

В холле он увидел незнакомую шляпу: очевидно, к обеду кто-то был приглашен. Действительно, мистер Блайт, со стаканом в руке и маслиной во рту, беседовал с Флер, свернувшейся клубочком на подушках перед камином.

— Папа, ты знаком с мистером Блайтом? Еще один редактор! Сомс с опаской протянул руку.

Мистер Блайт проглотил маслину.

— Никакого значения эта статья не имеет, — сказал он.

— По-моему, — сказала Флер, — вы должны дать им понять, какими дураками они себя выставили.

— Майкл разделяет вашу точку зрения, миссис Монт?

— Майкл решил ни на шаг не отступить!

И все оглянулись на Майкла, входившего в комнату.

Вид у него и правда был решительный.

По мнению Майкла, нужно было идти напролом, иначе вообще не стоило ничего начинать. Члены парламента должны отстаивать свои собственные убеждения, а не те, что навязывает им Флит-стрит. Если они искренно верят, что политика Фоггарта есть единственный способ борьбы с безработицей и неудержимым притоком населения в города, то эту политику они и должны проводить, невзирая на нападки прессы. Здравый смысл на их стороне, а в конечном счете победа всегда останется за здравым смыслом. Оппозиция, которую вызывает фоггартизм, основана на желании навязать тред-юнионам снижение заработной платы и удлинение рабочего дня, только никто не решается прямо это высказать. Пусть газеты изощряются, сколько им угодно. Он готов пари держать, что через шесть месяцев, когда публика свыкнется с идеей фоггартизма, они половину своих слов возьмут назад. И неожиданно он обратился к Сомсу:

— Надеюсь, сэр, вы не ходили в редакцию объясняться по поводу этой заметки?

Сомс как в частной, так и в общественной жизни придерживался правила избегать лжи в тех случаях, когда его припирали к стене. Ложь чужда английскому духу и даже некрасива. Скосив глаза на свой нос, он медленно проговорил:

— Видите ли, я дал им понять, что фамилия этой особы мне известна.

Флер нахмурилась, мистер Блайт потянулся за соленым миндалем.

— А что я вам говорил, сэр? — воскликнул Майкл. — Последнее слово всегда

останется за ними. Пресса преисполнена чувства собственного достоинства, и мозоли у нее на обеих ногах, не так ли, мистер Блайт?

Мистер Блайт внушительно произнес:

— Прессе свойственны все человеческие слабости, молодой человек. Она предпочитает критиковать, а не быть жертвоц критики.

— Я думала, что впредь буду избавлена от заступничества, — ледяным тоном сказала Флер.

Разговор снова перешел на фоггартизм, но Сомс мрачно молчал. Больше он никогда не будет вмешиваться не в свое дело! И, подобно всем любящим, он задумался о своей горькой судьбе. В сущности, ведь вмешался-то он в свое дело! Ее честь, ее счастье — разве это его не касается? А она на него обиделась. После обеда Флер вышла, оставив мужчин за стаканом вина; впрочем, пил один мистер Блайт. Сомс улавливал обрывки разговора: на следующей неделе этот похожий на лягушку редактор собирался разразиться статьей в «Аванпосте». Майкл хотел при первом удобном случае выступить со своей речью. Для Сомса это были пустые слова. Когда встали из-за стола, он сказал Майклу:

— Я ухожу.

— Мы идем в палату, сэр; вы не останетесь с Флер?

— Нет, — сказал Сомс, — мне пора.

Майкл пристально на него посмотрел.

— Сейчас я ей скажу, что вы уходите.

Сомс надел пальто и уже открывал дверь, когда до него донесся запах фиалок. Голая рука обвилась вокруг его шеи. Что-то мягкое прижалось к нему сзади.

— Папа, прости, я была такой скверной.

Сомс покачал головой.

— Нет, — послышался голос Флер, — так ты не уйдешь.

Она проскользнула между ним и дверью. Ее глаза смотрели на него в упор, блестели ослепительно белые зубы.

— Скажи, что ты меня прощаешь!

— Этим всегда кончается, — отозвался Сомс.

Она коснулась губами его носа.

— Ну вот! Спокойной ночи, папочка! Знаю, что я избалована!

Сомс судорожно ее обнял, открыл дверь и, не говоря ни слова, вышел.

Под парламентскими часами газетчики что-то выкривляли. Должно быть, политические новости, предположил Сомс. Приближается падение лейбористского правительства — какой-то редактор подставил им ножку, с них станется! Ну что ж! Одно правительство падет, будет другое! Сомсу все это казалось очень далеким. Она — она одна имела для него значение.

XII. МАЙКЛ РАЗМЫШЛЯЕТ

Когда Майкл и мистер Блайт пришли, они застали «Мать всех парламентов» в великом волнении. Либералы отказались поддержать лейбористское правительство, и оно вот-вот должно было пасть. На парламентской площади толпились люди, смотревшие на часы и ожидавшие сенсационных событий.

— Я не пойду в палату, — сказал Майкл. — Голосования сегодня не будет. Теперь, по-видимому, один выход — роспуск палаты. Я хочу побродить и подумать.

— Стоит ненадолго зайти, — сказал мистер Блайт.

Они расстались, и Майкл побрел по улице. Вечер был тихий, и он страстно желал услышать голос своей страны. Но где можно было его услышать? Соотечественники Майкла высказывают мнения «за» и «против», рассуждают каждый о своем — здесь речь идет о подходящем налоге или о пособиях, там перечисляют имена лидеров или слышится слово «коммунизм». Но все умалчивают о той тревоге, которую испытывает каждый. Теперь, как и

предсказывала Флер, к власти придут тори. Страна ищет болеутоляющего средства — «сильного и прочного правительства». Но сможет ли это сильное и прочное правительство бороться с наследственным раком, восстановить утраченное равновесие? Сумеет ли успокоить ноющую боль, которую ощущают все, ни словом о ней не упоминая?

«Мы избалованы прошлым благополучием, — думал Майкл. — Мы ни за что не признаемся в том, что больны, и, однако, остро ощущаем свою болезнь!»

Англия с серебряной ложкой во рту! Зубов у нее уже не осталось, чтобы эту ложку удерживать, но духу не хватает расстаться с ложкой! А наши национальные добродетели — выносливость, умение все принимать с улыбкой, крепкие нервы и отсутствие фантазии? Сейчас эти добродетели граничат с пороками, ибо приводят к легкомысленной уверенности в том, что Англия сумеет как-нибудь выпутаться, не прилагая особых усилий. Но с каждым годом остается все меньше шансов оправиться от потрясения, меньше времени для упражнения в британских «добродетелях». «Тяжелы мы на подъем, — думал Майкл. — В тысяча девятьсот двадцать четвертом году это непростительно».

С этими мыслями он повернул на восток. В театрах начались спектакли. «Великий паразит», как называл Лондон сэр Джеймс Фоггарт, лежал, пустынный, залитый огнями. По бессонной Флит-стрит Майкл прошел в Сити, горячий днем, мертвый ночью. Здесь все богатство Англии дремало после дневного разгула. Сюда стягивались все нити национального кредита, основанного — на чем? На сырье и продуктах питания, которых каждая новая война может лишить Англию, беззащитную против воздушного нападения; на рабочей силе, не вмещающейся в европейские масштабы. И все же пока что кредит Англии стоит высоко и всем импонирует, кроме разве тех, кто получает пособие. Обещание заплатить все еще дает Англии возможность купить все, что угодно, только не душевный покой. Майкл брел дальше, миновал Уайтчепл, еще людной и красочный, дошел до Майл-Энда. Здесь дома были ниже, словно не хотели заслонять звездное небо, к которому нет путей. Майкл как бы перешел через границу. Тут обитала как будто иная раса, была другая Англия, но тоже живущая сегодняшним днем и не менее беззаботная, чем Англия Флит-стрит и Сити. О, пожалуй, еще более беззаботная! Ибо обитатели Майл-Энда знали, что не в их власти оказывать влияние на политику. Миля за милей тянулись серые улицы с низкими домами, улицы, уходившие к заброшенным полям. Но Майкл дальше не пошел; он увидел кино и завернул туда.

Сеанс давно начался. Героиня лежала, связанная, поперек седла злодея-ковбоя, скакавшего на диком мустанге. Через каждые десять секунд на экране появлялся Джон Т. Бронсон, управляющий туксонвильскими медными рудниками; он мчался в шестидесятисильном паккарде, намереваясь перерезать дорогу злодею, раньше, чем тот достигнет реки Пима. Майкл наблюдал за своими соседями. Как упиваются! Сильное и прочное правительство очень оно им нужно! Кино — вот болеутоляющее средство. Он видел, как упал мустанг, подстреленный Джоном Т. Бронсоном, а на экране появились слова: «Волосатый Пит не отступает... Она не достанется тебе, Бронсон». Здорово! Пит швыряет женщину в реку. Джон Т. Бронсон прыгает в воду, хватая героиню за волосы. Но Волосатый Пит опустился на одно колено и прицелился. Пули прорезали поверхность воды. Одна пуля прострелила плечо героине — ух, какая дырка! Это что за звук? Джон Т. Бронсон скрежещет зубами. Вот он подплыл к берегу, вытащил героиню на сушу. Достает из-под, кепки револьвер. Слава богу, сухой!

«Берегись, Волосатый Пит!» Облачко дыма. Пит корчится на песке, хватая его зубами, сейчас съест! «Волосатый Пит покончил счеты с жизнью». Темп музыки замедляется. Джон Т. Бронсон поднимает очнувшуюся героиню. На берегу реки Пима они стоят обнявшись. Солнце заходит. «Наконец-то, любимая!»

«Правильно, — размышлял Майкл, выходя на залитую электрическим светом улицу. — Назад к земле! Ходите за плугом! Когда у них есть кино? Как бы не так!» Он снова повернул на запад, поднялся на империал автобуса и занял место рядом с человеком в замасленном костюме. Они ехали молча; наконец Майкл сказал:

— Как вы смотрите на политическое положение, сэр? Человек — быть может, слесарь — ответил, не поворачивая головы:

— По-моему, они перехитрили сами себя.

— Должны были дать бой по русскому вопросу, не правда ли?

— Нет, с этим у них бы тоже не вышло. Они должны были продержаться до весны и начать борьбу за введение жесткого бюджета.

— Настоящий классовый подход?

— Да.

— И вы считаете, что классовая политика может справиться с безработицей?

Человек пожевал губами, словно обсасывал новую идею.

— Эх! Политикой я сыт по горло! Сегодня есть работа, завтра — нет; что толку в политике, если она не может дать тебе постоянной работы?

— Совершенно верно.

— Ремонтники, — продолжал сосед, — нам от этого лучше не будет. Рабочие всех стран должны сплотиться.

И он посмотрел на Майкла: как, мол, тебе это понравится?

— А вы не подумываете о том, чтобы эмигрировать в доминионы?

Тот покачал головой.

— Не очень-то мне нравятся те, что приезжают из Австралии и Канады.

— Следовательно, вы заядлый англичанин, как и я.

— Верно! — сказал сосед. — Прощайте, мистер! — и он вышел.

Майкл ехал, пока автобус не остановился под Большим Бэнном. Было около полуночи. Опять выборы! Удастся ли ему пройти вторично, не заявляя о своих подлинных убеждениях? Нет ни малейшей надежды за три недели растолковать сельским избирателям сущность фоггартизма. Даже если он начнет говорить сейчас и не замолчит до самых выборов, они поймут только, что он держится очень крайних взглядов по вопросу об имперских предпочтениях, что, кстати, близко к истине. Не может он заявить, что Англия идет по неверному пути, — тогда вообще лучше снять свою кандидатуру. Не может он пойти к рядовому избирателю и сказать ему: «Послушайте, нечего надеяться на то, что в течение следующих десяти лет условия жизни значительно улучшатся; сейчас мы должны терпеть, за все переплачивать для того, чтобы через двадцать лет Англия могла сама себя прокормить и не жить под угрозой голодной смерти». Разве можно говорить такие вещи! И не может он заявить своему комитету: «Друзья мои, политическая платформа, на которой я стою, других сторонников пока не имеет».

Нет! Если избираться снова, нужно забыть о личных мнениях. Но стоит ли избираться снова? Трудно было найти человека менее тщеславного, чем Майкл; он понимал, что он «легковес». Но этого конька он оседлал прочно; чем дальше, тем громче ржал конек, тем больше это ржание напоминало глас вопиющего в пустыне, а пустыней была Англия. Заглушить это ржание; изменить Блайту; махнуть рукой на свои убеждения и все-таки остаться в парламенте — этого он не мог. Словно вернулось время войны. Затянуло, а выхода нет. А его затянуло, засосало глубже поверхностных интересов межпартийной борьбы. Фоггартизм стремится к практическому разрешению самых больших для Англии вопросов — впереди независимая, уравновешенная империя; Англия, обеспеченная от воздушных нападений и свободная от безработицы, вновь обретенное правильное соотношение между городом и деревней. Неужели все это безнадежные мечты? Похоже, что так. «Ну что ж, — подумал Майкл, открывая свою дверь, — пусть считают меня дураком, я со своих позиций не сдвинусь». Он поднялся к себе, открыл окно и выглянул на улицу.

Великий город все еще гудел; в небе отражались миллионы огней. Виден был какой-то шпиль и несколько звезд; неподвижно застыли деревья в сквере. Тихая безветренная ночь. Майкл вспомнил далекий вечер, когда Лондон выдержал последний налет цеппелинов. Три часа просидел тогда выздоравливающий Майкл у окна госпиталя.

«Какие мы все дураки, что не отказываемся от воздушной войны! — подумал он. — Но

раз уж мы не отказываемся от нее, необходимо создать мощный воздушный флот. Мы должны обезопасить себя от воздушных нападений. Умный человек — и тот это поймет!»

Под окном остановились двое; одного он знал — это был его сосед.

— Вот увидите, — сказал сосед, — эти выборы не останутся без последствий.

— Да что от них толку, от последствий? — сказал другой.

— Не надо вмешиваться; все делается само собой. Надоела мне вся эта болтовня. Уменьшат подоходный налог на шиллинг — вот тогда посмотрим.

— А что делать с земельной проблемой?

— А, к черту землю! Оставьте ее в покое, фермерам только того и нужно. Чем больше вмешиваешься в эти дела, тем хуже.

— Махнуть на все рукой?

Сосед засмеялся.

— Да, вроде того. А что можно сделать? Стране все это не нужно. Спокойной ночи!

Слышно было, как закрылась дверь, как удалялись шаги. Проехал автомобиль. Ночная бабочка коснулась щеки Майкла. «Стране все это не нужно!» Политика! Зевают до одури, пожимают плечами, полагаются на случай. А что же и делать? Ведь «стране все это не нужно!» И Большой Бэн пробил двенадцать.

XIII. ДЕЛО ЗАТЕВАЕТСЯ

В каждом человеческом улье можно найти людей, как бы предназначенных служить объектом пересудов — может быть, потому, что вся жизнь их проходит по особо изогнутой кривой. К таким людям принадлежала Марджори Феррар. Что бы с ней ни случилось, об этом немедленно начинали говорить в том кругу занятых и праздных людей, который называется обществом. Слух о том, что ее выгнали из салона, распространился быстро, и всем были известны письма, написанные Флер. На вопрос, почему ее изгнали, отвечали по-разному — и правду и неправду; по одной из легендарных версий выходило, что она пыталась отбить Майкла у его супруги.

Сколь сложны причины большинства судебных процессов! Быть может. Сомс, говоривший об инциденте как о «буре в стакане воды», оказался бы прав, если бы лорд Чарльз Феррар не запутался в долгах до такой степени, что вынужден был лишиться свою дочь ежемесячно выдававшейся ей суммы, и еще если бы сэр Александр Мак-Гаун, депутат от одного из шотландских городов, в течение некоторого времени не добивался руки Марджори Феррар. Состояние, нажитое торговлей джутом, известность в парламентских кругах, мужественная внешность и решительный характер повысили шансы сэра Александра за целый год не больше, чем то сделало в один вечер это финансовое мероприятие лорда Чарльза Феррара. Правда, его дочь была из тех, кто всегда в критический момент может раздобыть денег, но даже у таких людей бывают минуты, когда им приходится серьезно об этом подумать. Соответственно своему полу и возрасту, Марджори Феррар запуталась в долгах не меньше, чем ее отец. И отказ в пособии явился последней каплей. В минуту уныния она приняла предложение сэра Александра с тем условием, чтобы помолвки не оглашали. Когда распространился слух о скандале, происшедшем в доме Флер, сэр Александр, пылая гневом, явился к своей нареченной. Чем он может помочь?

— Конечно ничем. Не глупите, Алек! Не все ли равно?

— Но это чудовищно! Разрешите мне пойти к этому старому негодю и потребовать, чтобы он принес извинение.

— Отец был у него, он и слышать ничего не хочет. Подбородок у старика такой, что на него можно повесить чайник.

— Послушайте, Марджори, разрешите мне огласить нашу помолвку, и тогда я начну действовать. Я не желаю, чтобы эта сплетня распространилась.

Марджори Феррар покачала головой.

— Нет, дорогой мой! Вы все еще находитесь на испытании. А на сплетни я не обращаю

внимания.

— А я обращаю и завтра же пойду к этому субъекту.

Марджори Феррар пристально всматривалась в его лицо: у него были карие сверкающие глаза, сильно развитая нижняя челюсть и жесткие черные волосы. Она слегка вздрогнула и сказала:

— Этого вы не сделаете, Алек, иначе вы все испортите. Отец хочет, чтобы я подала в суд. Он говорит, что мы получим хорошую компенсацию.

Мак-Гаун-шотландец возрадовался. Мак-Гаун — влюбленный страдал.

— Пожалуй, но вся история принесет вам много неприятностей, — пробормотал он, — если эта скотина не пойдет на ваши условия до суда.

— Э нет! На мои условия он пойдет. Все его свидетели у меня в руках.

Мак-Гаун схватил ее за плечи и страстно поцеловал.

— Если он заупрямится, я ему все кости переломлю.

— Дорогой мой! Да ведь ему под семьдесят.

— Гм! Но, кажется, в это дело замешан человек помоложе?

— Кто, Майкл? О, Майкл — прелесть! Я не хочу, чтобы вы ему ломали кости.

— Вот как! — сказал Мак-Гаун. — Подождем, пока он выступит с речью об этом идиотском фоггартизме. Вот тогда я его съем!

— Бедняжка Майкл!

— Мне говорили еще о каком-то молодом американце?

— О, это перелетная птица, — сказала Марджори Феррар, высвобождаясь из его объятий. — О нем и думать не стоит.

— Адвокат у вас есть?

— Нет еще.

— Я вам пришлю своего. Он их заставит поплясать.

После его ухода она задумалась, правилен ли ее ход. О, если бы не это безденежье! За месяц со дня тайной помолвки она узнала, что в Шотландии, как и в Англии, руководствуются правилом: «Даром ничего, а за шесть пенсов самую малость». Мак-Гаун требовал от нее много поцелуев, а ей подарил одну драгоценную безделушку, которую она все же не решалась заложить. Похоже было на то, что в конце концов придется ей выйти за него замуж. Этот брак мог иметь и хорошую сторону: Мак-Гаун был настоящим мужчиной, а ее отец позаботится о том, чтобы в отношениях с ней он был столь же либерален, как в своих политических выступлениях. Пожалуй, с таким мужем ей даже легче будет проводить свой лозунг: «Живи и рискуй!» Отдыхая на кушетке, она думала о Фрэнсисе Уилноте. Как муж он никуда не годен, но как любовник мог бы быть очарователен — наивный, свежий, нелепо преданный; в Лондоне его никто не знал; ей нравились его темные глаза, милая улыбка, стройная фигура. Он был слишком старомоден и уже дал ей понять, что хочет на ней жениться. Какой ребенок! Но сейчас он для нее недоступная роскошь. Позднее — как знать? В мыслях она уже «жила и рисковала» с Фрэнсисом Уилмотом. А пока — эта морока с процессом!

Она старалась отделаться от этих мыслей, велела оседлать лошадь, переделась и поехала в Хайд-парк. Вернувшись домой, снова переделась и отправилась в отель «Косадополис», где танцевала со своим бесстрастным партнером и с Фрэнсисом Уилмотом. После этого еще раз переделась, поехала в театр на премьеру, после театра ужинала с компанией актеров и спать легла в два часа.

Подобно большинству женщин, Марджори Феррар далеко не оправдывала своей репутации. Когда проповедуешь снисхождение, доверчивые люди и к тебе относятся снисходительно. Правда, любовные интриги у нее бывали, но границу она переступила только дважды; опиум курила только один раз, после чего ее тошнило; кокаин нюхала только для того, чтобы узнать, что это такое. Играла очень осторожно — и только на скачках; пила умеренно и никогда не пьянела. Конечно, она курила, но самые легкие папиросы и всегда с мундштуком. Она умела танцевать не совсем скромные танцы, но

делала это лишь в исключительных случаях. Барьеры брала очень редко, и то только на лошадях, в которых была уверена. Чтобы не отставать от века, она читала, конечно, все сенсационные новинки, но особых стараний раздобыть их не прилагала. На аэроплане летала, но не дальше Парижа. Она прекрасно управляла автомобилем и любила быструю езду, но никогда не подвергала себя опасности и обычно щадила пешеходов. Ее здоровью можно было позавидовать, и она втихомолку заботилась о нем. Ложась спать, засыпала через десять минут; спала днем, если не имела возможности выспаться ночью. Она интересовалась одним из передовых театров и иногда выступала на сцене. Ее томик стихов удостоился одобрительного отзыва, потому что написан был представительницей класса, который считается чуждым поэзии. В сущности, в ее стихах не было ничего оригинального, кроме неправильного размера. В обществе находили, что она слишком хорошо помнит свой символ веры: «Хватай жизнь обеими руками и, не задумываясь, вкушай!»

Вот почему явившийся на следующее утро адвокат сэра Александра Мак-Гауна пристально всматривался и ее лицо, сидя на кончике стула у нее в студии. Ее репутацию он знал лучше, чем сэр Александр. Мистеры Сэтлуайт и Старк предпочитали выигрывать дела, за которые брались. Выдержит ли обстрел эта молодая и привлекательная леди, пользующаяся такой известностью? Что касается платы, то сэр Александр дал гарантию, а слово «предательница» для начала неплохо, но в такого рода делах трудно предсказать, за кем останется победа. Наружность ее произвела на мистера Сэглуйта благоприятное впечатление. Скандала а суде она, по-видимому, не устроит; и в лице у нее нет, как он того боялся, ничего от Обри Бердсли, что так не любят присяжные. Нет! Эффектная молодая женщина, голубоглазая, цвет волос достаточно модный. Если ее версия удовлетворительна, все пойдет хорошо.

Марджори Жеррар в свою очередь разглядывала адвоката; ей казалось, что этот человек сумеет избавить ее от хлопот. У него было длинное лицо, серые, глубоко посаженные глаза, оттененные темными ресницами, густые волосы; для своих шестидесяти лет он хорошо сохранился и одет был прекрасно.

— Что вы хотите знать, мистер Сэтлуайт?

— Правду.

— Ну конечно! Видите ли, я говорила мистеру Куинси, что миссис Монт горит желанием создать «салон», но для этого ей кое-чего не хватает, а старик, который меня подслушал, принял мои слова за оскорбление...

— И все?

— Может быть, я сказала, что ей нравится коллекционировать знаменитостей; и это верно.

— Так; но почему он вас назвал предательницей?

— Должно быть, потому, что она его дочь и хозяйка дома.

— А мистер Куинси подтвердит ваши слова?

— Филип Куинси? Ну конечно. Он у меня в руках.

— Больше никто не слышал, что вы о ней говорили? Она секунду молчала.

— Нет.

«Ложь номер первый!» — подумал мистер Сэтлуайт и саркастически-ласково усмехнулся.

— А этот молодой американец?

Марджори засмеялась.

— Во всяком случае, он будет молчать.

— Поклонник?

— Нет. Он уезжает в Америку.

«Ложь номер второй, — подумал Сэтлуайт. — Но лжет она мастерски».

— Итак, вы хотите получить извинение в письменной форме, чтобы показать его всем, кто был свидетелем нанесенного вам оскорбления; а затем мы можем потребовать и денег?

— Да, чем больше, тем лучше.

«Вот сейчас она говорит правду!» — подумал мистер Сэтлуайт.

— Вы нуждаетесь в деньгах?

— О да!

— Вы не хотите доводить дело до суда?

— Не хочу; хотя, пожалуй, это было бы забавно.

Мистер Сэтлуайт опять улыбнулся.

— Это смотря по тому, сколько у вас за душой тайных преступлений.

Марджори Феррар тоже улыбнулась.

— Я вам все поведаю, — сказала она.

— Ну что вы, что вы! Следовательно, мы начнем действовать и посмотрим, что он предпримет. Он человек со средствами и юрист.

— Мне кажется, он пойдет на все — только бы не трепали на суде имя его дочери.

— Да, — сухо отозвался мистер Сэтлуайт, — так и я бы поступил на его месте.

— Вы знаете, она и правда выскочка.

— А! Вы не сказали случайно этого слова в разговоре с мистером Куинси?

— Н-нет, не сказала.

«Ложь номер третий! — подумал мистер Сэтлуайт. — И на этот раз шитая белыми нитками».

— Вы совершенно уверены?

— Не совсем.

— А он утверждает, что вы это сказали?

— Я его назвала лжецом.

— Вот как? И вас слышали?

— О да!

— Это может оказаться очень серьезным.

— Вряд ли он заявит на суде, что я назвала ее выскочкой.

— Это очень неглупо, мисс Феррар, — сказал мистер Сэтлуайт. — Думаю, что мы с этим делом справимся.

И, напоследок взглянув на нее из-под длинных ресниц, он направился к" двери. Три дня спустя Сомс получил официальное письмо. От Сомса требовали формального извинения, и письмо заканчивалось словами: «В случае отказа дело будет передано в суд». За всю свою жизнь Сомс дважды обращался в суд: один раз по делу о нарушении контракта, другой раз — по поводу развода. А сейчас его привлекают за диффамацию! Сам он всегда считал себя пострадавшей стороной. Конечно, он не намерен был извиняться. Теперь, когда ему угрожали, он почувствовал себя гораздо спокойнее. Стыдиться ему нечего. Завтра же он готов еще раз назвать «рыжую кошку» предательницей и, в случае необходимости, заплатить за это удовольствие. Он перенесся мыслью в начало восьмидесятых годов, когда сам он,

начинающий адвокат, выступал по делу своего дяди Суизина против другого члена «Уолпол-Клуба». Суизин на людях обозвал его «плюгавым церковником, торгашом и ничтожеством». Сомс вспомнил, как он свел оскорбление к «ничтожеству», доказав, что рост истца — пять футов четыре дюйма, что к церкви он действительно имеет отношение и любит собирать по подписке деньги на трусики для дикарей островов Фиджи. «Ничтожество» присяжные оценили в десять фунтов, и Сомс всегда утверждал, что решающую роль в этом сыграли трусики. Королевский адвокат Бобстэй очень удачно ими оперировал. Да, теперь таких адвокатов, как при Виктории, не осталось. Бобстэй живо изничтожил бы «кошку». После суда дядя Суизин пригласил его обедать и угощал йоркской ветчиной под соусом из мадеры и своим любимым шампанским. Он всех так угощал. Ну, надо надеяться, что и сейчас есть адвокаты, которые сумеют погубить репутацию, особенно если она безупречна. При желании дело можно будет уладить в последний момент. А Флер, во всяком случае, останется в стороне — нет необходимости привлекать ее в качестве свидетельницы.

Он был как громом поражен, когда неделю спустя Майкл позвонил ему по телефону в Мейплдерхем и сообщил, что на имя Флер через адвоката пришла повестка. Обвинение —

дифамация в письмах, содержащих, между прочим, такие выражения: «змея» и «какие бы то ни было моральные побуждения ей чужды».

Сомс похолодел.

— Говорил я вам: следите, чтобы она не оскорбляла эту женщину!

— Знаю, сэр, но она со мной не советуется, когда пишет письмо кому-нибудь из своих друзей.

— Нечего сказать — друзья! — сказал Сомс. — Вот положение!

— Да, сэр. Я очень беспокоюсь. Она решила бороться. Слышать не хочет об извинении.

Сомс заворчал так громко, что у Майкла за сорок миль зазвенело в ухе.

— Что же теперь делать?

— Предоставьте это мне, — сказал Сомс. — Сегодня вечером я к вам приеду. Может ли Флер привести доказательства в подтверждение этих слов?

— Она считает...

— Нет! — неожиданно оборвал Сомс. — По телефону не говорите!

Он повесил трубку и вышел в сад. Женщины! Изнеженные, избалованные, воображают, что могут говорить все, что им вздумается! И действительно говорят, пока их не проучит другая женщина. Он остановился неподалеку от пристани и стал смотреть на реку. Вода была прозрачная, чистая; река течет туда, в Лондон, и там воды ее становятся грязными. А его ждет в Лондоне это неприятное, грязное дело. Теперь ему придется собирать улики против этой Феррар и запугать ее. Отвратительно! Но ничего не поделаешь, нельзя допускать, чтобы Флер впутали в судебный процесс. Эти великосветские процессы — ничего они не приносят, кроме обид и унижения. Как на войне — можно победить и потом сожалеть о победе или проиграть и сожалеть еще сильнее. А все — плохой характер и зависть.

Был тихий осенний день, в воздухе пахло дымом от сухих листьев, которые садовник сгреб в кучу и поджег, и Сомс начал резонерствовать. Только что собрался зять работать в парламенте и создать имя своему сыну, а Флер остепенилась и начала завоевывать себе положение в обществе, как вдруг разразился этот скандал, и теперь все светские болтуны и насмешники на них ополчатся. Он посмотрел на свою тень, нелепо протянувшуюся по берегу к воде, словно ей хотелось пить. Как подумаешь — все кругом нелепо. В обществе, в Англии, в Европе — тени дерутся, расползаются, скалят зубы, машут руками; весь мир топчется на месте в ожидании нового потопа. Н-да! Он сделал несколько шагов к реке, и тень опередила его и окунулась в воду. Так и все они свалятся в холодную воду, если вовремя не перестанут ссориться. Он резко свернул в сторону и вошел в огород. Здесь все было реально, все созрело, торчали сухие стебли. Как же раскопать прошлое этой женщины? Где оно? Так легкомысленна эта современная молодежь! У всех у них, конечно, есть прошлое; но важно одно: найти конкретный определенно безнравственный поступок, а такого может в конце концов и не оказаться. Люди всегда избегают приводить конкретные доказательства. Это и рискованно и как будто неудобно. Все сплетни, больше ничего.

И, прогуливаясь среди артишоков, с одобрением думая о людях скрытных и с неодобрением о тех, что хочет вызвать их на сплетни, Сомс мрачно решил, что без сплетен не обойтись. Костер из листьев догорал, остро пахло артишоками, солнце зашло за высокую стену из выветрившегося за полвека кирпича; покой и холод царили везде, только не в сердце Сомса. Он часто, утром или вечером, заглядывал в огород — овощи были реальны, просты, их можно было съесть за обедом. Свои овощи были вкуснее покупных и дешевле — никаких спекулянтов-посредников. Может быть, играл тут роль и атавизм, ведь его прадед, отец «Гордого Доссета», был последним в длинной цепи Форсайтов-земледельцев. С годами овощи все больше интересовали Сомса. Когда Флер была совсем крошкой, он, вернувшись из Сити, нередко находил ее среди кустов черной смородины, где она возилась с куклой. Один раз в волосах у нее запуталась пчела и ужалила его, когда он стал ее вытаскивать. То были самые счастливые его годы, пока она не выросла, не окунулась в светскую жизнь, не начала дружить с женщинами, которые ее оскорбляют. Значит, она не желает приносить извинения? Ну что ж, она ни в чем не виновата. Но быть правой и идти в суд — значит

пережить мучительное испытание. Суды существуют для того, чтобы карать невиновных, будь то за развод, или за нарушение слова, или за клевету. Виновные уезжают на юг Франции или не являются по вызову в суд, предоставляя вам платить издержки. Разве не пришлось ему платить, когда он подавал в суд на Босини? И где, как не в Италии, были молодой Джолион и Ирэн, когда он вел дело о разводе? И тем не менее он не мог себе представить, чтобы Флер унизилась перед этой «рыжей кошкой». Сгущались сумерки, и решимость Сомса крепла. Нужно раздобыть улики, которые запугают эту особу и заставят ее отказаться от судебного процесса. Другого выхода нет!

XIV. ДАЛЬНЕЙШИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

По не вполне понятным причинам злобный редактор действительно «подставил ножку» правительству, и Майкл засел писать обращение к избирателям. Как сказать много и скрыть самое главное?

«Избиратели Мид-Бэкса, — решительно написал он, а затем долго сидел не двигаясь, как человек, слишком плотно пообедавший. — Если вы снова обратитесь ко мне как к своему представителю, — медленно писал он, — я приложу все силы, чтобы послужить на пользу страны. В первую очередь я считаю необходимым следующее: сокращение вооружений, а в худшем случае увеличение воздушного флота в целях защиты Англии; развитие земледелия; ликвидацию безработицы путем эмиграции в доминионы; борьбу с дымом и уничтожение трущоб как меры здравоохранения. В случае моего избрания я буду преследовать свои цели решительно и неуклонно, не пороча, однако, тех, кто моих убеждений не разделяет. На наших митингах я постараюсь дать вам более ясное представление о моей платформе и сочту своим долгом ответить на все вопросы».

Можно ли этим ограничиться? Можно ли в обращении к избирателям не порочить противников, не превозносить самого себя? Как посмотрит на это комитет? Что скажут избиратели? Ну что ж! Если комитет останется недоволен, пускай вышвырнет обращение, а вместе с ним и его, Майкла! Впрочем, у них нет времени искать другого депутата.

Комитет действительно остался недоволен, но примирился, и обращение вместе с портретом Майкла было отпечатано и распространено среди избирателей. Майкл утверждал, что он на этом снимке похож на парикмахера.

А затем его затянула ссора, которая, как и всякая ссора, началась с общего, а кончилась личностями.

Во время первого своего воскресного отдыха в Липпингхолле Майкл стал осуществлять идею о птичьем дворе: распланировал участок, обсудил, как провести воду. Управляющий хмурился. По его мнению, то была ненужная трата денег. Кто будет обучать эту публику? У него, во всяком случае, нет на это времени. Тут пахнет сотнями, а толку не будет.

— Нечего горожанам братья за сельское хозяйство, мистер Майкл.

— Все так говорят. Но послушайте, Тэтфилд, эти люди — безработные; из них двое были на войне. Я рассчитываю на вашу помощь. Вы сами говорите, что этот участок годится для разведения кур, а сейчас им все равно никто не пользуется. Поручите Баумену руководить этой тройкой, пока они не ознакомятся с делом. Подумайте, каково бы вам жилось, если бы вы сами были безработным.

Управляющий знал Майкла с пеленок и питал к нему слабость. Он предвидел, каковы будут результаты, но если мистеру Майклу угодно тратить отцовские денежки, то его — Тэтфилда — это не касается. Он даже вспомнил, что знает поблизости одного паренька, который продает свой домишко, и что в роще дров «хоть отбавляй».

Во вторник на следующей неделе после падения правительства Майкл приехал в город и предложил своим безработным явиться в среду к трем часам на совещание. Они пришли в назначенный час и уселись вокруг обеденного стола, а Майкл, стоя под картиной Гойи, словно генерал, развертывающий план кампании, изложил свое предложение. По лицам этих

людей трудно было угадать, какое впечатление произвели его слова. Один только Бергфелд раньше слышал об этом плане, но вид у актера был очень неуверенный.

— Я понятия не имею, как вы посмотрите на мое предложение, — продолжал Майкл, — но все вы нуждаетесь в работе. Двое ищут работы на свежем воздухе, а вы, Боддик, насколько мне известно, готовы взяться за что угодно.

— Правильно, сэр, — ответил Боддик. — Я на все согласен.

Майкл тотчас же отметил его как самого надежного из тройки.

Другие двое молчали. Наконец Бергфелд сказал:

— Если бы у меня были мои сбережения...

Майкл поспешил его перебить:

— Я вкладываю капитал, это мой взнос, а вы вносите свой труд. Вряд ли будут какие-нибудь барыши, но на жизнь хватит. Ваше мнение, мистер Суэн?

Парикмахер, в теплом свете испанской комнаты более чем когда-либо похожий на призрак, улыбнулся.

— Вы очень добры, сэр. Я готов попробовать, но — кто у нас будет главным?

— Это кооперативное товарищество, мистер Суэн.

— А, я так и думал, — протянул парикмахер. — Но в таких случаях дело всегда кончается тем, что кто-нибудь забирает все в свои руки и выбрасывает остальных.

— Отлично, — неожиданно решил Майкл, — я сам буду главным. Но если вам это дело не улыбается, скажите сейчас же; в противном случае я распоряжусь о постройке дома, и через месяц вы переселяетесь.

Боддик поднялся и заявил:

— Я согласен, сэр. А как быть с детьми?

— Сколько им лет, Боддик?

— Две девочки, четырех и пяти лет.

— Ах, да! — Майкл об этом забыл. — Мы что-нибудь для них придумаем.

Боддик пожал Майклу руку и вышел. Другие двое замешкались.

— Прощайте, мистер Бергфелд; прощайте, мистер Суэн! Не могу ли я...

— Разрешите сказать вам два слова?

— Вы можете говорить в присутствии друг друга.

— Сэр, я привык к своему ремеслу. Стрижка, бритье...

— Ну, мы вам раздобудем такую породу кур, которых можно стричь, сказал Майкл.

Парикмахер криво усмехнулся и заметил:

— Нищим выбирать не приходится.

— А я хотел вас спросить, какой системе мы будем следовать? — осведомился Бергфелд.

— Об этом мы подумаем. Вот две книги по птицеводству для вас и мистера Суэна, потом поменяетесь.

Майкл заметил, что Бергфелд взял обе книги, а Суэн не стал протестовать.

Проводив их, он выглянул на улицу и посмотрел им вслед, размышляя: «Ничего из этого не выйдет, но всетаки пусть попробуют».

К нему подошел какой-то молодой человек.

— Мистер Майкл Монт, член парламента?

— Да.

— Миссис Майкл Монт дома?

— Кажется, дома. Что вам нужно?

— Я должен передать лично ей.

— Вы от кого?

— От Сэтлуайта и Старка.

— Портные?

Молодой человек улыбнулся.

— Входите, — сказал Майкл. — Я узнаю, дома ли она.

Флер была в гостинной.

— Дорогая, к тебе пришел какой-то молодой человек от портного.

— Миссис Майкл Монт? Вам повестка по делу Феррар против Монт; дело о диффамации. Всего хорошего, мэм.

В этот промежуток времени, от четырех до восьми, когда из Мейплдерхема приехал Сомс, Майкл страдал сильнее, чем Флер. Жуткая перспектива: сидеть в суде и наблюдать, как законники по всем правилам юридической науки пытаются твою жену! Его нисколько не утешало, что Марджори Феррар также будет фигурировать на суде и ее личная жизнь сделается достоянием общества. Вот почему он был огорчен, когда Флер заявила:

— Отлично! Если она хочет огласки, пусть будет так! Я знаю, что в ноябре прошлого года она летала в Париж с Уолтером Нэйзингом; и мне все говорили, что она целый год была любовницей Бэрти Кэрфью.

Великосветский процесс — сливки для светских кошек, навоз для навозных мух, а Флер — центральная фигура процесса! Майкл с нетерпением ждал Сомса. Хотя кашу заварил «Старый Форсайт», но теперь Майкл у него искал помощи. У старика есть опыт, здравый смысл и подбородок; старик скажет, как нужно действовать. Поглядывая на единственный кусок обоев, не закрытый карикатурами, Майкл думал о том, как жестока жизнь. За обедом ему предстоит есть омара, которого сварили заживо. Вот этот его кабинет убирает поденщица, у которой мать умирает от рака, а сын лишился ноги на войне, и вид у нее всегда такой усталый, что от одной мысли, о ней делается не по себе. Бесчисленные Бергфелды, Суэны, Боддики; городские трущобы, Франция, опустошенная войной, нищие итальянские деревушки! И надо всем этим тонкая корка высшего общества. Члены парламента и светские женщины, как сам он и Флер, любезно улыбаются и сосут серебряные ложки, а время от времени, забыв и ложки и улыбки, вцепляются друг в друга и дерутся не на жизнь, а на смерть.

«Какие она может привести доказательства в подтверждение этих слов?» Майкл напрягал память. По его мнению, перелету Уолтера Нэйзинга и Марджори Феррар в Париж не следовало придавать значения. В наше время парочки могут еще летать безнаказанно. А что там между ними было потом, в этом европейском Вавилоне, — поди докажи! Иначе обстояло дело с Бэрти Кэрфью. Нет дыма без огня, а дымом пахло в течение целого года. Майкл знал Бэрти Кэрфью, предприимчивого директора театрального общества «Nec plus ultra» <"Дальше некуда" (лат.)>. Это был длинный молодой человек с длинными глянцевитыми волосами, которые он со лба зачесывал назад, и с длинной биографией; своеобразная смесь энтузиазма и презрения. За его сестру, которую он называл «Бедная Нора», Майкл отдал бы десяток таких, как Бэрти. Она заведовала детским приютом в БетнелГрин, и от одного ее взгляда живо замолкали все злые и трусливые языки.

Большой Бэн пробил восемь, залаял Дэнди, и Майкл догадался, что пришел Сомс.

За обедом Сомс молчал, и только когда подали бутылку липпингхоллской мадеры, попросил, чтобы ему показали повестку.

Когда Флер ее принесла, он словно погрузился в транс. «О своем прошлом задумался, — решил Майкл. — Хоть бы очнулся поскорее».

— Ну, папа? — окликнула его наконец Флер.

Сомс поднял глаза и посмотрел на дочь.

— От своих слов ты, полагаю, не откажешься?

Флер тряхнула головой.

— А ты хочешь, чтобы я отказалась?

— Чем ты можешь их подкрепить? Мало того, что кто-то тебе сказал, это не доказательство.

— Я знаю, что Эмебел Нэйзинг была здесь и сказала, что ей все равно, пусть Уолтер летит в Париж с Марджори Феррар, но почему ее заранее не предупредили? Тогда она бы тоже могла с кем-нибудь удрать в Париж.

— Мы можем вызвать ее в качестве свидетельницы, — сказал Сомс.

Флер покачала головой.

— На суде она ни за что не выдаст Уолтера.

— Гм! Что ты еще скажешь о мисс Феррар?

— Все знают об ее связи с Бэрти Кэрфью.

— Да, — вмешался Майкл, — но между «все знают» и «такой-то сказал» зияет пропасть.

Сомс кивнул.

— Она просто хочет выманить у нас деньги! — воскликнула Флер. — Она всегда нуждается. Да разве ей есть дело до того, считают ли ее люди нравственной или безнравственной! Она не признает морали; в ее кружке все презирают мораль.

— Ага! Ее точка зрения на мораль! — веско сказал Сомс. Мысленно он уже слышал, как адвокат излагает присяжным современную точку зрения на нравственность. — В подробности ее личной жизни, быть может, и не придется вдаваться.

Майкл встрепенулся.

— Честное слово, сэр, это блестящая мысль! Если мы заставим ее признаться, что она читала некоторые — определенного характера — книги, играла в некоторых пьесах, показывалась в не весьма скромных костюмах...

Он откинулся на спинку стула. А что, если те же вопросы зададут Флер? Ведь мода требует сейчас многого, будь ты в душе хоть трижды нравственна! Кто в наше время признает себя шокированным?

— Ну? — сказал Сомс.

— Видите ли, сэр, у каждого свои взгляды. Наша точка зрения не обязательна для судьи и присяжных. Пожалуй, и мы с вами по-разному смотрим на вещи.

Сомс взглянул на дочь. Он понял: распущенная болтовня, желание следовать моде, развращающее влияние знакомых! Но все же ни один присяжный не сможет перед ней устоять. Кроме того, она — мать, а та — нет; а если мать, то лучше бы она ею не была. Нет, он решил не отказываться от своего плана. Искусный адвокат сумеет свести все дело к разоблачению легкомысленного кружка и современных взглядов на нравственность и обойти молчанием личную жизнь этой женщины.

— Запишите мне фамилии ее знакомых, названия книг, танцевальных клубов и так далее, — сказал он. — Мы пригласим лучшего адвоката.

Это совещание несколько успокоило Майкла. Вся история будет менее отвратительной, если удастся от частного перейти к общему и, вместо того чтобы разбирать поведение Марджори Феррар, повести атаку на ее теории. Сомс увлек Майкла в холл.

— Я хочу иметь все сведения о ней и об этом молодом человеке.

У Майкла физиономия вытянулась.

— Ничем не могу помочь, сэр; я ничего не знаю.

— Нужно ее запугать, — сказал Сомс. — Если это удастся, я, быть может, улажу дело до суда, не принося никаких извинений.

— Понимаю, но вы не используете этих сведений на суде?

Сомс кивнул.

— Я им дам понять, что нас оправдают. Скажите мне адрес этого молодого человека.

— Макбет-Чэмберс, Блумсбери. Недалеко от Британского музея. Но помните, сэр: если на суде будут мыть грязное белье Марджори Феррар, то нам это повредит не меньше, чем ей.

Снова Сомс кивнул.

Когда Флер и Сомс пошли наверх, Майкл закурил папиросу и вернулся в гостиную. Он открыл клавикорды. Звук у них был очень слабый — можно было побренчать, не опасаясь разбудить одиннадцатого баронета. От примитивной испанской мелодии, подобранной им три года назад, во время свадебного путешествия, он перешел на песенку американских негров: «У меня венец, у тебя венец — у всех божьих деток райский венец. Не всякого, кто хочет, пустят в рай. У всех божьих деток венец».

Со стен на него поблескивали хрустальные канделябры. Мальчиком он любил цветные

стекла люстр в гостиной тети Памелы на Брук-стрит, но когда подрос, стал смеяться над ними, как все. А теперь люстры опять вошли в моду, а тетя Памела умерла! «У нее венец — у него венец». Вот проклятая мелодия! «Aupres de ta blonde il fait bon — fait bon — fait bon. Aupres de ta blonde il fait bon dormir» <"Рядом с моей милой хорошо уснуть" — одна из самых популярных французских песенок во время войны 1914 — 1918 гг.>.

Его «милая», наверное, уже легла. Пора идти! Но пальцы все наигрывали что-то, а мысли безвольно ходили по кругу — куры и политика, «Старый Форсайт», Флер, фоггартизм и Марджори Феррар — так крутится человек, попавший в водоворот, когда вода вот-вот покроет его с головой. Кто это сказал, что для современного человека единственное спасение — обновить свое сердце; родиться заново, с верой, что жить стоит, что есть и лучшая жизнь? Религия? Ну нет, с этим покончено. Человечество должно спастись собственными силами. Спасаться — а что это, как не проявление «воли к жизни»? А воля к жизни, так же ли она сильна сейчас, как раньше? Вот в чем вопрос. Майкл перестал играть и прислушался к тишине. Даже часы не тикают — зачем помнить о времени в модной гостиной; а за окнами спит Англия. Сохранила ли Англия свою волю к жизни; или все они так избалованы, так впечатлительны, что дали ей ослабнуть? Может быть, они так долго сосали серебряную ложку, что, убоявшись деревянной, предпочитают просто встать из-за стола? «Не верю я этому, — подумал Майкл, — не верю. Только куда мы идем? Куда иду я? Куда идут все божьи детки?» Скорей всего спать.

И Большой Бэн пробил час.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. МАЙКЛ ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ

В новом парламенте прения после тронной речи подходили к концу. И вот тогда-то Майкл встал и приготовился говорить. В руке он держал записки, а в голове у него не было ни одной мысли. Началось сердцебиение, и ноги отказывались служить. Политика, которую он взялся проводить, была, по существу, не новой, но методы ее противоречили общественному мнению, и Майкл не ждал ничего, кроме смеха. Свою речь он мысленно сравнивал с семенами новой травы, занесенной порывами ветра в сад, столь густо заросший, что для нового растения не осталось ни одного свободного уголка. Есть на свете трава, называемая китайским плевелом, которая, раз пустив росток, заглушает все прочие травы. Майкл от всей души желал, чтобы фоггартизм уподобился этому китайскому плевелу; впрочем скорее он ожидал того, что видел в Монтерэй, во время кругосветного путешествия, которое совершил после войны. Каким-то ветром туда, на берег Калифорнии, занесло семена японского тиса. Сомкнутым строем эти темные хилые деревца двинулись в глубь страны, прошли несколько миль. Дальше их отряду пути не было — туземная растительность восстала против него; но одна рожица пустила корни и держалась крепко.

Первую фразу своей речи он столько раз репетировал, что сейчас сумел ее произнести, хотя во рту у него пересохло, а в голове было пусто. Обдернув жилет и откинув назад голову, он выразил сожаление по поводу того, что речь короля не предсказала никакой последовательной политики, каковая могла бы избавить страну от настоящей ее болезни — безработицы и перенаселения. Подходя к делу с экономической точки зрения, каждый дальновидный политик, оценивая создавшееся положение, должен знать, что Англию нельзя рассматривать изолированно от остального мира. (О! О!) Иронический смех, прозвучавший столь неожиданно, развязал Майклу язык. В голове прояснилось. Усмехнувшись и от этого сразу похорошев, он продолжал.

Все ораторы, выступавшие в палате, останавливались на серьезной проблеме безработицы, причем надежды возлагали на завоевание европейского рынка. При всем своем уважении к ним он должен заявить, что формула «И волки сыты, и овцы целы» не так

реальна, как хотелось бы. (Смех.) Утверждал ли кто-нибудь из них, что в Англии заработную плату нужно снизить и количество рабочих часов увеличить, или что в Европе заработная плата должна повыситься, а количество рабочих часов — уменьшиться? Нет, на это у них не хватило смелости. Англия, которой предстоит уничтожить безработицу, является единственной в мире страной, вынужденной покупать на стороне около семидесяти процентов того количества продуктов питания, какое необходимо населению, причем шесть седьмых ее населения проживает в городах. Эти шесть седьмых заняты производством товаров, слишком дорогих для европейских стран, и, однако, Англия должна продать этих товаров столько, чтобы ей хватило на уплату за ввозимые из-за границы продукты питания, которые поддерживают жизнь людей, занятых в производстве. (Смешки.) Если это и шутка, то довольно мрачная. (Голос: «Вы забыли о морских перевозках».) Он принимает поправку почтенного депутата и возлагает всяческие надежды на эту отрасль нашей деятельности. Впрочем, по всем признакам, коэффициент ее падает.

На этом этапе его речи коэффициент Майкла тоже слегка упал, — он вдруг ощутил желание махнуть рукой на фоггартизм и сесть. Холодное внимание, слабые улыбки, выражение лица бывшего премьера, казалось, призывали его сдаться. «Как молод! О, как ты молод!» — читал он на лицах слушателей. «Мы здесь заседали раньше, чем ты надел штанишки». И он был с ними вполне согласен. Но ничего не оставалось, как продолжать: на галерее для дам сидела Флер, на галерее для иностранцев — старик Блайт; и какое-то упрямство овладело Майклом. Крепко сжав в руке записки, он снова заговорил:

— Несмотря на войну, а быть может благодаря войне, население Великобритании увеличилось на два миллиона. Эмиграция упала с трехсот тысяч до ста тысяч. И с таким положением вещей предлагают бороться лишь путем завоевания европейского рынка, который, по вполне понятным причинам, нимало не хочет быть завоеванным. Какова же альтернатива? Быть может, кое-кто из почтенных депутатов знаком с произведением сэра Джемса Фоггарта «Опасное положение Англии». («Слушайте, слушайте!» — с задней скамьи лейбористов.) Он читал в одном из органов прессы, что никто еще не предлагал англичанам столь сумасбродной системы. ("Слушайте, слушайте!") Фоггартизм действительно заслуживает этого обвинения, ибо он дальновиден и вдобавок еще предлагает стране взглянуть прямо в лицо создавшемуся положению...

Майкл уже готов был огласить свою веру, как вдруг его остановила мысль: «Верно ли это? Не заблуждаюсь ли я? Быть может, я невежественный дурак?» Он проглотил слюну и, глядя прямо перед собой, продолжал:

— Фоггартизм восстает против того, чтобы люди, находящиеся в нашем положении, пробавлялись паллиативными средствами; он предлагает, чтобы народ назначил себе какой-нибудь определенный срок, — скажем, двадцать лет — минута в жизни нации — и в течение этого срока работал упорно и стойко. Фоггартизм требует, чтобы Британская империя с ее огромными ресурсами, большей частью не использованными, могла обеспечить самое себя. Сторонники имперской политики спросят? «Что в этом нового?» Новое заключается в степени и в методе. Фоггартизм утверждает, что необходимо познакомить британский народ со всеми нашими доминионами — познакомить путем организованных путешествий и широкой пропаганды. Эта мера не может не вызвать усиленной эмиграции. Но почтенным депутатам хорошо известно, что эмиграция взрослых не дает желаемых результатов, ибо наши горожане уже развращены и отравлены городом и принесут мало пользы в доминионах, а тех немногих англичан, которые еще живут в деревне, трогать нельзя. Поэтому фоггартизм предлагает отправлять в доминионы мальчиков и девочек в возрасте от четырнадцати или пятнадцати до восемнадцати лет. Членам палаты известно, что в этом направлении уже были сделаны опыты, увенчавшиеся успехом, но опыты эти — лишь капля в море. К этому вопросу нужно подойти с такой же энергией, какая была проявлена во время войны. Развитие детской эмиграции требует таких же масштабов и той же энергии, какие были приложены к работе военных заводов, после того как в это дело вмешался один почтенный член парламента, — ее надо увеличить в сто раз. Конечно, если доминионы не

пойдут всей душой нам навстречу, из этого ничего не выйдет, но я считаю, что такого сотрудничества добиться можно. В настоящее время жители доминионов враждебно относятся к английским эмигрантам, ибо не верят, что взрослые эмигранты могут принести пользу стране. Но от этого враждебного отношения не останется и следа, если мы будем направлять в доминионы работоспособную молодежь. Я полагаю, что за первой удачливой группой потянутся вторая и третья, и так без конца; важно только знать, с чего начать и каким людям поручить проведение этого проекта в жизнь.

Кто-то за его спиной сказал: «Ох, какая ерунда!» Майкл смутился, но, помедлив, вновь закусил удила и продолжал:

— Если такую работу делать наполовину, то лучше и не начинать, но ведь на войне то, что оказывалось нужным, всегда делали, и всегда находились подходящие люди. Я призываю палату разделить со мной точку зрения, что сейчас наша страна почти в таком же критическом положении, как была тогда.

Он заметил, что кое-кто слушает его с вниманием, и, переведя дух, продолжал:

— Если оставить в стороне Ирландию... (Голос: "Почему? ") Я предпочитаю не трогать тех, кто не хочет, чтобы их трогали... (Смех.)... то в настоящее время соотношение белого населения Англии и остальных территории империи — примерно пять к двум. Если в течение двадцати лет проводить в широком масштабе эмиграцию детей, мы сильно выровняем эту пропорцию, английское влияние во всей Британской империи упрочится окончательно, а предложение и спрос между Англией и доминионами придет в равновесие. (Голос: «Тогда доминионы будут сами себя снабжать».) Почтенный депутат извинит меня, если я скажу, что об этом говорить преждевременно. Мы далеко ушли в области механизации промышленности. Конечно, может пройти пять, семь лет раньше, чем безработица понизится хотя бы до довоенного уровня, но сумеет ли кто-нибудь выдвинуть иной способ борьбы с этим злом? Я стою за высокую заработную плату и умеренный рабочий день. Я считаю, что Британия хотя и далеко опередила Европу, но дает лишь приличный минимум, а иногда и того меньше; я стою за увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня. И это требование рабочие выставляют везде, где только развевается британский флаг. ("Слушайте, слушайте! «) От своих требований они не откажутся, на это рассчитывать не приходите». ("Слушайте, слушайте! О! О! «) Уравнение спроса и предложения в пределах империи есть единственный способ улучшить условия жизни. В мире произошли такие перемены, что прежняя установка: „Покупай на самом дешевом рынке и продавай на самом дорогом“ — к Англии уже не применима. Свобода торговли никогда не была принципом. (О! О! Слушайте, слушайте!» И смех.) Или, вернее, были близнецы — Свобода торговли и Целесообразность, и их перепутали, и теперь у обоих вид достаточно хилый. Но распространяться на эту тему я не собираюсь. (Голос: «Лучше не надо».)

Майкл видел, что эти слова бросил человек, сидевший на скамье либералов, — брюнет с красной физиономией и коротко подстриженными усами. Он не знал его фамилии, но физиономия ему не понравилась, она горела не только жаром политики. На чем же он остановился? Ах, да...

— В программе Фоггарта любопытен еще один пункт. В настоящее время Англия недостаточно защищена от воздушных нападений и не может сама себя прокормить, вследствие чего распаляет хищнические инстинкты других наций. И здесь я должен просить прощения за то, что обращаю внимание членов палаты на Золушку, иными словами — землю. В тронной речи по этому щекотливому вопросу было сказано только, что будет созвана конференция представителей всех интересов. Но такая конференция ничего не даст, если все партии заранее не сговорятся последовательно проводить определенную линию. Здесь снова выступает на сцену фоггартизм и предлагает: «Следуйте строго очерченной программе по земельному вопросу и не изменяйте ей. Пусть для вас она будет так же священна, как для Америки сухой закон». (Голос: «И так же проклята». Смех.) Священная и проклятая — словно название романа Достоевского. (Смех.) Да, без этого мы не обойдемся.

От нашей политики в земельном вопросе зависит не только благополучие фермеров, землевладельцев и землепашцев, но и самое существование Англии, если снова разразится война. В этом, только в этом заключается единственная надежда спасти Англию. Фоггартизм требует, чтобы мы твердо проводили нашу земельную политику, и тогда через десять лет семьдесят процентов продуктов питания мы будем производить у себя. Во время войны было высчитано, что эту цифру можно немедленно довести до восьмидесяти двух процентов; и многое в этом направлении уже было сделано. Почему же всему этому дали заглухнуть? Почему столько труда пошло насмарку? Мы должны верить в наше сельское хозяйство; а вера появится только при условии упорной и последовательной деятельности.

Майкл сделал паузу. На соседней скамье кто-то зевнул; слышалось шарканье ног; вошел еще один из бывших премьеров; несколько членов вышли. Вопрос о «земле» всем надоел. Не затронуть ли ему третий пункт программы Фоггарта — воздушный флот? Но и по этому вопросу ничего нового не скажешь. А кроме того, придется сделать вступление: поговорить об уничтожении воздушной войны или хотя бы о частичном разоружении. Нет, это займет слишком много времени! Лучше и не начинать. Он быстро заговорил:

— Эмиграция! Земля! Фоггартизм требует, чтобы к обеим этим проблемам отнеслись с тем же вниманием, какое уделяли насущным вопросам во время войны. Я счастлив, что на мою долю выпала честь познакомить представителей всех партий с этим великим — что бы ни думали почтенные депутаты произведением сэра Джемса Фоггарта. Прошу прощения, что отнял у слушателей столько времени.

Он сел. Говорил он тридцать минут. Как гора с плеч! Встал один из депутатов.

— Должен поздравить депутата от Мид-Бэкса с первой его речью, которая, как мы все готовы признать, была интересна как по содержанию, так и по форме, хотя почтенный депутат и занимался постройкой воздушных замков, призывая нас есть меньше хлеба и платить больше налогов. Депутат от Тайна и Тиса в начале прений сделал намек на партию, к которой я имею честь принадлежать, и...

«Так!» — подумал Майкл и, убедившись, что этот оратор не намерен останавливаться на его речи, покинул палату.

II. ПОСЛЕДСТВИЯ

Когда он шел домой, в голове у него было пусто и на сердце легко. Да, вот в чем беда

— легковес! Никто не обратит на него серьезного внимания. Он вспомнил первую речь депутата от Корнмаркета. По крайней мере он, Майкл, замолчал сегодня, как только слушатели начали зевать. Ему было жарко, и он проголодался. Оперные певцы толстеют от звука своего голоса, а члены парламента худеют! Он решил прежде всего принять ванну.

Он одевался, когда вошла Флер.

— Ты говорил прекрасно, Майкл. Но какая это скотина!

— Кто?

— Его фамилия Мак-Гаун.

— Сэр Александр Мак-Гаун? А что такое?

— Завтра прочтешь в газетах. Он инсинуировал, будто ты, как один из издателей, заинтересован в том, чтобы книга Фоггарта имела сбыт.

— Да, это сильно!

— И вся его речь была возмутительна, Ты его знаешь?

— Мак-Гауна? Нет. Он депутат от какого-то шотландского города.

— Тебе он враг. Блайт тобой очень доволен и возмущается Мак-Гауном; твой отец тоже. Я еще ни разу не видала его таким взбешенным. Ты должен написать в «Тайме» и объяснить, что еще до выборов вышел из издательства Дэнби и Уинтер. Твои родители у нас сегодня обедают. Ты знал, что твоя мать была в палате?

— Мама? Да ведь она ненавидит политику.

— Она сказала только: «Жаль, что Майкл не откинул волосы со лба. Мне нравится его лоб». А когда Мак-Гаун сел, она заметила: «Дорогая моя, у этого человека как будто срезан затылок. Как вы думаете, не из Пруссии ли он родом? И мочки ушей у него толстые. Не хотела бы я быть его женой». У нее был с собой бинокль.

Когда Майкл с Флер спустились вниз, сэра Лоренса и леди Монт уже были в гостиной и стояли друг против друга, словно два аиста, если не на одной ноге, то, во всяком случае, с большой важностью. Откинув волосы со лба Майкла, леди Монт клонула его в лоб.

— Как вы там высидели, мама?

— Милый мой мальчик, я была ужасно довольна. Вот только этот человек мне не понравился — у него безобразная форма головы. Но где ты набрался таких познаний? Ты очень умно говорил.

Майкл усмехнулся.

— А вы что скажете, сэра?

Сэр Лоренс скроил гримасу.

— Ты сыграл роль *enfant terrible*, дорогой мой. Одним твоя речь не понравится потому, что они никогда об этом не думали, а другим — именно потому, что они думали.

— Как! Значит, в душе они фоггартисты?

— Конечно. Но в палате не следует защищать подлинные свои убеждения. Это не принято.

— Славная комната, — проворковала леди Монт. — Раньше она была китайской. А где «Обезьяна»?

— В кабинете у Майкла, мама. Она нам надоела, Хотите взглянуть до обеда на Кита?

Когда Майкл остался наедине с отцом, они оба уставились на один и тот же предмет — на табакерку эпохи Людовика Пятнадцатого, которую отыскал где-то Сомс.

— Папа, вы реагировали бы на инсинуацию Мак-Гауна?

— Мак-Гаун — фамилия этого торгаша? Да, несомненно.

— Как?

— Уличил бы его во лжи.

— В частном разговоре, в прессе или в палате?

— И то, и другое, и третье. В разговоре я бы просто назвал его лжецом. В заметке я употребил бы слова: «Легкомысленное отношение к истине». В парламенте я бы выразил сожаление, что «его плохо информировали». Можно добавить, что людям случалось получать за такие вещи по физиономии.

— Но неужели вы допускаете, что кто-нибудь поверит этой клевете? спросил Майкл.

— Поверят всему, что свидетельствует о развращении политических нравов. Это так свойственно людям. Забота о честности общественных деятелей была бы превосходной чертой, если бы ее обычно не проявляли люди, сами столь мало честные, что и в других они вряд ли сумеют ее оценить. — Сэр Лоренс поморщился, вспомнив ОГС. — А кстати, почему «Старого Форсайта» не было сегодня в палате?

— Я ему предложил пропуск, но он сказал, что не был в палате с тех пор, как Гладстон проводил билль о гомруле. Да и тогда пошел только потому, что боялся, как бы его отца не хватил удар.

Сэр Лоренс вставил монокль.

— Я не совсем понимаю.

— У отца был пропуск, и он не хотел его терять.

— Понял. Очень благородно со стороны «Старого Форсайта».

— Он нашел, что Гладстон слишком многословен.

— А! В былые годы речи бывали и длиннее. Ты быстро справился со своим делом, Майкл. Я бы сказал, что со временем из тебя выйдет толк. А у меня есть новость Для «Старого Форсайта». Я знаю, почему Шропшир не разговаривает с Чарли Ферраром. Старик только с этим условием и заплатил в третий раз его долги, чтобы спасти его от доски позора. Я надеялся на что-нибудь более таинственное. В каком положении процесс?

— Последнее, что я слышал, это что проводят какие-то взаимные запросы сторон.

— А, знаю. Отвечают такое, что ничего не разберешь, и притом вполне беспристрастно. Потом задают тебе ряд вопросов, и ты отвечаешь точно так же. Из всего этого адвокаты что-то извлекают. Что у вас сегодня на обед?

— Флер обещала заколоть жирного тельца, когда я произнесу мою первую речь.

Сэр Лоренс вздохнул.

— Очень рад. Твоя мать снова увлекается витаминами, и теперь мы едим главным образом морковь, обычно сырую. Хорошо, когда в жилах жены течет французская кровь! По крайней мере не страдаешь от недоедания. А вот и дамы!..

Не раз отмечалось, что люди, подчеркивающие свое презрение к отзывам прессы, прочитывают за завтраком все газеты в те дни, когда отзыв должен появиться. Майкл истратил на утренние газеты около шиллинга. Из тридцати газет только в четырех упоминалось о его речи. «Тайме» изложила ее сжато и точно. «Морнинг Пост» выхватила несколько фраз об империи, предпослав им слова: «В не лишенной интереса речи». «Дэйли Телеграф» отметила: «Среди других ораторов выступил мистер Майкл Монт». А «Манчестер Гардиэн» сообщила: «Депутат от Мид-Бэкса в своей первой речи ратовал за переселение детей в доминионы».

Сэр Александр Мак-Гаун, несколько лет заседавший в парламенте, удостоился большего внимания, но об инсинуации в газетах не было ни слова. Майкл обратился к Хэнзарду.

Его собственная речь, сверх ожидания, показалась ему вполне связной. Когда вошла Флер, он дочитывал речь Мак-Гауна.

— Налей мне кофе, старушка.

Флер подала ему кофе и прислонилась к его плечу.

— Этот Мак-Гаун ухаживает за Марджори Феррар, — сказала она. — Теперь я припоминаю.

Майкл размешал сахар.

— Черт возьми! В палате такими дрызгами не занимаются.

— Ошибаешься. Мне Элисон говорила. Вчера я просто не подумала. Отвратительная речь, не правда ли?

— Могла быть хуже, — усмехнулся Майкл.

— «Как один из компаньонов фирмы, выпустившей это любопытное произведение, он, несомненно, заинтересован его распространении; вот чем можно объяснить энтузиазм Оратора». Неужели это тебя не приводит в бешенство?

Майкл пожал плечами.

— Ты когда-нибудь сердишься, Майкл?

— Дорогая моя, не забудь, что я проделал войну. Ну-с, напишем в «Тайме». Как бы это сформулировать?

«Сэр, Разрешите мне через вашу уважаемую газету (этак спокойнее) и в интересах публики (чтобы звучало не слишком лично)...» — Гм! А дальше?..

— «Сообщить, что сэр Александр Мак-Гаун солгал, намекнув в своей речи, что я заинтересован в распространении книги сэра Джемса Фоггарта».

— Прямолинейно, — сказал Майкл, — но они этого не поместят. Не лучше ли так:

"... оповестить публику, что сэр Александр Мак-Гаун в своей речи несколько исказил факты. Считаю долгом заявить, что еще до моего избрания в парламент я перестал работать в издательстве, выпустившем книгу сэра Джемса Фоггарта «Опасное положение Англии» и, вопреки тому, что говорил сэр Александр Мак-Гаун, нимало не заинтересован в распространении этой книги. Не смею утверждать, что он хочет затронуть мою честь (слово «честь» нужно вставить), но его слова напрашиваются на такое истолкование. Книга меня интересует лишь постольку, поскольку я озабочен действительно опасным положением Англии Искренно преданный и т. д. ". — Ну как?

— Слишком мягко. А кроме того, я бы не стала говорить, что ты действительно

считаешь положение Англии опасным. Это, знаешь ли, вздор. То есть я хочу сказать, что это преувеличено.

— Отлично, — сказал Майкл, — напишем вместо этого:

«Озабочен положением страны». В палате я попрошу слова в порядке информации, а в кулуарах — без всякого порядка. Интересно, как отзовется «Ивнинг Сан», «Ивнинг Сан», которую Майкл купил по дороге в парламент, угостила его передовой статьей, озаглавленной «Снова фоггартизм» и начинающейся так: «Вчера депутат от Мид-Бэкса вызвал смех всей палаты, произнес речь в защиту сумасшедшей теории, именуемой фоггартизмом, о которой мы уже упоминали на страницах нашей газеты». За этим следовало двадцать строк, написанных в не менее оскорбительном тоне. Майкл отдал газету швейцару.

В палате, убедившись, что Мак-Гаун присутствует на заседании, Майкл воспользовался первым удобным случаем и встал:

— Мистер спикер! Я хочу опровергнуть заявление, сделанное вчера во время прений и затрагивающее мою честь. Почтенный депутат от Грингоу заявил в своей речи... — тут Майкл прочел абзац из Хэнзарда. — Правда, я имел отношение к издательству, выпустившему в августе тысяча девятьсот двадцать третьего года книгу сэра Джемса Фоггарта, но все связи с этим издательством я порвал в октябре тысяча девятьсот двадцать третьего года, задолго до того, как вошел в парламент. Поэтому я нимало не заинтересован в распространении этой книги, хотя от души желаю, чтобы принципы фоггартизма были проведены в жизнь.

Он сел под жидкие аплодисменты. Тогда поднялся сэр Александр Мак-Гаун. Это был тот самый человек с красной физиономией, который так не понравился Майклу накануне.

— Мне кажется, — начал он, — что почтенный депутат от Мид-Бэкса был недостаточно заинтересован своей собственной речью, ибо отсутствовал, когда я на нее отвечал. Не могу согласиться с тем, что мои слова могут быть истолкованы так, как он их истолковал. Я сказал тогда — и сейчас повторяю, — что один из издателей несомненно был заинтересован в том, чтобы выпущенная им книга завоевала симпатии публики. Почтенный депутат принял на свой счет слова, к нему не относившиеся.

Он повернулся лицом к Майклу — мрачный, красный, вызывающий.

Майкл снова встал.

— Я рад, что почтенный депутат устранил возможность неправильного истолкования его слов.

Через несколько минут оба покинули зал.

В газетах нередко появляются отчеты о том, как мистер Суош, почтенный депутат от Топклифа, обозвал мистера Бэклера, почтенного депутата от Путинга, именем не вполне подходящим к обстановке парламента. ("К порядку! ") И как мистер Бэклер в ответ выразился о мистере Суош еще менее лестно. («Слушайте, слушайте! К порядку!») И как мистер Суош потрясал кулаками (шум), а мистер Бэклер взывал к спикеру или швырял бумаги. ("К порядку, тише! ") И как последовало великое смятение, и мистер Суош или мистер Бэклер был лишен права посещать заседания и вынужден был, громко крича, покинуть Мать всех парламента в сопровождении дежурного полисмена, и прочие поучительные подробности. Небольшое недоразумение между Майклом и сэром Александром разрешилось поиному. Инстинктивно соблюдая правила приличия, они направились в умывальную; по дороге в это мраморное убежище они не обращали друг на друга ни малейшего внимания. Остановившись перед вешалкой для полотенец, Майкл сказал:

— Ну, сэр, можете вы мне объяснить, почему вы вели себя, как грязная скотина? Вы прекрасно знали, как будут истолкованы ваши слова.

Сэр Александр отложил в сторону щетку.

— Получайте, — сказал он и со всего размаху дал Майклу по уху. Майкл пошатнулся, затем, размахнувшись, угодил сэру Александру в нос. Оба действовали энергично, сэр Александр был человек коренастый, а Майкл увертливый, но ни тот, ни другой не умели

работать кулаками. Драку прервал почтенный депутат от Уошбэзона, выходящий из уборной. Поспешно войдя в умывальную, он тотчас же получил синяк под глазом и удар в диафрагму, отчего согнулся вдвое, а затем показал себя более красноречивым оратором, чем могли бы ожидать люди, знавшие этого почтенного джентльмена.

— Простите, пожалуйста, сэр, — сказал Майкл. — Невиновные всегда страдают больше, чем виновные.

— Я бы вас обоих запретил сюда пускать, — кипятился депутат от Уошбэзона.

Майкл усмехнулся, а сэр Александр сказал:

— К черту!

— Вздорные забияки! — проворчал депутат от Уошбэзона. — Как же я теперь, черт возьми, буду выступать сегодня?

— Если вы явитесь с повязкой на глазу, — сказал Майкл, примачивая подбитый глаз депутата холодной водой, — и объясните, что пострадали при столкновении автомобилей, вашу речь выслушают с особым вниманием, и газеты дадут хороший отзыв. Разрешите предложить вам для повязки подкладку от галстука?

— Не троньте мой глаз, — зарычал депутат от Уошбэзона, — и убирайтесь отсюда, пока я не вышел из терпения.

Майкл застегнул верхнюю пуговицу жилета, расстегнувшуюся во время драки, и, посмотрев в зеркало, убедился, что ухо у него горит, манжета в крови, а у противника кровь идет носом.

«Ну и скандал! — подумал он, выходя на свежий воздух. — Хорошо, что мы столкнулись в умывальной! Дома я, пожалуй, умолчу».

Ухо у него ныло, настроение было скверное. Сияние фоггартизма потускнело, свелось к драке в умывальной. Есть с чего охладеть к своему призванию! Но даже депутат от Уошбэзона оказался в смешном положении, так что в газеты это дело едва ли попадет.

Переходя улицу к своему дому, он увидел Фрэнсиса Уилмота, направляющегося на запад.

— Алло!

Фрэнсис Уилмот поднял голову и остановился. Он похудел, глаза ввалились, он разучился улыбаться.

— Как поживает миссис Монт?

— Очень хорошо, благодарю вас. А вы?

— Прекрасно, — сказал Фрэнсис Уилмот. — Пожалуйста, передайте ей, что я получил письмо от ее двоюродного брата Джона. Он очень рад, что я с ней познакомился. Шлет ей привет.

— Благодарю, — сухо сказал Майкл. — Заходите к нам, выпьем чаю.

Молодой человек покачал головой.

— Вы поранили руку?

Майкл засмеялся.

— Нет, повредил одному субъекту нос.

Фрэнсис Уилмот слабо улыбнулся.

— Мне давно уже хочется проделать то же самое. Чей это был нос?

— Некогого Мак-Гауна.

Фрэнсис Уилмот схватил Майкла за руку.

— Тот самый нос!

Затем, видимо, смущенный своей откровенностью, он повернулся на каблуках и ушел, предоставив Майклу теряться в догадках.

На следующее утро газеты умолчали о кровопускании, имевшем место накануне, и ограничились сообщением, что депутат от Уошбэзона простудился и не выходит из дому.

Консервативная пресса скромно умалчивала о фоггартизме; но один либеральный и один лейбористский журнал поместили передовицы, которые Майкл внимательно прочел.

Орган либералов писал: «В прениях по тронной речи выделяется одно выступление. В

наше беспокойное время, когда хватаются за всевозможные шарлатанские средства, нельзя не обратить внимания на теорию, которую депутат от Мид-Бэкса назвал фоггартизмом, по имени престарелого сэра Джемса Фоггарта. Нечего ждать со стороны либералов какой бы то ни было поддержки теории, ничего общего с основами либерализма не имеющей. Но возникает опасение, что на нее клюнет ряд консерваторов, вернее — самые косные из них. Беспорядочное выражение пессимистических взглядов всегда привлекает известным образом настроенных людей. Положение Англии не опасно. Ничто в нем не оправдывает исторического отклонения от нашей традиционной политики. Впрочем, не надо закрывать глаза на то, что за последнее время ряд так называемых мыслителей поговаривает о возвращении к „блестящей изоляции“, за которой (признают они то или нет) мы видим гибель свободы торговли. Молодой депутат от Мид-Бэкса приподнял было этот краеугольный камень либерализма, но тут же выпустил его из рук; возможно, что бремя показалось ему не по силам. В основе же фоггартизм не что иное, как подкоп под свободу торговли и пощечина Лиге наций».

Майкл вздохнул и обратился к лейбористскому журналу; статья была подписана и выражала более человеческую точку зрения:

«Итак, для того, чтобы безработица не тревожила капиталистов, нам предлагается сплавлять наших детей на край света, как только они выучатся грамоте. О сэре Джемсе Фоггарте я слышу впервые, но, если только правильны цитаты из его книги, приведенные вчера в парламенте депутатом от одного из земледельческих округов, есть в этом старом джентльмене что-то подозрительнопрусское. Интересно, что говорит по этому поводу рабочий у себя дома? Боюсь, что там не обходится без слов „к черту!“ Нет, сэр Джемс Фоггарт, английские рабочие не намерены скрывать свои карты и, признавая за старой родиной немало недостатков, все же предпочитают ее всякой другой для себя и своих детей. Спасибо, сэр Джемс Фоггарт, что не хочется».

«Вот это ясно, — подумал Майкл. — Ошибка, что излагать теорию поручили мне. Лучше бы Блайт подыскал городского депутата из лейбористов».

Перед его мысленным взором фоггартизм, раздранный на клочки завистью и классовой ненавистью, лозунгами, фракциями и партиями, как пристыженный призрак, удирает, поджав хвост, из парламента и прессы, непризнанный, непринятый!

— Ладно, — бормотал он, — я не отступлю. Если уж быть дураком, так лучше дураком в квадрате. Так ведь, Дэн?

Дэнди, приподняв голову, глядел на него своими глазами-бусинками.

III. МАРДЖОРИ ФЕРРАР У СЕБЯ ДОМА

Фрэнсис Уилмот шел в Челси, на свидание с той, которая была для него символом жизни. Влюбленный по уши и достаточно старомодный, чтобы мечтать о браке, он проводил дни пришитым к юбке, которая явно от него ускользала. Его наивная страсть вырвала у Марджори Феррар признание; она сообщила ему о своей помолвке, сказав напрямик: ей нужны деньги, она запуталась в долгах, а жить в глуши не намерена.

Он поспешил предложить ей все свое состояние. Она отказалась, заявив:

— Дорогой мой, до этого я еще не дошла.

Часто она готова была сказать ему: «Подождите, пока я выйду замуж», но выражение его лица всегда ее останавливало. Он был примитивен; она знала, что ему чужд ее идеал: быть безупречной женой, любовницей и матерью одновременно. Она держала его при себе только полуобещаниями, что она отвергнет Мак-Гауна, и заботилась о том, чтобы они с Мак-Гауном не встречались. Два раза ей не удалось помешать их встрече, свидание было мучительное, и в результате ей пришлось лгать больше, чем она привыкла. Кончилось тем, что она по-настоящему увлеклась молодым человеком. Она видела в нем много нового. Ей нравились его темные глаза, его грация и как росли у него волосы на затылке; нравился его голос и старомодная манера вести беседу. И, как это ни странно, ей нравилась его

порядочность. Дважды она просила его разузнать, не собирается ли Флер «прийти с повинной»; дважды он ей отказал, заявив:

— Они были очень добры ко мне; и я не мог бы передать вам, что они говорят, даже если бы это было мне известно.

Она рисовала его портрет, и в студии, где они встречались, стоял на мольберте холст, на который Марджори Феррар успела положить только несколько мазков. Свидания их происходили почти ежедневно, между тремя и четырьмя, когда уже начинало смеркаться. Этот час МакГаун всегда проводил в парламенте. Фрэнсис Уилмот позировал в отложном воротничке, что ему очень шло. Ей нравилось, когда он сидел на диване и следил за ней взглядом; ей нравилось подходить к нему вплотную и смотреть, как дрожат его пальцы, прикасающиеся к ее юбке или рукаву, как блестят глаза, как меняется выражение лица, когда она от него отходит. Верил он в нее безгранично, и при нем она следила за собой. Ведь детей не полагается шокировать!

В тот день она ждала Мак-Гауна к пяти часам и уже волновалась, когда Фрэнсис Уилмот явился и сказал:

— Я встретил Майкла Монта; у него манжета была в крови. Угадайте, чья кровь?

— Неужели Алека?

Фрэнсис Уилмот выпустил ее руки.

— Не называйте при мне этого человека «Алеком».

— Мой милый мальчик, вы слишком впечатлительны. Я ждала, что они поссорятся, ведь я читала их речи. А у Майкла глаз подбит? Нет? Гм! Ал... «этот человек», наверное, взбешен. Кровь была свежая?

— Да, — мрачно сказал Фрэнсис Уилмот.

— Ну, так он не придет. Садитесь на диван и давайте хоть раз в жизни серьезно поработаем.

Но он упал перед ней на колени и обвил руками ее талию.

— Марджори. Марджори!

Поклонница радостей жизни, пропитанная иронией, как и все ее поколение, она все же смутно пожалела его и себя. Обидно было, что нельзя велеть ему скорее достать разрешение на брак и кольцо, или еще чего ему там хочется, и покончить с этим делом! Нельзя даже сказать ему, что она готова покончить и без разрешения и без кольца. Ведь главное — не растеряться. Однажды в жизни она заметила, что скоро надоест любовнику, — не растерялась и дала ему отставку раньше, чем он это осознал; в другой раз любовник надоел ей — она не растерялась и тянула, пока и ему не надоело. Бывало, что любимцы, за которых она стояла горой, шли ко дну, — она ни разу не растерялась и защищала других, более удачливых; бывало, что в игре ей переставало везти, — и она бросала карты, не дожидаясь полного проигрыша. Не раз она оправдывала репутацию одной из самых современных женщин.

Поэтому она поцеловала Фрэнсиса Уилмота в голову, разжала его руки и посоветовала быть пайнкой; и у нее мелькнула мысль, что первая молодость ее миновала.

— Забавляйте меня, пока я буду работать. У меня отвратительное настроение.

И Фрэнсис Уилмот, словно хмурый призрак, стал ее забавлять.

Существует мнение, что нос, пострадавший от удара, сильно распухает лишь через час или два. Вот почему сэр Александр Мак-Гаун явился в половине пятого сообщить, что не может прийти в пять. Приехал он прямо из парламента и всю дорогу прикладывал к носу мешочек со льдом. Накануне Марджори Феррар дала ему понять, что молодой американец «находится сейчас в Париже», — поэтому он остановился как вкопанный при виде молодого человека, сидевшего без галстука и с расстегнутым воротничком. Фрэнсис Уилмот молча поднялся с дивана. Марджори коснулась кистью холста.

— Взгляните, Алек, я только что начала портрет.

— Нет, благодарю, — сказал Мак-Гаун.

Сунув галстук в карман, Фрэнсис Уилмот поклонился и направился к двери.

— Чаю не хотите, мистер Уилмот?

— Не хочется, благодарю вас.

Когда он ушел, Марджори Феррар взглянула на нос своего нареченного. Нос был крупный, но пока почти не распух.

— А теперь объясните, зачем вы лгали? — сказал МакГаун. — Вы мне сказали, что этот шалопай уехал в Париж. Значит, вы мною играете, Марджори?

— Конечно! А почему бы и нет?

Мак-Гаун подошел к ней вплотную.

— Положите кисть!

Марджори подняла ее — в ту же секунду кисть была у нее выхвачена и полетела в сторону.

— Портрет вы оставите недоконченным и этого субъекта больше не увидите. Он в вас влюблен.

Он сжал ей руки.

Она откинула голову, рассерженная не меньше, чем он.

— Пустите! Неужели вы считаете себя джентльменом?

— Нет, я просто мужчина.

— Сильный и молчаливый — герой скучного романа. Садитесь и ведите себя прилично.

Поединок глаз — темных и горящих, голубых и холодных — продолжался не меньше минуты. Потом он выпустил ее руки.

— Поднимите кисть и дайте мне.

— Черт возьми, этого я не сделаю!

— Значит, нашей помолвке конец. Если вы столь старомодны, то я вам не пара. Ищите себе жену, которая подарила бы вам к свадьбе плетку.

Мак-Гаун схватился за голову.

— Я слишком люблю вас и теряю власть над собой.

— Ну, так поднимите кисть.

Мак-Гаун поднял ее.

— Что у вас с носом случилось?

Мак-Гаун прикрыл нос рукой.

— Я налетел на дверь.

Марджори Феррар засмеялась.

— Бедная дверь!

Он посмотрел на нее с удивлением.

— Вы самая жестокая женщина из всех, кого я встречал. И почему я вас люблю — не понимаю.

— Столкновение с дверью плохо отразилось на вашей внешности и характере. Почему вы пришли раньше, чем всегда?

У Мак-Гауна вырвался стон.

— Меня к вам тянет, и вы это знаете.

Марджори Феррар повернула холст к стене и стала рядом.

— Не знаю, как вы рисуете себе нашу совместную жизнь, Алек, но боюсь, что счастья нам не видать. Не хотите ли виски с содовой? Вот там, в буфете. Не хотите? А чаю? Тоже нет? Следовало бы нам договориться. Если я выйду за вас замуж, что очень сомнительно, — затворницей я жить не намерена. Я буду принимать своих друзей. И теперь, пока мы не поженились, я тоже буду их принимать. Если это вам не по вкусу, можете со мной расстаться.

Она видела, как он сжал руки. Нелегкая задача быть его женой! Если бы только был какой-нибудь «подходящий заместитель»! Если бы Фрэнсис Уилмот был богат и жил не там, где растет хлопок и негры поют в полях; где текут красные реки, светит солнце и болота затянуты мхом; где растут грейпфруты, — или они там не растут? — а дрозды поют нежнее,

чем соловьи. Южная Каролина, о которой с таким восторгом рассказывал ей Фрэнсис Уилмот! Чужой мир глянул прямо в глаза Марджори Феррар. Южная Каролина! Невозможно! Так же невозможно, как если бы ей предложили жить в девятнадцатом веке!

Мак-Гаун подошел к ней.

— Простите меня, Марджори.

Он положил ей руки на презрительно вздернутые плечи, поцеловал ее в губы и ушел.

А она опустила в свое любимое кресло и стала нервно покачивать ногой.

Опилки высыпались из ее куклы — жить стало скучно.

Чего она хочет? Отдохнуть от мужчин и неоплаченных счетов? Или ей нужно еще что-то пушистое, именуемое «настоящей любовью»? Во всяком случае, чего-то ей не хватает. Итак, одевайся, иди и танцуй; потом еще раз переоденься и иди обедать; а за платья еще не уплачено!

А в общем, лучше всего разгоняет сплин хороший глоток чего-нибудь горячего!

Она позвонила, и когда ей подали все необходимое, смешала вино с коньяком, всыпала мускатных орехов и выпила стакан до дна.

IV. FONS ET ORIGO

Через несколько дней Майкл получил два письма. На одном была австралийская марка, оно гласило:

"Дорогой сэр, Надеюсь, что вы и супруга ваша здоровы. Я подумал — мал, что вам, может, интересно узнать о нас. Так вот прожили мы тут полтора года, а похвастаться нечем. Много лишнего болтают об Австралии. Климат бы ничего, когда не слишком сухо или не очень уж мокро; жене моей он очень по нраву; но вот когда говорят, что здесь легко нажить состояние, только и остается ответить, что все это басни. Люди здесь чудные — будто мы им и не нужны, и они нам будто ни к чему. Относятся к нам так, точно мы дерзость какую сделали, что приехали в их распрекрасную страну. Народу здесь маловато, но им, наверное, кажется, что хватит. Я частенько жалею, что уехал. Жена говорит, что здесь нам лучше, а я не знаю. А про эмиграцию много привирают, это-то верно.

Я не забыл, сэр, как вы были добры к нам. Жена шлет привет вам и супруге.

Уважающий вас Антоны Бикет".

Зажав письмо в руке, Майкл снова видел перед собой Бикета — худое лицо, огромные глаза, большие уши, шуплая фигура на лондонской улице под связкой цветных шаров. Пичуга несчастная, никак не найдет себе места под солнцем! И сколько таких — тысячи и тысячи! Что ж, не для таких, как эти двое, он проповедует эмиграцию; он проповедует ее для тех, кто еще не сложился, сумеет приспособиться. Их и встретят по-иному! Он распечатал другое письмо.

"Ролл Мэнор бл. Хэнтингтона.

Уважаемый сэр, Чувство разочарования, которое я испытывал со дня выхода моей книги, в значительной мере ослабело благодаря тому, что Вы любезно упомянули о ней в парламенте и взяли на себя защиту выдвигаемых мною тезисов. Я — старик и в Лондон теперь не заглядываю, но встреча с Вами доставила бы мне удовольствие. Быть может. Вы бываете в моих краях, я буду счастлив, если Вы согласитесь у меня позавтракать или приедете вечером и здесь переночуете.

Искренне вам преданный Дж. Фоггарт".

Майкл показал письмо Флер.

— Если ты туда поедешь, дорогой мой, ты будешь смертельно скучать.

— Нужно съездить, — сказал Майкл. — Fons et origo!

Он написал, что приедет на следующий день к завтраку.

На станции его ждали человек в зеленой ливрее и лошадь, запряженная в доселе не виданный им экипаж. Человек в зеленой ливрее, рядом с которым уселся Майкл, сообщил ему:

— Сэр Джемс думал, сэр, что вам захочется полюбоваться окрестностями; вот он и прислал двуколку.

Был тихий, пасмурный день — один из тех дней, какие бывают поздней осенью, когда последние уцелевшие на деревьях листья ждуг, чтобы их подхватил ветер. На дорогах стояли лужи, и пахло дождем; стаями взлетали грачи, словно удивленные звуком лошадиных копыт; и земля на вспаханных полях отливала красноватым блеском глины. Равнину несколько оживляли тополя и бурые, крытые черепицей крыши коттеджей.

— Вот усадьба, сэр, — сказал человек в ливрее, указывая кнутом.

Между фруктовым садом и группой вязов, где, очевидно, гнездились грачи, Майкл увидел

длинный низкий дом из старого выветренного кирпича, увитый ползучими растениями. Вдали виднелись сараи, навесы и стена огорода. Двуколка свернула в липовую аллею и неожиданно остановилась перед домом. Майкл дернул ручку старого железного звонка. На унылый звон вышел унылый человек, который сморщил лицо и сказал:

— Мистер Монт? Сэр Джемс вас ожидает. Пожалуйте сюда.

Пройдя через низкий старинный холл, где приятно пахло дымом, Майкл остановился перед дверью, которую сморщенный человек закрыл перед самым его носом.

Сэр Джемс Фоггарт! Должно быть, это старый помещик, в крагах, аккуратный, энергичный, с седыми бакенбардами и обветренным лицом; или один из не вымерших еще грузных и коренастых Джонов Булей с короткой шеей, плоской макушкой, прикрытой плоским белым цилиндром.

Сморщенный человек снова открыл дверь и сказал:

— Сэр Джемс просит вас, сэр.

Перед камином в большой комнате, где было много книг, сидел величественный старик с седой бородой и седыми кудрями, престарелый британский лев, в бархатном, побелевшем на швах пиджаке.

Он сделал попытку встать.

— Пожалуйста, не вставайте, сэр, — сказал Майкл.

— Да, вы уж меня простите. Хорошо доехали?

— Очень.

— Садитесь. Меня растрогала ваша речь. Первая, кажется?

Майкл поклонился.

— Но, надеюсь, не последняя.

Голос у него был низкий и звучный; зорко смотрели глаза из-под густых нависших бровей. Густые седые волосы вились и спускались на воротник пиджака. Первобытный человек, достигший высшей степени развития. На Майкла он произвел глубокое впечатление.

— Я ждал этой чести, сэр, с тех пор, как мы издали вашу книгу, — сказал Майкл.

— Я отшельник, нигде теперь не бываю. По правде сказать — не хочу, многое мне теперь не по вкусу. Я пишу, курю трубку. Позвоните, мы позавтракаем. Кто этот сэр Александр Мак-Гаун? Что он, напрашивается на пощечину?

— Уже получил, сэр, — сказал Майкл.

Сэр Джемс Фоггарт откинулся на спинку кресла и захохотал. Смех у него был протяжный, низкий, глухой, словно смех на тромбоне.

— Здорово! А как приняли вашу речь? Когда-то я многих знал в палате, отцов, дедов теперешних.

— Как объяснить, сэр, что вы, никогда не выходя из дому, так хорошо знаете нужды Англии? — вкрадчиво спросил Майкл.

Сэр Джемс Фоггарт указал своей крупной худой рукой на стол, заваленный журналами и книгами.

— Читаю, — сказал он, — все читаю, зрение мне еще не изменило. Я немало повидал на своем веку.

Он умолк, словно созерцая картины прошлого.

— Вы продолжаете свою работу?

— М-да! Людям будет что почитать, когда я умру.

Мне, знаете ли, восемьдесят четыре.

— Странно, что к вам не заглянули репортеры, — сказал Майкл.

— Как же, заглянули. Были здесь вчера. Трое, с разными поездами, очень вежливые молодые люди. Но я понял, что им не раскусить старика.

В эту минуту дверь раскрылась и вошел сморщенный человек; за ним следовала горничная и три кошки. Сморщенный человек и горничная поставили один поднос на колени сэру Джемсу, а другой — на маленький столик перед Майклом. На каждом подносе была куропатка с картофелем, шпинат и хлебный соус. Сморщенный человек наполнил стакан сэра Джемса ячменной водой, а стакан Майкла — бордо и удалился. Три кошки, громко мурлыча, стали тереться о брюки сэра Джемса.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против кошек? Сегодня нет рыбки, киски!

Майкл проголодался и съел всю куропатку. Сэр Джемс почти все отдал кошкам. Потом подали компот, сыр, кофе и сигары. Потом все убрали, кроме кошек, которые, насытившись, улеглись треугольником перед камином.

Сквозь дым двух сигар Майкл смотрел на старика; и хотелось почерпнуть из этого источника мудрости, но брало сомнение — выдержит ли, очень уж он стар! Ну что ж! Попробовать можно.

— Вы знаете Блайта, сэр? Редактора «Аванпоста»? Он пылкий ваш сторонник. А я — лишь рупор.

— Знаю его еженедельник, один из лучших. Но слишком умничает.

— Вы разрешите мне воспользоваться случаем и задать вам несколько вопросов? — сказал Майкл.

Сэр Джемс посмотрел на огонек своей сигары.

— Валяйте!

— Скажите, сэр, может ли Англия действительно обособиться от Европы?

— А может ли она заключить союз с Европой? Альянсы, базирующиеся на обещании помощи — обещании, которое выполнено не будет, — хуже чем бесполезны.

— Но представьте себе, что вновь подвергнется вторжению Бельгия или Голландия!

— Вот разве что так. Но самое главное, мой юный друг, это чтобы в Европе знали, что сделает и чего не сделает Англия в том или ином случае. А этого они никогда не знают. «Коварный Альбион!» Хе-хе! Мы всегда скрываем свои планы до последней минуты. Большая ошибка. Получается, будто мы держим нос по ветру, что, собственно, недалеко от истины при нашей демократии.

— Как интересно, сэр, — солгал Майкл. — А что вы скажете о пшенице? Как стабилизировать цену, чтобы таким путем поощрять развитие земледелия?

— А, это мой конек! Нам нужен хлебный заем, мистер Монт, и государственный контроль. Правительство должно ежегодно скупать заранее необходимое нам количество хлеба и делать запасы, затем по другой цене закупать хлеб у здешних фермеров — так, чтобы они имели хорошую прибыль; а на рынок выбрасывать по цене, средней между этими двумя ценами. И в самом непродолжительном времени у нас будут сеять много пшеницы и земледелие возродится.

— А не повысятся ли цены на хлеб, сэр?

— О нет.

— И не понадобится ли целая армия чиновников?

— Нет — Можно использовать имеющийся аппарат.

— Государственная торговля, сэр? — недоверчиво спросил Майкл.

Голос сэра Джемса загудел еще глуше:

— Случай исключительный — случай важный, — почему бы и нет?

— Ну конечно, — поспешил согласиться Майкл. — Я никогда об этом не думал, но

почему бы и нет?.. А что вы скажете об оппозиции, с какой сталкиваешься, когда речь заходит об эмиграции детей? Как вы думаете, не объясняется ли это привязанностью родителей к детям?

— Главным образом объясняется страхом лишиться заработка, получаемого детьми.

— Все же, знаете ли, — проговорил Майкл, — понятно, что не всякому хочется навсегда расстаться со своими детьми, как только им минет пятнадцать лет.

— Понятно! Человеческая природа эгоистична, молодой человек. Цепляться за них и видеть, как они гибнут у тебя на глазах или вырастают для худшей жизни, чем ты сам прожил, — вот, как вы изволили сказать, человеческая природа.

Майкл, который этого не говорил, слегка опешил.

— На эмиграцию детей потребуется очень много денег.

Ногой, обутой в туфлю, сэр. Джемс потрогал кошек.

— Деньги! Золото у нас еще есть, но мы не умеем им пользоваться. Еще один стомиллионный заем — значит государственные расходы увеличатся на четыре с половиной миллиона в год, и ежегодно отправляется по меньшей мерз сто тысяч детей. Через пять лет мы сэкономим эту сумму, ибо не нужно будет выплачивать пособия безработным.

Он махнул сигарой и обсыпал пеплом свой бархатный пиджак.

— Да, пожалуй, — согласился Майкл, стряхивая пепел в кофейную чашку. — Но если отсылать детей вот так, оптом, сумеют ли о них позаботиться, поставить их на ноги?

— Нужно действовать постепенно; была бы охота, все можно сделать.

— А не думаете ли вы, "что там они бросятся в большие города?

— Научите их любить землю и дайте им землю.

— Боюсь, что этого мало, — смело сказал Майкл. — Соблазн города очень велик.

Сэр Джемс кивнул.

— Можно жить в городах, если города не перенаселены. Те, которые поселятся в городах, будут способствовать повышению спроса на наши фабрики.

«Ну, — подумал Майкл, — кажется, дело идет неплохо. О чем бы еще его спросить?»

И он задумчиво созерцал кошек, беспокойно ворочавшихся перед камином. Тишину нарушило какое-то странное сопение. Майкл поднял глаза. Сэр Джемс Фоггарт спал! Спящий, он казался еще более внушительным, пожалуй слишком внушительным, ибо храпел на всю комнату. Кошки крепче свернулись клубочком. Слегка запахло гарью. Майкл наклонился и поднял упавшую на ковер сигару. Что теперь делать? Ждать пробуждения или смыться? Бедный старик! Никогда еще фоггартизм не казался Майклу более безнадежным делом, как в этом святилище, у самого первоисточника. Заткнув уши, он сидел неподвижно. Кошки одна за другой встали. Майкл взглянул на часы. "Я опоздаю на поезди, — подумал он и на цыпочках пошел к двери, вслед за дезертирующими кошками. Словно последние силы фоггартизма исходили в храпе! «Прощайте, сэр», — сказал он тихо и вышел. На станцию он задумчиво шел пешком, Фоггартизм! Эта простая, но обширная программа основана, по-видимому, на предпосылке, что люди способны видеть на два дюйма дальше собственного носа. Но верна ли эта предпосылка? А если верна, почему же тогда в Англии такое засилье городов и такое перенаселение? На одного человека, способного здраво заглянуть в будущее и на том успокоиться, имеется девять — а то и девяносто девять, — взгляды которых узки и пристрастны и которые совсем не намерены успокоиться. Политика практиков! Вот ответ на всякие умные мысли, сколько ни кричи о них. «А, да, молодой Монт — политик, но не практик!» такой ярлык равноценен общественной смерти. И Майкл, сидя в вагоне и глядя на английскую траву, чувствовал, словно горсти земли уже сыплется на крышку его гроба. Интересно, есть ли чувство юмора у пеликанов, вопиющих в пустыне? Если нет, плохо им, бедным, приходится: Трава, трава, трава! Трава и города! И скоро, опустив подбородок в воротник теплого пальто, Майкл заснул еще крепче, чем сэр Джемс Фоггарт.

V. ДЕЛО РАЗВЕРТЫВАЕТСЯ

Когда Сомс сказал: «Предоставьте это мне», он говорил то, что думал. Но, право же, утомительно, что улаживать неприятности всегда приходится ему одному!

Чтобы без помехи заняться этим делом, он на время переселился к своей сестре Уинифрид Дарти на Грин-стрит. В первый же вечер к обеду пришел его племянник Вэл, и Сомс воспользовался случаем и спросил его, известно ли ему что-нибудь о лорде Чарльзе Ферраре.

— Что вы хотите знать, дядя Сомс?

— Все, что могло бы его опорочить. Я слышал, что его отец с ним не разговаривает.

— Ходят слухи, — сказал Вэл, — что его лошадь, которая не выиграла Кэмбриджширского кубка, возьмет Линкольнширский.

— При чем это?

Вэл Дарти посмотрел на него сквозь ресницы. Он не намерен был вмешиваться в светские интриги.

— При том, что если он в ближайшее время не выиграет хороший куш, ему крышка.

— И это все?

— Ну, а вообще он из тех субъектов, которые очень любезны, если вы им нужны, и очень невежливы, если не могут вас использовать.

— Так я и думал, судя по его физиономии, — сказал Сомс. — Ты вел с ним какие-нибудь дела?

— Да, как-то я ему продал однолетку от Торпеды и Бэнши.

— Он тебе заплатил?

— Да, — усмехнулся Вэл, — а лошадь оказалась никуда не годной.

— Гм! Должно быть, после этого он и перестал быть любезным. Больше ты ничего не знаешь?

— Нет, ничего. — Он, конечно, знал кое-что еще, но то были сплетни; а не все, — о чем, попыхивая сигарами, толкуют лошадаики, годится для ушей юристов.

Как это ни странно, но Сомс, старый и опытный, не подозревал, что в так называемом «свете» изо дня в день клеветают на всех и каждого и все обходится мирно; клеветники обедают со своими жертвами, играют у, ними в карты, и все исполнено лучших чувств, и знают, что стоит расстаться — и они с новыми силами будут порочить друг друга. До посторонних ушей такие милые и убийственные вещи не доходят, и Сомс понятия не имел, с какого конца приступить к делу.

— Не можешь ли ты пригласить к чаю этого мистера Кэрфью? — спросил он Флер.

— Зачем, папа?

— Я хочу кое-что у него выведать.

— Мне кажется, для этого существуют сыщики.

Сомс изменился в лице. С тех пор, как двадцать с лишним лет назад мистер Полтид накрыл его в Париже, когда он явился с визитом к собственной жене, от одного слова «сыщик» у него начиналась боль под ложечкой. Он заговорил о другом. А между тем, что он мог сделать, не прибегая к помощи сыщиков?

Как-то вечером Уинифрид ушла в театр, а Сомс закурил сигару и погрузился в размышления. Майкл снабдил его списком ультрасовременных книг и пьес, которыми интересовались люди, строго следующие моде. Он даже дал ему одну из таких книг — «Шпанская мушка» Персиваля Кэлвина. Сомс принес книгу из спальни, зажег лампу и стал читать. Просмотрев первые страницы и не найдя в них ничего предосудительного, он решил читать с конца. Дело пошло на лад; вскоре он наткнулся на отрывок эротического содержания, от него незаметно перешел к предшествующему отрывку и так добрался до середины книги. Тогда только он с изумлением обратился к титульному листу, Чем объяснить, что и автор и издатель до сих пор на свободе? А! Книга издана за границей! Сомс вздохнул с облегчением. Дожив до шестидесяти девяти лет, не будучи ни судьей, ни присяжным, которым быть шокированными полагается по должности, он все же был

потрясен. Если такие книги читают женщины, значит действительно стерлось все, что отличало женщину от мужчины.

Он снова взялся за книгу и внимательно дочитал до самого начала. Интересовали его только эротические места. Все остальное производило впечатление бессвязной болтовни. Немного погодя он опять задумался. Для чего написана эта книга? Конечно, автор хотел на ней заработать. Но, быть может, он преследовал еще какую-нибудь цель? Видно, это один из тех, которые, желая дать в произведении «жизнь», считают необходимым подробно описывать каждый визит в спальню. Кажется, у них это называется «реализмом», «искусством ради искусства»? Убедившись на печальном опыте, что «жизнь» — это не только визиты в спальню. Сомс не мог согласиться с тем, что эта книга показывает жизнь как она есть. «Этот Кэлвин — оригинал, сэр, — сказал Майкл, когда принес ему роман. — По его мнению, стать целомудренным можно только путем крайнего разврата; вот он и показывает, как его герои и героиня приходят к целомудрию». «Вернее, к бедламу», подумал Сомс. Ну что ж, посмотрим, что на это скажет английский суд. Но как доказать, что эта женщина и ее друзья читали книгу не без удовольствия? И тут его осенила мысль столь блестящая, что он должен был подумать, раньше чем в нее уверовать. Эти «ультрасовременные» молодые люди отличаются редкой самоуверенностью; считают «скучными» или «жеманными» всех, кто не разделяет их убеждений. Не выскажутся ли они откровенно, если газеты откроют против этой книги кампанию? А если они выскажутся в печати, то нельзя ли это использовать как доказательство их антиморальных убеждений? Гм! К этому делу нужно подойти осторожно. А прежде всего — как доказать, что Марджори Феррар книгу прочла? Размышляя, Сомс снова наткнулся на блестящую идею. Почему не использовать молодого Баттерфилда, который помог ему доказать виновность Элдерсона в той истории с ОГС и получил место в издательстве Дэнби и Уинтера по его — Сомса — рекомендации? Майкл всегда твердит, что молодой человек глубоко ему благодарен. И, прижав книгу заглавием к боку, на случай встречи с кем-нибудь из прислуги, Сомс пошел спать.

Засыпая, он подумал, как бы ставя диагноз:

«Когда я был молод, мы такие книги читали, если они нам попадались под руку, но молчали об этом; а теперь люди считают своим долгом кричать, что книгу они прочли и она принесла им пользу».

На следующее утро он позвонил из «Клуба знатоков» в издательство Дэнби и Уинтер и попросил к телефону мистера Баттерфилда.

— Да?

— Говорит мистер Форсайт. Вы меня помните?

— О да, сэр!

— Не можете ли вы сегодня зайти в «Клуб знатоков»?

— Конечно, сэр. Если вы ничего не имеете против, я зайду в половине первого.

Сдержанный и щепетильный, когда речь заходила о вопросах пола, Сомс с неудовольствием думал о том, что ему придется говорить с молодым человеком о «непристойной» книге. Но делать было нечего, и когда Баттерфилд явился. Сомс пожал ему руку и объявил:

— Разговор будет конфиденциальный, мистер Баттерфилд.

Баттерфилд посмотрел на него с собачьей преданностью и сказал:

— Да, сэр. Я помню, что вы для меня сделали.

Сомс показал ему книгу.

— Знаете вы этот роман?

Баттерфилд слегка улыбнулся.

— Да, сэр. Он напечатан в Брюсселе. Стоит пять фунтов.

— Вы его читали?

Молодой человек покачал головой.

— Не попался мне, сэр.

Сомс почувствовал облегчение.

— И не читайте! А теперь выслушайте меня внимательно. Можете вы купить десять экземпляров — за мой счет — и разослать их лицам, поименованным в списке, который я вам дам? Эти люди имеют некоторое отношение к литературе. Можно вложить в книги рекомендательные записки, или как это у вас называется. Никаких фамилий не упоминайте.

— Цена все время повышается, сэр, — предостерег Баттерфилд. — Вам это будет стоить около шестидесяти фунтов.

— Неважно.

— Вы хотите сделать рекламу, сэр?

— О господи! Конечно нет! У меня есть основания, но это к делу не относится.

— Понимаю, сэр. И вы хотите, чтобы книги, так сказать, с неба свалились?

— Вот именно, — сказал Сомс. — Насколько мне известно, издатели часто рассылают сомнительные книги людям, которым, по их мнению, такие книги придутся по вкусу. Слушайте дальше: можете ли вы зайти через неделю к одному из тех лиц, кому вы разошлете книги? Вы будете разыгрывать роль агента и предложите купить еще экземпляр романа. Дело в том, что я хочу наверно знать, действительно ли роман получен и прочтен этой особой. Своей фамилии, вы, конечно, не называйте. Сделаете это для меня?

Глаза молодого человека загорелись.

— Конечно, сэр. Я многим вам обязан, сэр.

Сомс отвернулся. Он не любил, когда его благодарили.

— Вот список фамилий с адресами. Я подчеркнул фамилию той особы, к которой вам придется зайти. Сейчас я вам выпишу чек. Если этих денег не хватит, вы мне сообщите.

Пока он писал, Баттерфилд просматривал список.

— Я вижу, сэр, что особа, к которой я должен зайти, — женщина.

— Да, для вас это имеет значение?

— Никакого, сэр, современные романы предназначаются для женщин.

— Гм! — сказал Сомс. — Надеюсь, дела у вас идут хорошо?

— Прекрасно, сэр. Я так жалел, что мистер Монт ушел от нас; после его ухода дела у нас пошли еще лучше.

Сомс поднял бровь. Эти слова подтвердили давнишние его подозрения.

Когда молодой человек ушел. Сомс начал перелистывать «Шпанскую мушку». Не написать ли ему заметку в газету и подписаться «Pater familias»? Нет, для этого нужен человек, сведущий в такого рода делах. А кроме того, не годится, чтобы заметка была анонимной. С Майклом советоваться не стоит, но может быть, «Старый Монт» знает какую-нибудь влиятельную персону из «Партенеума». Сомс потребовал оберточной бумаги, завернул в нее книгу, сунул сверток в карман пальто и отправился в «Клуб шутников».

Сэр Лоренц собирался завтракать, и они вместе уселись за стол. Убедившись, что лакей не подсматривает, Сомс показал книгу.

— Вы это читали?

Сэр Лоренс залился беззвучным смехом.

— Дорогой мой Форсайт, что за нездоровое любопытство? Все это читают и говорят, что книга возмутительная.

— Значит, вы не читали? — настаивал Сомс.

— Нет еще, но если вы мне ее дадите, прочту. Мне надоело слушать, как люди, читавшие ее врасос, пристают с вопросом, читал ли я эту «гнусную вещь». Это несправедливо, Форсайт. А вам она понравилась?

— Я ее просмотрел, — ответил Сомс, созерцая свой собственный нос. — У меня были причины для этого. Когда вы прочтаете, я вам объясню.

Два дня спустя сэр Лоренс принес ему книгу в «Клуб знатоков».

— Получайте, дорогой Форсайт! — сказал он. — Как я рад, что от нее отделался! Все время я пребывал в страхе, как бы кто-нибудь не подглядел, что я читаю! Персиваль Кэлвин — *quel sale monsieur!*

— Именно! — сказал Сомс. — Так вот, я хочу открыть кампанию против этой книги.

— Вы? Что за непонятное рвение?

— Это длинная история, — сказал Сомс, садясь на книгу.

Он объяснил свой план и закончил так:

— Ничего не говорите ни Майклу, ни Флер.

Сэр Лоренс выслушал его с улыбкой.

— Понимаю, — сказал он, — понимаю! Очень умно, Форсайт. Вы хотите, чтобы я отыскал какого-нибудь человека, чья фамилия подействовала бы на них, как красная тряпка на быка. Писатель для этой цели не годится; они скажут, что он завидует, — и, пожалуй, будут правы: книга идет нарасхват. Знаете, Форсайт, я, кажется, обращусь к женщине.

— К женщине! — повторил Сомс. — На женщину они не обратят внимания.

Сэр Лоренс вздернул свободную бровь.

— Пожалуй, вы правы: теперь обращают внимание только на таких женщин, которые сами всякого мужчину перешеголяют. Может, мне написать самому и подписаться «Оскорбленный отец»?

— Мне кажется, анонимная заметка не годится.

— И тут вы правы, Форсайт; действительно не годится. Я загляну в «Партенеум» и посмотрю, кто там еще жив.

Два дня спустя Сомс получил записку:

«Партенеум»

Пятница

Дорогой Форсайт,

Я нашел нужного человека — это редактор «Героя», и он готов подписать свою фамилию. Кроме того, я соответствующим образом его настроил. У нас был оживленный спор. Сначала он хотел отнестись к автору *de haut en bas*, обойтись с ним, как с нечистоплотным ребенком. Но я сказал: «Нет, это явление симптоматично. Отнесите к нему с должной серьезностью. Докажите, что книга показательна для целой школы, для определенного литературного направления. Создайте из этого повод для защиты цензуры». Слово «цензура», Форсайт, необходимо для того, чтобы их раздражить. Итак, редактор решил расстаться с женой и, прихватив с собой книгу, уехать на субботу и воскресенье за город. Я восхищаюсь Вашим методом защиты, дорогой Форсайт, но Вы меня простите, если я скажу, что значительно важнее не доводить дело до суда, чем выиграть в суде.

Искренне преданный Лоренс Монт".

С последней мыслью Сомс был до того согласен, что уехал в Мейплдерхем и следующие два дня, чтобы успокоиться, ходил по полю и гонял палкой мяч в обществе человека, который ему совсем не нравился.

VI. МАЙКЛ ЕДЕТ В БЕТНЕЛ-ГРИН

Чувство уныния, с которым Майкл вернулся от «первоисточника», несколько рассеялось благодаря письмам, которые он получал от самых, разнообразных лиц; писали ему большей частью люди молодые — писали сочувственно и очень серьезно. Он стал подумывать, не слишком ли в конечном счете беспечны политики-практики, напоминающие конференсье в мюзик-холле, которые изо всех сил стараются заставить публику забыть, что у нее есть вкус. И зародилось подозрение: являются ли палата и даже пресса подлинными выразителями общественного мнения? Между прочим, получил он такое письмо:

«Солнечный, прият!»

Бетнел-Грин

Дорогой мистер Монт,

Я была так рада, когда прочла Вашу речь в «Таймсе». Я сейчас же купила книгу сэра Джемса Фоггарта. Мне кажется, его план великолепен. Вы не знаете, как тяжело нам, пытающимся сделать что-то для детей, — как тяжело нам сознавать, что жизнь, которую

приходится вести детям по окончании школы, сводит на нет всю нашу работу. Ведь мы лучше, чем кто бы то ни было, знаем, в каких условиях живут лондонские дети.

Многие матери, которым и самим живется несладко, все готовы сделать для своих малышей; но мы часто замечали, что, когда ребенку исполнится десять — двенадцать лет, эта любовь принимает иные формы. Мне кажется, тогда-то родители и начинают понимать, что ребенка можно использовать как работника. Там, где пахнет деньгами, нет места для бескорыстной любви. Пожалуй, это — естественно, но тем не менее очень печально, ибо заработок детей ничтожен и жизнь ребенка приносится в жертву ради нескольких шиллингов. Всей душой надеюсь, что Ваше выступление принесет плоды; но все делается так медленно, не правда ли? Хорошо бы Вам приехать сюда, посмотреть наш приют. Дети прелестны, и мы стараемся дать им побольше солнца.

Искренне Вам преданная Нора Кэрфью".

Сестра Бэрти Кэрфью! Но, конечно, процесса не будет, все обойдется! Благодарный за сочувствие, хватаясь за каждую возможность получше разобраться в фоггартизме, Майкл решил ехать. Быть может. Нора Кэрфью примет в свой приют детей Боддика! Он предложил Флер ехать вместе, но она побоялась занести в дом заразу, опасную для одиннадцатого баронета, и Майкл отправился один.

Приют находился в местности, называемой Бетнел-Грин; три маленьких домика были соединены в один; три дворика, обнесенные общей стеной, превращены в площадку для игр; над входной дверью золотыми буквами было начертано: «Солнечный приют». На окнах висели веселые ситцевые занавески, стены были окрашены в кремовый цвет. В передней Майкла встретила Нора Кэрфью, высокая, стройная, темноволосая; у нее было бледное лицо и карие глаза, ясные и чистые.

«Да, — подумал Майкл, пожимая ей руку, — вот здесь все в полном порядке. В этой душе нет темных закоулков!» — Как хорошо, что вы приехали, мистер Монт! Я вам покажу весь дом. Вот комната для игр.

Майкл вошел в залу — видимо, несколько маленьких комнат были соединены в одну. Шесть ребятшек в синих полотняных платьях сидели на полу и играли в какие-то игры. Когда Нора Кэрфью подошла к ним, они уцепились за ее платье. Все они, за исключением одной девочки, показались Майклу некрасивыми.

— Вот эти живут у нас постоянно. Остальные приходят после школы. Сейчас у нас только пятьдесят человек, но все-таки очень тесно. Нужно раздобыть денег, чтобы арендовать еще два дома.

— Какой у вас персонал?

— Нас шесть человек; две занимаются стряпней, одна бухгалтерией, а остальные стирают, штопают, играют с детьми и исполняют всю работу по дому. Две из нас живут здесь.

— Где же ваши арфы и венцы?

Нора Кэрфью улыбнулась.

— Заложены, — сказала она.

— Как вы разрешаете вопрос религии? — спросил Майкл, озабоченный воспитанием одиннадцатого баронета.

— В сущности — никак. Здесь нет детей старше двенадцати лет, а религиозными вопросами дети начинают интересоваться лет с четырнадцати, не раньше. Мы просто стараемся приучать детей быть веселыми и добрыми. На днях сюда приезжал мой брат. Он всегда надо мной подсмеивается, но все-таки хочет поставить в нашу пользу спектакль.

— Какая пойдет пьеса?

— Кажется, «Прямодушный»; брат говорит, что он уже давно предназначил эту пьесу для какого-нибудь благотворительного спектакля.

Майкл посмотрел на нее с удивлением.

— А вы знаете, что это за пьеса?

— Нет. Кажется, одного из драматургов Реставрации?

— Уичерли .

— Ах да! — Глаза ее остались такими же ясными.

«Бедняжка! — подумал Майкл. — Не мое дело объяснять ей, что послужит источником ее доходов, по этот Бэрти, видимо, непрочь подшутить».

— Я должен привезти сюда жену, — сказал он, — ей понравится цвет стен и эти занавески. И еще скажите, не могли бы вы потесниться и принять двух маленьких девочек, если мы будем за них платить? Их отец безработный — я хочу дать ему работу за городом; матери нет.

Нора Кэрфью сдвинула брови, и лицо ее выразило напряженное желание одной доброй волей преодолеть все препятствия.

— Нужно попытаться, — сказала она. — Как-нибудь устрою. Как их зовут?

— Фамилия Боддик, имен я не знаю. Одной — четыре года, другой — пять.

— Дайте мне адрес, я сама к ним заеду. Если они не больны какой-нибудь заразной болезнью, мы их возьмем.

— Вы — ангел! — сказал Майкл.

Нора Кэрфью покраснела.

— Вздор! — сказала она, открывая дверь в соседнюю комнату. — Вот наша столовая.

Комната была небольшая. За пишущей машинкой сидела девушка, она подняла голову, когда вошел Майкл. Другая девушка сбивала яйца в чашке и в то же время читала томик стихов. Третья, видимо, занималась гимнастикой — она так и застыла с поднятыми руками.

— Это мистер Монт, — сказала Нора Кэрфью, — мистер Монт, который произнес в палате ту самую прекрасную речь. Мисс Бэте, мисс Лафонтэн, мисс Бистон.

Девушки поклонились, и та, что сбивала яйца, сказала:

— Замечательная речь.

Майкл тоже поклонился.

— Боюсь, что все это впустую.

— Ну что вы, мистер Монт, она возымеет действие.

Вы сказали то, о чем многие думают.

— Но знаете, — сказал Майкл, — они так глубоко прячут свои мысли!

— Садитесь же.

Майкл опустился на синий диван.

— Я родилась в Южной Африке, — сказала та, которая сбивала яйца, — и знаю, что значит ждать.

— Мой отец был в палате, — сказала девушка, занимавшаяся гимнастикой. — Ваша речь

произвела на него глубокое впечатление. Во всяком случае, мы вам благодарны.

Майкл переводил взгляд с одной на другую.

— Если б вы ни во что не верили, вы не стали бы здесь работать, правда? Уж вы-то наверное не считаете, что Англия дошла до точки?

— О боже! Конечно, нет! — сказала девушка, сидевшая за машинкой. Нужно пожить среди бедняков, чтобы это понять.

— В сущности, я имел в виду другое, — сказал Майкл. — Я размышлял, не нависла ли над нами серьезная опасность.

— Вы говорите о ядовитых газах?

— Пожалуй, но это не все; тут и губительное влияние городов и банкротство цивилизации.

— Не знаю, — отозвалась хорошенькая брюнетка, сбивавшая яйца. — Я тоже так думала во время войны. Но ведь Европа — это не весь мир. В сущности, она большого значения не имеет. Здесь и солнце-то почти не светит.

Майкл кивнул.

— В конце концов если здесь, в Европе, мы сотрем друг друга с лица земли, то появится только новая пустыня величиной с Сахару, погибнут люди, слишком

бедствовавшие, чтобы приспособиться к жизни, а для остального человечества наша судьба послужит уроком, не правда ли? Хорошо, что континенты далеко отстоят один от другого!

— Весело! — воскликнула Нора Кэрфью.

Майкл усмехнулся.

— Я невольно заражаюсь атмосферой этого дома. Знаете, я вами восхищаюсь: вы от всего отказались, чтобы прийти сюда работать.

— Пустяки, — сказала девушка за машинкой. — От чего было отказываться — от фокстротов? Во время войны мы привыкли работать.

— Уж коли на то пошло, — вмешалась девушка, сбивавшая яйца, — мы вами восхищаемся гораздо больше: вы не отказываетесь от работы в парламенте.

Снова Майкл усмехнулся.

— Мисс Лафонтэн, вас зовут на кухню!

Девушка, сбивавшая яйца, направилась к двери.

— Вы умеете сбивать яйца? Я сию минуту вернусь.

И, вручив Майклу чашку и вилку, она скрылась.

— Какой позор! — воскликнула Нора Кэрфью. — Дайте мне!

— Нет, — сказал Майкл, — я умею сбивать яйца, А как вы смотрите на то, что в четырнадцать лет детей придется отрывать от дома?

— Конечно, многие будут резко возражать, — сказала девушка, сидевшая за машинкой, — скажут, что бесчеловечно, жестоко. Но еще бесчеловечнее держать детей здесь.

— Хуже всего, — сказала Нора Кэрфью. — это вопрос о заработках детей и еще идея о вмешательстве одного класса в дела другого. Да и имперская политика сейчас не в моде.

— Еще бы она была в моде, — проворчала гимнастка.

— О, — сказала машинистка, — но ведь это не та имперская политика, не правда ли, мистер Монт? Это скорее стремление уравнивать права доминионов и метрополии.

Майкл кивнул.

— Содружество наций.

— Это не мешает маскировать подлинную цель: сохранить заработок детей, — сказала гимнастка.

И три девушки стали подробно обсуждать вопрос, насколько заработки детей увеличивают бюджет рабочего. Майкл сбивал яйца и слушал. Он знал, сколь важен этот вопрос. Согласились на том, что дети часто зарабатывают больше, чем себе на пропитание, но что «в конечном счете это нецелесообразно», потому что приводит к перенаселению И безработице, и «просто стыдно» портить детям жизнь ради родителей.

Разговор прервался, когда вошла девушка, сбивавшая яйца.

— Дети собираются, Нора.

Гимнастка исчезла. Нора Кэрфью сказала:

— Ну, мистер Монт, хотите взглянуть на них?

Майкл последовал за ней. Он думал: «Жаль, что Флер со мной не поехала!» Казалось, эти девушки действительно во что-то верили.

Стоя в передней, Майкл смотрел, как дом наполняется детьми. Они казались странной смесью малокровия и жизнеспособности, живости и послушания. Многие выглядели старше своих лет, но были непосредственны, как щенята, и, видимо, никогда не задумывались о будущем. Казалось, каждое их движение, каждый жест мог быть последним. Почти все принесли с собой что-нибудь поесть. Они болтали и не смеялись. Их произношение оставляло желать много лучшего. Шесть-семь ребят показались Майклу хорошенькими, и почти у всех вид был добродушный. Движения их были порывисты. Они тормозили Нору Кэрфью и гимнастку, повиновались беспрекословно, ели без всякого аппетита и приставали к кошке. Майкл был очарован.

Вместе с ними пришли четыре или пять женщин — матери, которым нужно было о чем-нибудь спросить или посоветоваться. Они тоже были в прекрасных отношениях с

воспитательницами. В этом доме не было речи о классовых различиях; значение имела только человеческая личность. Майкл заметил, что дети отвечают на его улыбку, а женщины остаются серьезными, хотя Нора Кэрфью и девушке, занимавшейся гимнастикой, они улыбались. Интересно, поделились бы они с ним своими мыслями, если бы знали о его речи?

Нора Кэрфью проводила его до двери.

— Не правда ли, они милые?

— Боюсь, как бы мне не отречься от фоггартизма, если я слишком долго буду на них смотреть.

— Что вы! Почему?

— Видите ли, фоггартизм хочет сделать из них собственников.

— Вы думаете, что это их испортит?

Майкл усмехнулся.

— С серебряной ложкой связана опасность. Вот мой вступительный взнос.

Он вручил ей все свои деньги.

— О мистер Монт, право же...

— Ну так верните мне шесть пенсов, иначе мне придется идти домой пешком.

— Какой вы добрый! Навещайте нас и, пожалуйста, не отрекайтесь от фоггартизма.

По дороге на станцию он думал об ее глазах, а вернувшись домой, сказал Флар:

— Ты непременно должна туда съездить и посмотреть. Чистота там изумительная, и дух бодрый. Я набрался сил. Молодец эта Нора Кэрфью.

Флер посмотрела на него из-под опущенных ресниц.

— Да? — сказала она. — Хорошо, съезжу.

VII. КОНТРАСТЫ

На десяти акрах земли за рощей в Липпингхолле сквозь известь и гравий пробивалась чахлая трава; вокруг высился забор — символ собственности. Когда-то здесь пробовали держать коз, но затея не удалась, потому что в стране, не снисходившей до занятия сельским хозяйством, никто не желал пить козье молоко; с тех пор участок пустовал. Но в декабре этот уголок — бедный родственник владений сэра Лоренса Монта — подвергся энергичной эксплуатации. У самой рощи поставили дом, и целый акр земли превратили в море грязи. Сама роща поредела и приуныла от опустошительного рвения Генри Боддика и еще одного человека, в изобилии рубивших на доски лес, из которого подрядчик упорно отказывался строить сарай и курятник. Об инкубаторе пока нужно было только смутно мечтать. Вообще дело подвигалось не слишком быстро, но была надежда, что скоро после нового года куры смогут приступить к исполнению своих обязанностей. Майкл решил, что колонистам пора переселяться. Он наскреб мебели в доме отца, завез сухих продуктов, мыла и несколько керосиновых ламп, поселил Боддика в левой комнате, среднюю отвел Бергфелдам, а правую — Суэну. Он сам встретил их, когда автомобиль сэра Лоренса доставил их со станции. День был серый, холодный; с деревьев капало, из-под колес машины летели брызги. Стоя в дверях. Майкл смотрел, как они выгружаются, и думал, что никогда еще он не видал столь неприспособленных к жизни созданий. Первым вышел из машины Бергфелд, облаченный в свой единственный костюм; у него был вид безработного актера, что вполне соответствовало истине. Затем появилась миссис Бергфелд, у нее не было пальто, и она, казалось, совсем закоченела, что тоже соответствовало истине. Суэн вышел последним. Не то чтобы его изможденное лицо улыбалось, но он поглядывал по сторонам, словно говоря: «Ну и ну!»

Боддик, очевидно, наделенный даром предвидения, ушел в рощу. «Он единственное мое утешение», — подумал Майкл. Проводив приехавших в кухню, служившую в то же время столовой, Майкл достал бутылку рома, печенье и термос с горячим кофе.

— Мне ужасно досадно, что здесь такой беспорядок. Но, кажется, дом сухой, и одеял много. Неприятный запах от этих керосиновых ламп. Вы скоро ко всему привыкнете, мистер Суэн: ведь вы побывали на войне. Миссис Бергфелд, вы как будто озябли: налейте-ка рому в

кофе; мы так делали перед атакой.

Все налили себе рому, что возымело свое действие. У миссис Бергфелд порозовели щеки и потемнели глаза. Суэн заметил, что домик «хоть куда», а Бергфелд приготовился произнести речь. Майкл его прервал:

— Боддик вам все объяснит и покажет. Я должен ехать: боюсь опоздать на поезд.

Дорогой он размышлял о том, что покинул свой отряд перед самой атакой. Сегодня он должен быть на званом обеде; яркий свет, драгоценности и картины, вино и болтовня; на деньги, каких стоит такой обед, его безработные могли бы просуществовать несколько месяцев; но о них и им подобных никто не думает. Если он обратит на это внимание Флер, она скажет:

— Мой милый мальчик, ведь это точно из романа Гэрдона Минхо, ты делаешься сентиментальным!

И он почувствует себя дураком. Или, быть может, посмотрит на ее изящную головку и подумает: «Легкий способ разрешать проблемы, моя дорогая, но те, кто так подходит к делу, страдают недомыслием». А потом глаза его скользнут вниз по ее белой шее, и кровь у него закипит, и рассудок восстанет против такого богохульства, ибо за ним — конец счастью. Дело в том, что наряду с фоггартизмом и курами Майклу подчас приходили в голову серьезные мысли в такие минуты, когда у Флер никаких мыслей не было; и, умудренный любовью, он знал, что ее не переделаешь и надо привыкать. Обращение таких, как она, возможно только в дешевых романах. Приятно, когда эгоистка-героиня, забыв о "всех земных благах, начинает заботиться о тех, у кого их нет; но в жизни так не бывает. Хорошо еще, что Флер так изящно маскирует свой эгоизм; и с Китом... впрочем. Кит — это она сама!

Вот почему Майкл не заговорил с Флер о своих безработных, когда ехал с ней обедать на Итон-сквер. Вместо этого он прослушал лекцию об одной высокой особе, в жилах которой текла королевская кровь, — эта особа должна была присутствовать на обеде. Он подивился осведомленности Флер."

— Она интересуется социальными вопросами. И не забудь, Майкл, нельзя садиться, пока она не пригласит тебя сесть; и не вставай, пока она не встанет.

Майкл усмехнулся.

— Должно быть, там будут всякие важные птицы. Не понимаю, зачем они нас пригласили.

Но Флер промолчала — она обдумывала свой реверанс.

Особа королевской крови держала себя любезно, обед был великолепен, ели с золотых тарелок, блюда подавались с невероятной быстротой, что Флер приняла к сведению. Из двадцати четырех обедавших она была знакома с пятью, а остальных знала смутно, больше по иллюстрированным журналам. Там она видела их всех — они разглядывали на ипподромах скаковых лошадей, появлялись на фотоснимках со своими детьми или собаками, произносили речи о колониях или целились в летящую куропатку. Она тотчас же догадалась, почему на обед пригласили ее и Майкла. Его речь! Слово новый экземпляр в зоологическом саду, он возбуждал любопытство. Она видела, как гости посматривали в его сторону; он сидел против нее между двумя толстыми леди в жемчугах. Возбужденная и очень хорошенькая. Флер флиртовала с адмиралом, сидевшим по правую ее руку, и энергично защищала Майкла от нападок товарища министра, сидевшего слева. Адмирал был сражен, товарищ министра, по молодости лет, устоял.

— Недостаток знания — опасная вещь, миссис Монт, — сказал он, когда настала его очередь.

— Где-то я об этом читала, — сказала Флер. — Уж не в библии ли?

Товарищ министра вздернул подбородок.

— Быть может, мы, работники министерства, знаем слишком много, но, несомненно, ваш супруг знает недостаточно. Фоггартизм — забавная теория, но и только!

— Посмотрим, — сказала Флер. — А вы что скажете, адмирал?

— Фоггартизм? Что это такое? Какой-нибудь новый «луч смерти»? Знаете ли, миссис

Монт, я вчера видел одного человека, так он — честное слово открыл луч такой силы, что проходит через трех быков и девятидюймовую кирпичную стену и поражает осла, стоящего за стеной.

Флер искоса взглянула на своего соседа слева и, наклонившись к адмиралу, прошептала:

— Хорошо бы, если б вы поразили осла, сидящего по левую мою руку; он в этом нуждается, а я тоньше девятидюймовой стены.

Но адмирал не успел направить свой «луч смерти» — особа королевской крови встала из-за стола.

В гостиной, куда перешла Флер, она некоторое время мало говорила и многое подмечала, потом к ней подошла хозяйка дома.

— Моя дорогая, ее высочество...

Флер, собираясь с мыслями, последовала за хозяйкой.

Сердечным жестом белой руки ей указали место на диване. Флер села. Сердечный голос сказал:

— Какую интересную речь произнес ваш муж! Она показалась мне такой новой и свежей.

— Да, мэм, — ответила Флер, — но говорят, что это ни к чему не поведет.

Улыбка скользнула по губам, не тронутым краской.

— Возможно. Он давно в парламенте?

— Только год.

— А! Мне понравилось, что он выступил в защиту детей.

— Кое-кто находит, что он проповедует новый вид рабства для детей.

— В самом деле? А у вас есть дети?

— Один ребенок, — сказала Флер. — И признаюсь, я бы не согласилась с ним расстаться, когда ему исполнится четырнадцать лет.

— Да? А вы давно замужем?

— Четыре года.

В эту минуту кто-то привлек к себе внимание высокой особы, и она вежливо закончила — разговор. Флер показалось, что ее высочество осталась не вполне довольна ее семейной статистикой.

Домой они возвращались в такси, медленно пробиравшемся сквозь густой туман. Флер была оживлена и взволнована, а Майкл молчал.

— Что с тобой, Майкл?

Тотчас же его рука легла ей на колено.

— Прости, милочка! Но, право же, как подумаешь...

— О чем? Ты имел успех, привлек всеобщее внимание.

— Все это — игра. Подавай им что-нибудь новенькое!

— Принцесса очень мило о тебе отзывалась.

— Ой, бедняжка! Впрочем, к чему только не привыкнешь!

Флер засмеялась. Майкл продолжал:

— За каждую новую идею хватаются и говорят столько, что она погибает. Дальше слов дело не идет, а слова утомляют; и не успеешь оглянуться идея устарела!

— Ну, уж это неправда, Майкл! А как же свобода торговли, равноправие женщин?

Майкл стиснул ее колено.

— Все женщины говорят мне: «Ах, как интересно, мистер Монт! Это так волнует!» А мужчины заявляют: «Очень любопытно, Монт! Но на практике, конечно, неосуществимо». А у меня один ответ: «В период войны осуществлялись не менее грандиозные замыслы». Боже, ну и туман!

Действительно, они продвигались со скоростью улитки, а в окно можно было разглядеть только, как высоко, одно за другим, появлялись расплывшиеся пятна фонарей. Майкл опустил раму и высунулся.

— Где мы?

— А бог его знает, сэр.

Майкл кашлянул, снова поднял раму и покрепче обнял Флер.

— Знаешь, Уэстуотер спросил меня, читал ли я «Шпанскую мушку». Говорит, что в «Герое» появилась ругательная статья. В результате, конечно, книгу будут поспать нарасхват.

— Говорят, очень остроумная книга.

— Для детей не годится, взрослым ничего нового не открывает. Не понимаю, чем можно ее оправдать.

— Талантливо написана, дорогой мой. Если на нее нападают, то ее будут и защищать.

— Сиб Суон возмущается, говорит, что это гадость.

— Да, но Сиб уже немного устарел.

— Это-то верно, — задумчиво сказал Майкл. — О черт, как все быстро делается, только не в политике и не в тумане.

Такси остановилось. Майкл снова опустил раму.

— Я заблудился, сэр, — раздался хриплый голос шофера. — Мы должны быть неподалеку от набережной, но пусть меня повесят, если я знаю, где поворот.

Майкл застегнул пальто и, снова подняв окно, вышел из автомобиля.

Ночь была тихая; тишину нарушали только протяжные гудки автомобилей. Туман, холодный и едкий, проникал в легкие.

— Я пойду рядом с вами, сейчас мы едем у самого тротуара. Ползите дальше, пока мы не въедем в реку или в полисмена.

Такси двинулось вперед. Майкл шел рядом, нащупывая ногой край тротуара.

Послышался голос какого-то невидимого человека:

— Вот чертов туман!

— Да, — сказал Майкл. — Где мы?

— В сердце цивилизации двадцатого века.

Майкл засмеялся и пожалел об этом: у тумана был привкус грязи.

— Подумайте о полисменах! — продолжал голос. — Каково им стоять всю ночь напролет!

— Да, молодцы, — ответил Майкл. — Где вы, сэр?

— Здесь, сэр. А вы где?

Внезапно над головой Майкла показалась мутная луна — фонарь. Такси остановилось.

— Только бы мне учуять здание парламента! — сказал шофер. — Сейчас они там ужинают.

— Слушайте! — воскликнул Майкл. — Пробил Большой Бэн. Это слева.

— Нет, сзади, — сказал шофер.

— Не может быть, а то мы были бы в реке. Разве что вы свернули в другую сторону.

— Понятия не имею, где я свернул, — чихая, сказал шофер. — Не бывало еще такого тумана.

— Остается одно: ехать потихоньку вперед, пока мы на что-нибудь не наткнемся.

Такси снова тронулось, а Майкл, придерживаясь рукой за автомобиль, ногой нащупывал выступ тротуара.

— Осторожнее! — воскликнул он вдруг. — Впереди машина!

За этим последовал толчок.

— Эй, вы там! — раздался голос. — Куда едете? Не видите, что ли?

Майкл подошел к такси, ехавшему впереди них.

— Разве можно так гнать, — сказал шофер, — подумаешь — луна светит!

— Простите, все обошлось благополучно, — сказал Майкл. — Вы еще соображаете, в какую сторону нужно ехать?

— Все рестораны закрыты, вот беда! Передо мной едет какой-то автомобиль; я уже три раза его задел, а толку никакого. Должно быть, шофер умер. Может быть, вы, мистер,

пройдете вперед и посмотрите?

Майкл направился было к темной массе впереди, но в эту секунду туман словно поглотил ее. Майкл пробежал несколько шагов, чтобы окликнуть шофера, споткнулся, упал и поспешно поднялся. Он пошел вдоль тротуара, но вскоре сообразил, что свернул не в ту сторону, остановился и крикнул: «Алло!» В ответ послышалось слабое: «Алло!» Откуда? Он повернул назад и снова крикнул. Никакого ответа! Как испугается Флер! Он заорал во все горло. Как эхо, долетели пять-шесть «алло». Кто-то сказал над самым его ухом:

— Заблудились вы, что ли?

— Да, а вы?

— Ну ясно. Потеряли, что-нибудь?

— Такси.

— А что-нибудь там осталось?

— Моя жена.

— Ого! Ну, сегодня-то уж вам ее не найти.

Раздался хриплый непристойный смех, и темная фигура расплылась в тумане. Майкл стоял неподвижно. «Не терять голову, — подумал он. — Вот тротуар — либо они впереди, либо сзади; а может быть, я завернул за угол». Он пошел вперед вдоль тротуара. Ничего! Вернулся назад. Ничего!

— Куда я забрался? — пробормотал он. — Или они поехали дальше?

Было холодно, но он обливался потом. Флер, конечно, испугалась, и у него невольно вырвалась цитата из обращения к избирателям: «В первую очередь путем борьбы с дымом».

— Скажите-ка, мистер, нет ли у вас папиросы? — послышался чей-то голос.

— Я вам отдам все папиросы и прибавлю еще полкроны, если вы отыщете такси, в котором сидит дама, оно где-то здесь поблизости. Какая это улица?

— Не спрашивайте! Улицы словно взбесились.

— Слушайте! — резко сказал Майкл.

— Правильно, — чей-то нежный голос окликает.

— Алло! — крикнул Майкл. — Флер!

— Здесь! Здесь!

Голос долетал справа, слева, сзади. Потом раздался протяжный гудок автомобиля.

— Ну теперь мы их найдем, — сказал сгусток темноты. — Сюда, мистер! Ступайте осторожно и помните о моих мозолях!

Кто-то потянул Майкла за рукав пальто.

— Точно дымовая завеса перед атакой, — сказал незнакомец.

— И правда. Алло! Иду!

Гудок прозвучал на расстоянии двух шагов. Послышался голос:

— О Майкл!

Он лицом коснулся лица Флер, высунувшейся из окна такси.

— Одну секунду, дорогая! Получайте, мой друг! Очень вам благодарен. Надеюсь, вы благополучно доберетесь до дому.

— Мы видели ночки и похуже этой. Спасибо, мистер! Всего хорошего вам и вашей леди.

Послышалось шарканье ног, туман вздохнул: «Прощайте!»

— Ну, сэр, теперь я знаю, где мы, — прохрипел шофер. — Первый поворот налево, потом второй направо. А я думал, что вы заблудились, сэр!

Майкл сел в такси и обнял Флер. Она глубоко вздохнула и притихла.

— Страшная штука туман, — сказал он.

— Я думала, что тебя переехали.

Майкл был глубоко растроган.

— Ужасно досадно, милочка! А ты наглоталась этого отвратительного тумана. Ну ничего, приедем — зальем его чем-нибудь. Парень, который меня проводил, — бывший солдат. Любопытно, что англичане всегда острят и не теряют головы.

— А я потеряла!

— Ну, теперь ты ее нашла! — сказал Майкл, прижимая к себе ее голову и стараясь скрыть волнение. — В конце концов туман — это наша последняя надежда. Пока у нас есть туман, Англия не погибнет. — Губы Флер прижались к его губам.

Он принадлежал ей, и не допустит она, чтобы он затерялся в тумане Лондона или фоггартизма! Так вот что?

Потом все мысли исчезли.

У открытой дверцы стоял шофер.

— Мы приехали в ваш сквер, сэр. Может быть, вы узнаете свой дом?

Оторвавшись от Флер, Майкл пробормотал:

— Ладно!

Здесь туман был не такой густой. Майкл разглядел очертания деревьев.

— Вперед и направо, третий дом.

Да, вот он — дом, лавровые деревья в кадках, полукруглое окно холла освещено. Майкл вставил ключ в замочную скважину.

— Хотите выпить стаканчик? — предложил он.

Шофер кашлянул.

— Не откажусь, сэр.

Майкл принес ему виски.

— Вам далеко ехать?

— К Пэтнейскому мосту. За ваше здоровье, сэр!

Майкл всматривался в его замерзшее лицо.

— Жаль, что вам придется опять блуждать в тумане.

Шофер вернул ему стакан.

— Благодарю вас, сэр; теперь-то уж я не сойду с дороги. Поеду вдоль реки, а потом по Фулхем-Род. Вот уж не думал, что могу заблудиться в Лондоне. Зря я попробовал срезать, мне бы ехать напрямик, в объезд. Напугалась ваша леди, когда вы там пропали. Ну да ничего, обойдется. Не годится людям жить в эдаком тумане. Хоть бы в парламенте придумали от него средство.

— Да, следовало бы, — отозвался Майкл, протягивая ему фунтовую бумажку. — Спокойной ночи!

— Нет худа без добра, — сказал шофер, трогая машину. — Спокойной ночи, сэр. Благодарю вас.

— Вам спасибо, — сказал Майкл.

Такси медленно отъехало от подъезда и скрылось из виду.

Майкл вошел в испанскую столовую. Под картиной Гойи Флер кипятила воду в серебряном чайнике и жарила сухарики. Какой контраст с внешним миром, где черный, зловонный туман, и холод, и страхи! В этой красивой, теплой комнате, в обществе красивой теплой женщины стоит ли думать о паутине города, о заблудившихся людях и об окриках в тумане?

Закурив папироску, он взял из рук Флер чашку и поднес ее к губам.

— Право же, Майкл, мы должны купить автомобиль!

VIII. В ПОИСКАХ УЛИК

Редактор «Героя» получил такое несомненное удовольствие, что и многим другим стало весело.

— Самое популярное зрелище на Востоке, Форсайт, — сказал сэр Лоренс, — это мальчишка, которого шлепают; а Восток только тем отличается от Запада, что там мальчишка за твердую плату готов дать себя шлепать без конца. Мистер Персиваль Кэлвин, видно, не таков.

— Если он станет защищаться, — угрюмо сказал Сомс, — никто его не поддержит.

Они ежедневно просматривали обвинительные письма, подписанные: «Мать троих детей», «Роджер из Нортхэмптона», «Викторианец», «Элис Сент-Морис», «Артур Уифкин», «Спортсмен, если не, джентльмен» и «Pro patria!» Почти в каждом письме можно было найти такие слова: «Не могу утверждать, что прочел книгу до конца, но я прочел достаточно, чтобы...»

Лишь пять дней спустя слово взяла защита, но до этого появилось еще одно письмо, подписанное «Розга». В этом письме автор с удовольствием отмечал, что редактор «Героя» в своей заметке от 14-го текущего месяца избил так называемую «литературную» школу, и у представителей этой школы «хватило ума безропотно принять заслуженную порку». Представители школы не нашли нужным выступить хотя бы анонимно.

— Это моя скромная лепта, Форсайт, — сказал сэр Лоренс, указывая Сомсу на письмо. — Если они и на это ни клюнут, мы бессильны что-либо сделать.

Но «они» клюнули. В ближайшем номере газеты появилось письмо известного романиста Л. С. Д., после которого все пошло как по маслу. Романист заявил, что этой книги он не читал; быть может, она действительно не является художественным произведением, но редактор «Героя» взял на себя роль ментора, значит говорить о нем больше нечего. А взгляд, что литературу следует наряжать во фланелевую юбку, вообще чушь, о которой и упоминать не стоит.

К великому удовольствию Сомса, письмо романиста развязало языки защитникам новой школы. Из десяти человек, перечисленных в списке, которых Баттерфилд снабдил экземплярами «Шпанской мушки», высказались четверо и подписались полной фамилией. Они утверждали, что «Шпанская мушка» несомненно является высокохудожественным произведением, и жалели тех, кто даже в наши дни считает, будто литература имеет отношение к нравственности. Оценивая художественные произведения, нужно помнить только об одном критерии — эстетическом. Искусство есть искусство, а нравственность есть нравственность, и пути у них разные и разными останутся. Чудовищно, что такое произведение пришлось издать за границей. Когда же Англия научится ценить талант?

Все эти письма Сомс вырезал и наклеил в тетрадь. Он получил то, что ему было нужно, и дискуссия перестала его интересовать. Кроме того, Баттерфилд сообщил ему следующее:

«Сэр, В понедельник я нанес визит леди» о которой Вы говорили, и застал ее дома. Кажется, она была несколько недовольна, когда я предложил ей книгу. «Эту книгу, — сказала она, — я давным-давно прочла» — «Она вызвала сенсацию, сударыня», — сообщил я. «Знаю», — ответила она. Тогда я предложил: «Может быть, вы возьмете один экземпляр? Цена все время растет, книга будет стоить очень дорого». — «У меня она есть», — сказала она. Я разузнал то, о чем Вы меня просили, сэр, и больше не настаивал. Надеюсь, Ваше поручение я исполнил. Я буду счастлив, если Вы мне поручите еще что-нибудь. Я считаю, что тем положением, какое занимаю в настоящее время, я всецело обязан Вам". У Сомса была в запасе и еще работа для молодого человека: он думал использовать его как свидетеля. Теперь оставалось разрешить вопрос о пьесах. Он посоветовался с Майклом.

— Скажите, эта молодая женщина все еще выступает в ультрасовременном театре, о котором вы говорили?

Майкл поморщился.

— Не знаю, сэр, но могу навести справки.

Выяснилось, что Марджори Феррар предложена роль Оливии в «Прямодушном», которого Бэрти Кэрфью готовил для утренника.

— «Прямодушный»? — спросил Сомс. — Это современная пьеса?

— Да, сэр, она написана двести пятьдесят лет назад.

— А! — протянул Сомс. — Тогда народ был грубый. Но ведь она разошлась с этим молодым человеком, как же она может участвовать в спектакле?

— О, их не проймешь. Надеюсь, сэр, вы все-таки не доведете дела до суда?

— Ничего не могу сказать. Когда спектакль?

— Седьмого января.

Сомс отправился в библиотеку своего клуба и взял томик Уичерли. Начало «Прямодушного» его разочаровало, но дальше дело пошло лучше, и Сомс выписал все строчки, которые Джордж Форсайт в свое время называл, бы «гривуазными». По его сведениям, в этом театре пьесы шли по несокращенному тексту. Прекрасно! От таких фраз у присяжных волосы дыбом встанут. Теперь, заручившись «Шпанской мушкой» и этой пьесой, он был уверен, что молодая женщина и ее компания не смогут претендовать на «какое бы то ни было понятие о нравственности». В нем проснулся инстинкт профессионала. Адвоката сэра Джемса Фоскиссона он пригласил не за личные качества, а чтобы его не использовали противники. Младшим адвокатом был завербован «очень молодой» Николае Форсайт. Сомс был о нем невысокого мнения, но решил, что семейный круг предпочтительнее, особенно если дело до суда не дойдет.

В тот вечер у Сомса был разговор с Флер, укрепивший в нем желание избежать суда.

— Что случилось с молодым американцем? — спросил он.

Флер язвительно улыбнулась.

— С Фрэнсисом Уилмотом? О, он влюбился в Марджори Феррар. А она выходит замуж за сэра Александра Мак-Гауна.

— Вот как?

— Майкл тебе рассказывал, как он его ударил по носу?

— Кто кого? — раздраженно спросил Сомс.

— Майкл — Мак-Гауна, милый, у него хлынула кровь носом.

— Зачем он это сделал?

— Разве ты не читал его речи против Майкла?

— Ну, — сказал Сомс, — парламентская болтовня — это пустяки. Там все ведут себя, как дети. Значит, она выходит за него замуж. Это он ее настроил?

— Нет, она его.

Сомс только фыркнул в ответ; он почувал в словах Флер чисто женскую ненависть к другой женщине. А между тем — политические соображения и светские — как знать, что возникает раньше, где причина, где следствие? Во всяком случае, кое-что новое он узнал. Так она выходит замуж? Некоторое время он обдумывал этот вопрос, потом решил нанести визит Сэтлуайту и Старку. Если бы эта фирма пользовалась дурной репутацией либо всегда выступала в «causes celebres», он, конечно, не пошел бы к ним, но Сэтлуайт и Старк были люди почтенные и имели аристократические связи.

Писать он им не стал, а просто взял шляпу и из «Клуба знатоков» отправился в контору на Кинг-стрит.

Поход этот напомнил ему прошлое — сколько раз он ходил для переговоров в такие конторы или вызывал туда своих противников! Он всегда предпочитал не доводить дел до суда. А вступая в переговоры, был неизменно бесстрастен и знал, что возражать ему будут столь же безлично — две машины, зарабатывающие на человеческой природе. Сегодня он не чувствовал себя машиной, и, зная, что это плохо, остановился перед витриной с гравюрами и картинами. А, вот те первые оттиски гравюр Русселя, о которых говорил «Старый Монт», — старик понимает толк в гравюрах. О, а вот и картина Фреда Уокера, и недурная! Мэйсон и Уокер — их время еще не миновало, нет. И в груди Сомса шевельнулось то чувство, которое испытывает человек, услышав, как на усыпанном цветами дереве поет дрозд. Давно, ой как давно не покупал он картин? Только бы разделаться с этим проклятым процессом, тогда опять все будет хорошо. Он оторвал взгляд от витрины и, глубоко вздохнув, вошел в контору «Сэтлуайт и Старк».

Кабинет старшего компаньона находился во втором этаже. Мистер Сэтлуайт встретил Сомса словами:

— Как поживаете, мистер Форсайт? Мы с вами не встречались со времени процесса Боббина против ЛЮЗ. Кажется, это было в тысяча девятисотом году!

— В тысяча восемьсот девяносто девятом, — сказал Сомс. — Вы выступали от дороги. Мистер Сэтлуайт жестом пригласил его сесть.

Сомс сел и взглянул на фигуру у камина. Гм! Длинные губы, длинные ресницы, длинный подбородок; человек, равный ему по калибру, культуре и честности! Хитрить с ним нечего.

— Глупейшее дело, — сказал он. — Как бы нам его уладить?

Мистер Сэтлуайт нахмурился.

— Это зависит от того, что вы имеете предложить, мистер Форсайт. Моей клиентке было нанесено серьезное оскорбление.

Сомс кисло улыбнулся.

— Она сама начала. И на что она ссылается? На частные письма, которые моя дочь в порыве гнева написала своим друзьям. Я удивляюсь, что такая солидная фирма, как ваша...

Мистер Сэтлуайт улыбнулся.

— Не утруждайте себя комплиментами по адресу моей фирмы. Я также удивляюсь, что вы выступаете от имени вашей дочери. Вряд ли вы можете отнестись к делу беспристрастно. Или вы хотите сообщить, что она готова принести извинение?

— Мне кажется, это следует сделать не ей, а вашей клиентке, — сказал Сомс.

— Если вы стоите на такой точке зрения, то, пожалуй, не имеет смысла продолжать разговор.

Сомс пристально на него посмотрел и сказал:

— Как вы докажете, что она оскорблена? Она вращается в очень легкомысленном обществе.

Мистер Сэтлуайт улыбался по-прежнему.

— Я слышал, что она собирается выйти замуж за сэра Александра Мак-Гауна, — сказал Сомс.

Мистер Сэтлуайт сжал губы.

— Право же, мистер Форсайт, если вы готовы принести извинение и уплатить приличную сумму, то мы сумеем сговориться. В противном случае...

— Вы как человек разумный, — перебил Сомс, — понимаете, что такого рода скандалы ничего, кроме неприятностей и расходов, за собой не влекут. Я готов заплатить тысячу фунтов, но об извинении не может быть и речи.

— На полторы тысячи мы бы пошли. Но необходимо извинение в письменной форме.

Сомс молчал, переживая всю несправедливость происходящего. Полторы тысячи! Чудовищно! И все-таки он бы заплатил, только бы избавить Флер от судебного процесса. Но унижение! На это она ни за что не пойдет, и хорошо сделает. Он встал.

— Слушайте, мистер Сэтлуайт, если вы доведете дело до суда, вам придется столкнуться с непредвиденными затруднениями. Но вся эта история столь неприятна, что я готов уплатить деньги, хотя очень сомневаюсь, чтобы по суду мне пришлось уплатить хотя бы один пенни. Что же касается извинения, то можно пойти на компромисс (и чего он улыбается?) — написать в таком роде: «Мы обе сожалеем, что дурно отзывались друг о друге», и пусть обе стороны подпишутся.

Мистер Сэтлуайт погладил подбородок.

— Я сообщу моей клиентке о вашем предложении. Я не меньше вашего желаю уладить это дело, не потому, что боюсь за его исход («Ну еще бы!» подумал Сомс), но потому, что в таких процессах, как вы говорите, назидательного мало.

Он протянул руку.

Сомс холодно пожал ее.

— Вы понимаете, что я совершенно объективен, — сказал он и вышел. «Возьмет», — думал он. Отдать этой мерзавке полторы тысячи фунтов только за то, что ее раз в жизни назвали, как она того заслуживает! И улики он собирал зря! На мгновение ему стало досадно, что он так любит Флер. Право, даже глупо. Потом сердце его дрогнуло от радости. Слава богу! Он все уладил.

Рождество было не за горами, поэтому Сомс не придавал значения тому, что Сэтлуайт ему не отвечает. Флер и Майкл уехали в Липпингхолл с девятым и одиннадцатым

баронетами, а у Сомса и Аннет гостила Уинифрид с Кардиганами. Только шестого января от мистеров Сэтлуайта и Старка пришло письмо.

"Уважаемый сэръ, Ваше предложение было передано нашей клиентке, которая уполномочила нас сообщить Вам, что она согласна принять сумму в полторы тысячи фунтов и извинение, подписанное Вашей клиенткой. Извинение должно быть написано по прилагаемому образцу.

Остаемся искренно вам преданные Сэтлуайт и Старк".

Сомс взял образец и прочел:

«Я, миссис Майкл Монт, беру назад слова, сказанные мною о мисс Марджори Феррар в письмах моих от 4 октября прошлого года, написанных миссис Ральф Ппинррин и миссис Эдуард Молтиз, и приношу извинение в том, что они были написаны». (Подпись.)

Сомс встал, резко отодвинув столик, за которым завтракал.

— Что с тобой. Сомс? — сказала Аннет. — Опять сломал вставную челюсть? Нельзя так неосторожно есть...

— Читай.

Аннет прочла.

— И ты хотел дать этой женщине полторы тысячи фунтов? Да ты с ума сошел. Сомс! Я бы ей и полторы тысячи пенсов не дала. Ты ей заплатишь, а она расскажет всем своим друзьям. Это все равно, что тысячу пятьсот раз просить прощения. Право, я удивляюсь, Сомс! Делец, умный человек! Неужели ты так плохо знаешь свет?

Сомс покраснел. Это было так по-французски и в то же время так верно по существу. Он подошел к окну. Французы — они не допускают компромиссов и знают цену деньгам.

— Как бы то ни было, а с этим покончено, — сказал он. — Флер не подпишет. А я возьму назад свое предложение.

— Надеюсь! Флер не глупа. А на суде она будет очень эффектна. Эта женщина пожалеет, что родилась на свет. Почему ты не приставишь к ней сыщика, который бы за ней следил? С такими особами церемониться нечего.

В минуту слабости Сомс рассказал Аннет о книге и пьесе. Он чувствовал потребность с кем-нибудь поделиться, а с Флер и Майклом нельзя было об этом говорить. Он даже дал ей «Шпанскую мушку» сказав:

— Читать не советую. Написано во французском стиле.

Аннет вернула книгу через два дня и заявила:

— Какой же это французский стиль? Это просто отвратительно! Вы, англичане, так грубы. Книга не остроумная, а просто грязная. Серьезная грязная книга — что может быть хуже? Ты слишком старомоден, Сомс. Почему ты говоришь, что это французский стиль?

Сомс и сам не знал, почему он это сказал.

— Во всяком случае, она издана не в Англии, — пробормотал он и вышел из комнаты, преследуемый, как жужжаньем, словами: «Брюссель, Брюссель, это Брюссель ты называешь...» Самая обидчивая нация эти французы!

Однако ее совет пригласить сыщика запал ему в голову.

К чему щепетильность, когда все зависит от того, чтобы напугать эту женщину? И, приехав в Лондон, он заглянул в некое учреждение, не к мистеру Полтиду, а в другое, и поручил там выяснить прошлое, настоящее и будущее Марджори Феррар.

Фирме «Сэтлуайт и Старк» он написал на бланке своей конторы короткий и решительный ответ:

"6 января 1925 г.

Уважаемые сэры, Узнав из Вашего письма от 5-го с/м, что Ваша клиентка отклонила мое предложение, сделанное, как Вам известно, совершенно беспристрастно, беру его назад *in toto*.

Преданный Вам Солю Форсайт".

Они пожалеют! Наверняка пожалеют! И он впери́л взор в слова *in toto*; почему-то они показались ему забавными. *In toto*! А теперь посмотрим «Прямодушного»!

Театр общества «Nec plus ultra» отличался неказистой внешней отделкой, гипсовой маской Конгрива в вестибюле, своеобразным запахом и наличием просцениума. Оркестра не было. Перед поднятием занавеса три раза во что-то ударили. Рампы не было. Декорации были своеобразные. Сомс не отрываясь смотрел на них, пока в первом антракте разговор двух сидящих за ним людей не открыл ему глаза на их принцип.

— В декорациях самое важное то, что на них можно не смотреть. Это самый крайний театр в этом смысле.

— В Москве пошли еще дальше.

— Вряд ли. Кэрфью ездил туда. Вернулся в диком восторге от русских актеров.

— Он знает русский язык?

— Нет, это и не нужно. Все дело в тембре. По-моему, Кэрфью недурно справляется со своей задачей. Такую пьесу нельзя было бы ставить, если б можно было разобрать слова.

Сомс, который очень старался разобрать слова — за этим, собственно, он и шел сюда, — скосил глаза на говоривших. Они были молоды, бледны и продолжали разговор, нисколько не смутившись от его взгляда.

— Кэрфью молодец! Такая встряска нужна.

— Оливию играет Марджори Феррар.

— Не понимаю, зачем он выпускает эту дилетантку.

— Не забывай о сборах, мой милый, она привлекает публику. Тяжелый случай.

— Ей удалась только одна роль — немой девушки в русской пьесе. А говорит она ужасающе — все время следишь за смыслом слов. Совсем не окутывает тебя ритмом.

— Она красива.

— Мда.

Тут занавес поднялся. Так как в первом действии Марджори не появлялась, Сомс сделал усилие и не заснул, и он не спал все время, пека она была на сцене, — из чувства ли долга, или потому, что говорила она «ужасающе»; всякую рискованную фразу, которую она произносила, он старательно отмечал. В общем он отлично провел время и ушел отдохнувшим. В такси он мысленно репетировал роль сэра Джемса Фоскиссона на перекрестном допросе.

«Если не ошибаюсь, сударыня, вы играли Оливию из „Прямодушного“ в постановке театрального общества „Nec plus ultra“? Правильно ли будет определить эту роль как роль скромной женщины?.. Совершенно верно. И вы произнесли вот эти слова (приводит „гривуазные“ местечки). Вы как-нибудь истолковали их, сударыня?.. Вы, вероятно, не согласитесь, что они безнравственны?.. Нет? И не рассчитаны на то, чтобы оскорбить слух и пагубно повлиять на нравственность уважающей себя публики?.. Нет. Значит, ваше понятие о нравственности расходится с моим и, смею утверждать, с тем, которое сложилось у присяжных... Так. Сцена в темноте — вы не предложили режиссеру выпустить ее? Нет. Режиссером у вас, кажется, был мистер Кэрфью? А ваши отношения с этим джентльменом позволили бы вам внести такое предложение?.. Ага, теперь, сударыня, разрешите вам напомнить, что в течение всего тысяча девятьсот двадцать третьего года вы виделись с этим джентльменом почти каждый день... Ну, скажем, три-четыре раза в неделю. И вы тем не менее утверждаете, что ваши отношения не позволили бы вам поставить ему на вид, что порядочной молодой женщине нельзя играть в такой сцене?.. Вот как? Мнение присяжных об этом вашем ответе мы в свое время узнаем. Вы не актриса по профессии, не для заработка исполняете то, что вам предлагают? Нет. И у вас хватило смелости явиться сюда и требовать компенсации, потому что в частном письме кто-то упомянул, что „вы понятия не имеете о нравственности“?.. Да?..» И так далее, и так далее. О нет! Компенсация? Ни фартинга она не получит.

IX. VOLTE FACEI

Изощряясь в том, чтобы удержать при себе сэра Александра Мак-Гауна и Фрэнсиса

Уилмота, принимая приглашения в свет, часто играя в бридж в надежде покрыть ежедневные расходы, иногда урывая день для охоты и репетируя роль Оливии, Марджори Феррар почти забыла о предстоящем процессе, когда мистеры Сэтлуайт и Старк уведомили ее о предложении Сомса. Она пришла в восторг. Этими деньгами она расплатится с самыми настойчивыми кредиторами; вздохнет свободно и сможет пересмотреть перспективы на будущее.

Письмо было получено в пятницу перед рождеством, когда она собиралась ехать к отцу в Ньюмаркет; она поспешно написала несколько слов, сообщая, что зайдет в контору в понедельник. Вечером она посоветовалась с отцом. Лорд Чарльз считал, что этот стряпчий во что бы то ни стало хочет пойти на мировую, раз он готов пожертвовать такой суммой, как полторы тысячи фунтов; поэтому ей нетрудно будет добиться извинения в письменной форме. Во всяком случае торопиться не стоит, пусть они пребывают пока в неизвестности. В понедельник он думал показать ей своих лошадей. Вот почему она вернулась в Лондон только двадцать третьего, когда контора была уже закрыта. Почему-то ей не пришло в голову, что и адвокаты могут отдыхать на рождестве. В сочельник она опять уехала на десять дней и только четвертого января зашла в контору. Мистер Сэтлуайт все еще отдыхал на юге Франции, и принял ее мистер Старк. Он был не в курсе дела, но нашел совет лорда Чарльза разумным; можно принять полторы тысячи и настаивать на формальном извинении, а в случае отказа пойти на уступку. Марджори Феррар почуяла опасность, но согласилась.

Седьмого января она вернулась после дневного спектакля, усталая и возбужденная аплодисментами и похвалой Бэрти Кэрфью: «Прекрасно, дорогая!» Ей показалось, что Бэрти снова смотрит на нее, как смотрел в былые дни. Она принимала горячую ванну, когда горничная доложила о приходе Фрэнсиса Уилмота.

— Попросите его подождать, Фанни, я через двадцать минут выйду.

Волнуясь, словно предчувствуя кризис, она поспешно оделась, надушила шею и руки эссенцией из цветов апельсинового дерева, неслышно ступая, вошла в студию и остановилась. Молодой человек стоял спиной к двери в позе осла, который, свесив уши, терпеливо ждет, чтобы на его натруженную спину навьючили новый груз. Вдруг он сказал:

— Я больше не могу.

— Фрэнсис!

Он оглянулся.

— О Марджори! Я не слышал, как вы вошли! И, взяв ее руки, он зарылся в них лицом.

Она пришла в замешательство. Казалось, так легко было бы высвободить руки и подставить ему губы, если бы он был более современным, если бы его старомодная любовь не льстила ей, если бы, наконец, он внушал ей только страсть. Неужели ей суждено испытать простое идиллическое чувство — что-то совсем, совсем новое? Она подвела его к дивану, усадила рядом с собой, заглянула в глаза. Сладость весеннего утра, и они с Фрэнсисом как малые дети, и нет им дела до всего мира! Она поддалась очарованию невинности, хваталась за что-то новое, чудесное. Бедный мальчик! Какое наслаждение — дать ему наконец счастье, согласиться на брак, твердо намереваясь обещание исполнить! Когда? О, когда ему угодно — скоро, очень скоро; чем скорей, тем лучше! Почти не сознавая того, что разыгрывает роль молоденькой девушки, она наслаждалась его удивлением и радостью. Он весь горел, он был на седьмом небе — и ничего себе не позволил.

Целый час провели они вместе — какой час для воспоминаний! — раньше чем она вспомнила, что в половине девятого приглашена на обед. Она прижалась губами к его губам и закрыла глаза. И одна неотвязная мысль не давала покоя: не закрепить ли ей по-современному свои права на него? Ведь все, что он знает о ней, — ложь! Она видела, как затуманились его глаза, ощущала прикосновение горячих рук. Быстро встала.

— А теперь, любимый, беги!

Когда он убежал, она сняла платье и стала приглаживать волосы, в зеркале казавшиеся скорее золотыми, чем рыжими... Несколько конвертов на туалетном столике привлекли ее внимание. Счет, еще один и, наконец, письмо:

"Сударыня, с сожалением извещаем Вас, что «Кэткот, Кингсон и Форсайт» отказываются принести в письменной форме извинение, каковое мы потребовали, и берут назад свое предложение in toto. Итак, нужно продолжать дело.

Впрочем, мы имеем все основания надеяться, что они пойдут на наше требование раньше, чем дело поступит в суд.

Готовые к услугам Сэтлуайт и Старк".

Она уронила письмо и сидела тихо-тихо, рассматривая в зеркале жесткую морщинку у правого уголка рта и жесткую морщинку у левого...

Возвращаясь домой, Фрэнсис Уилмот думал о пароходных рейсах и каютах, о брачной церемонии и кольцах. Час назад он пребывал в отчаянии, теперь ему казалось, что одно он знал всегда: «Она слишком хороша, чтобы не отказать этому типу, которого она не любит». Он сделает ее королевой Южной Каролины! А если она не захочет там жить, он продаст старый дом, и они поселятся, где она пожелает, — в Венеции (он слышал, как она восторгалась Венецией), в Нью-Йорке, в Сицилии, — с ней ему все равно где жить! Даже Лондон, овеянный сухим холодным ветром, перестал быть серым лабиринтом, где бродят тени, и превратился в прекрасный город, в котором можно купить кольца и билеты на пароход.

Ветер как ножом резал ему лицо, но Фрэнсис Уилмот ничего не замечал. Бедный Мак-Гаун! Он ненавидел его, даже мысль о нем была ему ненавистна, и все-таки он его жалел — ведь его ждет такое разочарование!

И все дни, недели, месяцы, что он кружил вокруг пламени, обжигая слабеющие крылья, теперь казались этапом вполне естественного движения по пути к райскому блаженству. Двадцать четыре года — и ему и ей; а впереди целая вечность счастья! Он уже видел ее на веранде, дома. Прогулки верхом! И старый фورد нужно заменить чем-нибудь получше. Негры будут обожать ее, такую величественную, такую белую... Скоро весна, гулять с ней среди азалий... А весной уже пахнет — нет, это запах ее духов остался у него на руках. Он вздрогнул и помчался дальше по безлюдной улице; восточный ветер гнул голые ветки деревьев, светили холодные звезды.

В вестибюле отеля ему подали визитную карточку.

— Мистер Уилмот, вас ждет какой-то джентльмен.

В гостиной, держа в руке цилиндр, сидел сэр Александр Мак-Гаун. Он встал и, коренастый, мрачный, двинулся навстречу Фрэнсису Уилмоту.

— Я давно уже собирался к вам зайти, мистер Уилмот.

— В самом деле? Могу я вам предложить коктейль или рюмку хереса?

— Нет, благодарю. Вам известно о моей помолвке с мисс Феррар?

— Было известно, сэр.

При виде этой грозной красной физиономии с жесткой щеткой усов и горящими глазами он снова почувствовал ненависть; жалость растаяла.

— Вы знаете, что я протестую против ваших частых визитов. У нас здесь не принято, чтобы джентльмен ухаживал за молодой леди, обрученной с другим.

— Об этом должна судить сама мисс Феррар, — невозмутимо ответил Фрэнсис Уилмот.

Лицо Мак-Гауна побагровело.

— Если бы вы не были американцем, я бы уже давно посоветовал вам держаться подальше.

Фрэнсис Уилмот поклонился.

— Что же вы намерены делать? — спросил Мак-Гаун.

— Разрешите мне воздержаться от ответа.

Мак-Гаун весь подался вперед.

— Я вас предупредил, теперь будьте осторожны.

— Благодарю вас, приму к сведению, — мягко сказал Фрэнсис Уилмот.

Мак-Гаун стоял, покачиваясь на месте. Не собирается ли он его ударить? Фрэнсис

Уилмот засунул руки в карманы.

— Вы предупреждены, — сказал Мак-Гаун и, повернувшись на каблуках, вышел.

— Спокойной ночи, — сказал Фрэнсис Уилмот вслед удаляющейся квадратной спине. Он сумел остаться мягким, вежливым, но как он ненавидел этого типа! Если бы не ликование, переполнявшее его сердце, дело могло бы кончиться хуже!

Х. ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ СНИМКИ

Сэр Лоренс предложил Майклу провести рождество в Липпингхолле и принять участие в охоте. В числе приглашенных были два политика-практика и один министр.

В курительной, куда удалялись мужчины, а иногда и женщины, гости, отдыхая в старых мягких кожаных креслах, перебрасывались словами, словно мячом, и никто не затрагивал таких опасных тем, как фоггартизм. Впрочем, бывали моменты, когда Майкл имел возможность постичь самую «сущность» политики и проникнуться уважением к ее практикам. Даже в эти праздничные дни они вставали рано, спать ложились поздно, писали письма, просматривали прошения, заглядывали в «синие книги». Оба были люди здоровые, ели с аппетитом, много пили и, казалось, никогда не уставали. Они часто брились, стреляли с увлечением, но плохо. Министр предпочитал играть в гольф с Флер.

Майкл понял их систему: нужно доотказа загрузить свой ум; не оставлять себе времени на планы, чувства, фантазии. Действовать и отнюдь не ставить себе никакой цели.

Что касается фоггартизма, то, не в пример газете «ИВНИНГ Сан», они не высмеивали его, а только задавали Майклу вопросы, которые он не раз задавал себе сам.

— Прекрасно, но как вы думаете провести это в жизнь? Ваш план не плох, но он бьет людей по карману. Сделать жизнь дороже — думать нечего, страна и так изнемогает. А ваш фоггартизм требует денег, денег и еще денег! Можете кричать до хрипоты, что через десять или двадцать лет вы им вернете впятеро больше, — никто не станет слушать; можете сказать: «Без этого мы все скатимся в пропасть», но это для нас не ново; многие думают, что мы уже в нее скатились, но не любят, когда об этом говорят. Другие, особенно промышленники, верят в то, во что хотят верить. Они терпеть не могут, когда кто-нибудь «прибедняется», будь то хоть с самой благой целью. Обещайте возрождение торговли, снижение налогов, высокую заработную плату или налог на капитал, и мы вам будем верить, пока не убедимся, что и вы бессильны. Но вы хотите сократить торговлю и повысить налоги ради лучшего будущего. Разве можно! В политике тасуют карты, а заниматься сложением и вычитанием не принято. Люди реагируют, только если выгода налицо или если грозит конкретная опасность, как во время войны. На сенсацию рассчитывать не приходится.

Короче говоря, они показали себя неглупыми, но законченными фаталистами.

После этих бесед профессия политика стала Майклу много яснее. Ему очень нравился министр; он держал себя скромно, был любезен, имел определенные идеи о работе своего министерства и старался проводить их в жизнь; если у него были и другие идеи, он их умело скрывал. Он явно восхищался Флер, умел слушать лучше, чем те двое, и к их словам добавил еще кое-что:

— Конечно, то, что мы сумеем сделать, может показаться ничтожным, и газеты поднимут крик; вот тут-то нам, пожалуй, удастся провести под шумок ряд серьезных мероприятий, которые публика заметит только тогда, когда будет поставлена перед совершившимся фактом.

— Плохо я что-то верю в помощь прессы, — сказал Майкл.

— Ну, знаете, другого рупора у нас нет. При поддержке самых громогласных газет вы даже свой фоггартизм могли бы протащить в жизнь. Что вам действительно мешает — это замедленный рост городов за последние полтора века, косные умы, для которых судьба Англии непреложно связана с промышленностью, и морские перевозки. И еще — неискоренимый оптимизм и страх перед неприятными темами. Многие искренне верят, что мы можем отстаивать старую политику и при этом еще благоденствовать. Я лично не

разделяю этой точки зрения. Пожалуй, можно постепенно провести в жизнь то, что проповедует старый Фоггарт; пожалуй, нужда заставит прибегнуть даже к переселению детей, — но тогда это не будет называться фоггартизмом. Судьба изобретателя! Нет, его не прославят за то, что он первый изобрел способ борьбы. И знаете ли, — мрачно добавил министр, — когда его теория получит признание, будет, пожалуй, слишком поздно.

В этот день один газетный синдикат запросил о разрешении прислать интервьюера, и Майкл, назначив день и час, приготовился изложить свой символ веры. Но журналист оказался фотографом, и символ вылился в снимок: «Депутат от Мид-Бэкса разъясняет нашему корреспонденту принципы фоггартизма». Фотограф был человек проворный. Он снял семейную группу перед домом: «Справа налево: мистер Майкл Монт — член парламента, леди Монт, миссис Майкл Монт, сэр Лоренс Монт, баронет». Он снял Флер: «Миссис Майкл Монт с сыном Китом и собачкой Дэнди». Он снял крыло дома, построенное при Иакове I. Он снял министра с трубкой в зубах, «наслаждающегося рождественским отдыхом». Он снял уголок сада — «Старинное поместье». Потом он завтракал. После завтрака он снял всех гостей и хозяев: «В гостях у сэра Лоренса Монта, Липпингхолл»; министр сидел справа от леди Монт, жена министра — слева от сэра Лоренса. Этот снимок вышел бы удачнее, если бы Дэнди, которого случайно не включили в группу, не произвел внезапной атаки на штатив. Он снял Флер одну: «Миссис Майкл Монт, очаровательная хозяйка лондонского салона». Он слышал, что Майкл проводит интересный опыт, — нельзя ли снять фоггартизм в действии? Майкл усмехнулся и предупредил, что это связано с прогулкой.

Они направились к роще. В колонии жизнь протекала нормально: Боддик с двумя рабочими занимался постройкой инкубатора; Суэн курил папиросу и читал «Дэйли Мэйл»; Бергфелд сидел, подперев голову руками, а миссис Бергфелд мыла посуду.

Фотограф сделал три снимка. Бергфелд начал трястись, и Майкл, заметив это, намекнул, что до поезда остается мало времени. Тогда фотограф сделал последний снимок: снял Майкла перед домиком, затем выпил две чашки чая и отправился восвояси.

Вечером, когда Майкл поднимался к себе в спальню, его окликнул дворецкий:

— Мистер Майкл, Боддик ожидает вас в кладовой. Кажется, что-то случилось, сэр.

— Да? — тупо сказал Майкл.

В кладовой, где Майкл в детстве провел много счастливых минут, стоял Боддик; по его бледному лицу струился пот, темные глаза блестели.

— Немец умер, сэр.

— Умер?

— Повесился. Жена в отчаянии. Я его вынул из петли, а Суэна послал в деревню.

— О господи! Повесился! Но почему?

— Очень он был странный эти последние три дня, а фотограф окончательно его доконал. Вы пойдете со мной, сэр?

Они взяли фонарь и отправились в путь. Дорогой Боддик рассказывал:

— Как только вы от нас сегодня ушли, он вдруг весь затрясся и стал говорить, что его выставляют на посмешище. Я ему посоветовал не валять дурака и снова приняться за работу, но когда я вернулся к чаю, он все еще трясся и говорил о своей чести и своих сбережениях; Суэн над ним издевался, а миссис Бергфелд сидела в углу, бледная как полотно. Я посоветовал Суэну заткнуть глотку, и Фриц понемножку успокоился. Миссис Бергфелд налила нам чаю, а потом я пошел кончать работу. Когда я вернулся к семи часам, они опять спорили, а миссис Бергфелд плакала навзрыд. «Что же вы, — говорю, — жену-то не пожалеете?» — «Генри Боддик, — ответил он, — против вас я ничего не имею, вы всегда были со мной вежливы, но этот Суэн — не Суэн, а свинья!» — и схватил со стола нож. Нож я у него отнял и стал его успокаивать. «Ах, — говорит он, — у вас нет самолюбия!» А Суэн посмотрел на него и скривил рот: «А вы-то какое право имеете говорить о самолюбии?» Я понял, что так он не успокоится, и увел Суэна в трактир. Вернулись мы часов в десять, и Суэн лег спать, а я пошел в кухню. Там сидела миссис Бергфелд. «А он лег спать?» —

спрашиваю я. «Нет, — говорит она, — он вышел подышать воздухом. Ах, Генри Боддик, что мне с ним делать?» Мы с ней потолковали о нем; славная она женщина. Вдруг она говорит: «Генри Боддик, мне страшно. Почему он не возвращается?» Мы отправились на поиски, и как вы думаете, сэр, где мы его нашли? Знаете то большое дерево, которое мы собирались срубить? К дереву была приставлена лестница, на сук заброшена веревка. Светила луна. Он влез по лестнице, надел петлю на шею и прыгнул. Так он и висел на шесть футов от земли. Я разбудил Суэна, и мы его вынули из петли, внесли в дом — ох и намучились! Бедная женщина, жаль ее, сэр, хотя я-то считаю, что оно и к лучшему, — не умел он приспособиться. Этот красавец с аппаратом дорого бы дал, чтобы снять то, что мы видели.

«Фоггартизм в действии! — горько подумал Майкл. — Первый урок окончен».

Домик уныло хмурился в тусклом свете луны, на холодном ветру. В комнате миссис Бергфелд стояла на коленях перед телом мужа; его лицо было накрыто платком. Майкл положил ей руку на плечо; она посмотрела на него безумными глазами и снова опустила голову. Он отвел Боддика в сторону.

— Не подпускайте к ней Суэна. Я с ним поговорю.

Когда явилась полиция и доктор, Майкл подозвал парикмахера, который при лунном свете походил на призрак и казался очень расстроенным.

— Вы можете переночевать у нас, Суэн.

— Хорошо, сэр. Я не хотел обижать беднягу, но он так задирает нос, а у меня тоже есть свои заботы. Будто уж он один был такой несчастный. Когда следствие будет закончено, я отсюда уеду. Если я не попаду на солнце, я и сам скоро сдохну.

Майкл почувствовал облегчение: теперь Боддик останется один.

Когда он наконец вернулся домой с Суэном, Флер спала. Он не стал будить ее, но долго лежал, стараясь согреться, и думал о великой преграде на пути ко всякому спасению — о человеческой личности. И, не в силах отогнать образ женщины, склонившейся над неподвижным, холодным телом, тянулся к теплу молодого тела на соседней кровати.

Фотографические снимки пришлось ко времени. Три дня не было ни одной газеты, которая не поместила бы статейки, озаглавленной: «Трагедия в Букингемширской усадьбе», "Самоубийство немецкого

актера" или «Драма в Липпингхолле». Статью оживлял снимок: «Справа налево: мистер Майкл Монт — депутат от Мид-Бэкса, Бергфелд — немецкий актер, который повесился, миссис Бергфелд».

«Ивнинг Сан» поместила статью, скорее скорбную, чем гневную:

«Самоубийство немецкого актера в имении сэра Лоренса Монты Липпингхолле до известной степени гротескно и поучительно. Этот несчастный был одним из трех безработных, которых наметил для своих экспериментов молодой депутат от Мид-Бэкса, недавно обративший на себя внимание речью в защиту фоггартизма. Почему, проповедуя возвращение англичан „к земле“, он остановил свой выбор на немце, остается неясным. Этот инцидент подчеркивает бесплодность — всех дилетантских попыток разрешить проблему и изжить безработицу, пока мы все еще терпим в своей среде иностранцев, вырывающих кусок хлеба у наших соотечественников». В том же номере газеты была короткая передовица: «Иностранцы в Англии». Следствие собрало много народу. Было известно, что в домике жило трое мужчин и одна женщина, все ждали сенсационных разоблачений и были разочарованы, когда выяснилось, что любовный элемент ни При чем.

Флер с одиннадцатым баронетом вернулась в Лондон, а Майкл остался на похороны. Он шел на кладбище с Генри Боддиком, впереди шла миссис Бергфелд. Мелкий дождь моросил из туч, серых, как могильная плита; тисовые деревья стояли голые, темные. Майкл заказал большой венок и, когда его возложили на могилу, подумал: «Жертвоприношения! Сначала людей, потом агнцов, теперь вот цветы! И это прогресс?»

Нора Кэрфью согласилась принять миссис Бергфелд кухаркой в Бетнел-Грин, и Майкл отвез ее в Лондон на автомобиле. Во время этой поездки к нему вернулись мысли, забытые со времени войны. Человеческое сердце, одетое, застегнутое на все пуговицы обстановки,

интересов, манер, условностей, расы и классов, остается тем же сердцем, если его обнажит горе, любовь, ненависть или смех. Но как редко оно обнажается! Какие все в жизни одетые! Оно, пожалуй, и лучше — нагота обязывает к огромному напряжению. Он вздохнул свободно, когда увидел Нору Кэрфью, услышал ее бодрые слова, обращенные к миссис Бергфелд:

— Входите, дорогая моя, и выпейте чаю!

Она была из тех, в ком сердечная нагота не вызывает ни стыда, ни напряжения.

Когда он приехал домой. Флер была в гостиной. Над пушистым мехом щеки ее горели, словно она только что вернулась с мороза.

— Выходила, детка?

— Да, я... — Она запнулась, посмотрела на него как-то странно и спросила: — Ну что, покончил с этим делом?

— Да, слава богу! Я отвез бедняжку к Норе Кэрфью,

Флер улыбнулась.

— А, Нора Кэрфью! Женщина, которая живет для других и забывает о себе, не так ли?

— Совершенно верно, — резко сказал Майкл.

— Новая женщина. Я делаюсь окончательно старомодной.

Майкл взял ее за подбородок.

— Что с тобой, Флер?

— Ничего.

— Нет, что-то случилось.

— Видишь ли, надоедает оставаться за бортом, словно я гожусь только для того, чтобы возиться с Китом и быть пикантной.

Майкл, обиженный и недоумевающий, опустил руку. Действительно, он не советовался с ней по поводу своих безработных; он был уверен, что она его высмеет, скажет: «К чему это?» И в самом деле, к чему это привело?

— Если тебя что-нибудь интересует. Флер, ты всегда можешь меня спросить.

— О, я не хочу совать нос в твои дела! У меня и своих дел достаточно. Ты пил чай?

— Но скажи, что случилось?

— Дорогой мой, ты уже спрашивал, а я тебе ответила: ничего.

— Ты меня не поцелуешь?

— Конечно, поцелую. Сейчас купают Кита. Не хочешь ли посмотреть?

Каждый укол причинял боль. Она переживала какой-то кризис, а он не знал, что ему делать. Разве ей не приятно, что он ею восхищается, тянется к ней? Чего ей нужно? Чтобы он признал, что она интересуется положением страны не меньше, чем он? Но — так ли это?

— Ну, а я буду пить чай, — заявила она, — Эта новая женщина производит потрясающее впечатление?

Ревность? Нелепо! Он ответил спокойно:

— Я не совсем тебя понимаю.

Флер посмотрела на него очень ясными глазами.

— О господи! — сказал Майкл и вышел из комнаты.

У себя в кабинете он сел перед «Белой обезьяной». Эта стратегическая позиция помогала ему проникнуть в глубь его семейных отношений. Флер всегда должна быть первой, хочет играть главную роль. Люди, которых она коллекционирует, не смеют жить своей жизнью! Эта мучительная догадка его испугала. Нет, нет! Просто-напросто она привыкла держать во рту серебряную ложку и не может с ней расстаться. Она недовольна, что он интересуется не только ею. Вернее, недовольна собой, потому что не может разделять его интересы. В конце концов это только похвально. Она возмущена своим эгоцентризмом. Бедная девочка! «Надо последить за собой, — думал Майкл, — а то, чего доброго, изобразишь современный роман в трех частях». И он задумался о научном течении, которое утверждает, что по симптомам можно определить причину всякого явления. Он вспомнил, как в детстве гувернантка запирала его в комнате, — с тех пор он ненавидел всякое

посягательство на свою свободу. Психологический сказал бы, что причина в гувернантке. Это неверно — для другого мальчика это могло бы пройти бесследно. Причина в характере, который наметился раньше, чем появилась гувернантка. Он взял с письменного стола фотографию Флер. Он любит это лицо, никогда не разлюбит. Если у нее есть недостатки — что ж, а у него их разве мало? Все это комедия, нечего вносить в нее трагический элемент. И у Флер есть чувство юмора. Или нет? И Майкл всматривался в лицо на фотографии...

Но, подобно многим мужьям, он ставил диагноз, не зная фактов.

Флер смертельно скучала в Липпингхолле. Даже коллекционировать министра ей надоело. Она скрывала свою скуку от Майкла, но самопожертвование обходится не дешево. В Лондон она вернулась враждебно настроенная к общественной деятельности. В надежде, что одна-две новые шляпы поднимут ее настроение, она отправилась на Бондстрит. На углу Бэрлингтон-стрит какой-то молодой человек остановился, приподнял шляпу.

— Флер!

Уилфрид Дезерт! Какой худой, загорелый!

— Вы!

— Да. Я только что вернулся. Как Майкл?

— Хорошо. Только он член парламента.

— Ой-ой-ой! А вы?

— Как видите. Хорошо провели время?

— Да. Я здесь только проездом. Восток затягивает.

— Зайдете к нам?

— Вряд ли. Кто раз обжегся...

— Да, обгорели вы основательно!

— Ну, прощайте, Флер. Вы совсем не изменились. С Майклом я где-нибудь увижусь.

— Прощайте! — Она пошла дальше, не оглядываясь, а потом пожалела, что не знает, оглянулся ли он.

Она отказалась от Уилфрида ради Майкла, который... который об этом забыл! Право же, она слишком самоотверженна!

А в три часа ей подали записку.

— Посыльный ждет ответа, мэм.

Она вскрыла конверт со штампом "Отель «Космополис»".

"Сударыня, Просим прощения за причиняемое Вам беспокойство, но мы поставлены в затруднительное положение. Мистер Фрэнсис Уилмот, молодой американец, с начала октября проживающий в нашем отеле, заболел воспалением легких. Доктор считает его состояние очень серьезным. Учитывая это обстоятельство, мы сочли нужным осмотреть его вещи, чтобы иметь возможность поставить в известность его друзей. Но никаких указаний мы не нашли, за исключением Вашей визитной карточки. Осмеливаемся вас просить, не можете ли Вы нам помочь в этом деле.

Готовый к услугам (подпись заведующего)".

Флер всматривалась в неразборчивую подпись и думала горькие думы. Джон прислал к ней Фрэнсиса словно для того, чтобы известить о своем счастье; а ее враг этого вестника перехватил! Но почему же эта дрянь сама за ним не ухаживает? Ах, вздор! Бедный мальчик! Лежит больной в отеле! Один-одинешенек!

— Позовите такси, Кокер.

Приехав в отель. Флер назвала себя, и ее проводили в номер 209. Там сидела горничная. Доктор, сообщила она, вызвал сиделку, но та еще не пришла.

Фрэнсис с пылающим лицом лежал на спине, обложенный подушками; глаза его были закрыты.

— Давно он в таком состоянии?

— Я замечала, что ему нездоровится, мэм, но слег он только сегодня. Должно быть, запустил болезнь. Доктор говорит, придется обернуть его мокрыми простынями. Бедный джентльмен! Он без сознания.

Фрэнсис Уилмот что-то шептал, видимо, бредил.

— Принесите чаю с лимоном, жидкого и как можно горячее.

Когда горничная вышла, Флер подошла к нему и положила руку на его горячий лоб.

— Ну как, Фрэнсис? Что у вас болит?

Фрэнсис Уилмот перестал шептать, открыл глаза и посмотрел на нее.

— Если вы меня вылечите, — прошептал он, — я вас возненавижу. Я хочу умереть, скорей!

Лоб его жег ей ладонь. Он снова начал шептать. Этот бессмысленный шепот пугал ее, но она оставалась на своем посту, освежая его лоб то одной, то другой рукой, пока горничная не вернулась с кружкой чая.

— Сиделка пришла, мэм.

— Дайте кружку. Ну, Фрэнсис, пейте!

Зубы у него стучали, он сделал несколько глотков и опять закрыл глаза.

— О, как ему плохо, — прошептала горничная. — Такой хороший джентльмен!

— Вы не знаете, какая у него температура?

— Я слышала, доктор сказал — около ста пяти. Вот сиделка.

Флер пошла ей навстречу и сказала:

— Это не совсем обычная история... видите ли, он хочет умереть. Я думаю, на него повлияла какая-нибудь любовная неудача. Помочь вам обернуть его?

Перед уходом она еще раз взглянула на Фрэнсиса. Ресницы у него были длинные и темные; он был похож на маленького мальчика.

Когда она вышла за дверь, горничная коснулась ее руки:

— Я нашла это письмо, мэм. Показать его доктору?

Флер прочла:

"Мой бедный мальчик!

Вчера мы были сумасшедшими. Ничего из этого не выйдет. Я — не из тех, что умирают от разбитого сердца, да и Вы не из этой породы, хотя сейчас, быть может, будете мне возражать. Возвращайтесь на Юг, к Вашему солнышку и к Вашим неграм, и забудьте обо мне. Я бы не выдержала. Я не могу быть бедной. Придется мне взять моего шотландца и идти намеченным путем. Не стоит мечтать об идиллии, для которой не создана ваша несчастная (в данный момент) Марджори.

Я это твердо решила. Больше ко мне не приходите — не нужно себя растравлять. М."

— Так я и думала, — сказала Флер, — я и сиделке сказала. Спрячьте это письмо и верните, если он выздоровеет. А если не выздоровеет — сожгите. Завтра я найду. — И, слабо улыбнувшись, она добавила: — Это не я написала.

— О, конечно, конечно, мэм... мисс... я и не думала! Бедный молодой джентльмен! Неужели нельзя ничем ему помочь?

— Не знаю. Думаю, что нельзя...

Все это Флер скрыла от Майкла и испытала приятное чувство мести. Не он один умалчивает о своих личных, то есть общественных, делах.

Когда он вышел, нетерпеливо бросив: "О господи!", она отошла к окну.

Странно было встретить Уилфрида! Сердце ее не дрогнуло, но досадно было не знать, сохранила ли она свою власть над ним. За окнами было так же темно, как в тот последний раз, что она его видела перед бегством на Восток, — лицо, прижатое к стеклу, которого она касалась рукой. «Кто раз обжегся...» Нет, она не хочет опять его мучить, не хочет подражать Марджори Феррар. Что, если бы Уилфрид не уехал на Восток, а заболел воспалением легких, как бедный Фрэнсис? Что бы она сделала? Дала бы ему умереть от тоски? И что делать теперь, когда она прочла это письмо? Рассказать обо всем Майклу? Нет, он считает ее легкомысленной, неответственной за свои поступки. Ну, что ж! Она его проучит. А как быть с сестрой Фрэнсиса, которая вышла замуж за Джона? Послать ей телеграмму? Но сиделка сказала, что на днях должен быть кризис. Невозможно приехать из Америки вовремя. Флер подошла к камину. Что представляет собой жена Джона? Тоже «новая женщина», вроде

Норы Кэрфью, или просто веселящаяся американка? Но моды у них в Америке, наверно, те же, хоть и не исходят из Парижа. Энн Форсайт! — Перед пылающим камином Флер передернулась, как от холода.

Она прошла к себе, сняла шляпу, взгляделась в свое изображение в зеркале. Лицо свежее, румяное, глаза ясные, лоб гладкий, волосы немножко прижаты. Она взбила их и пошла через коридор в детскую.

Одиннадцатый баронет спал и во сне имел вид энергичный и решительный. Возле кровати, уткнувшись носом в пол, лежал Дэнди; няня что-то шила у стола. Перед ней лежал иллюстрированный номер газеты; под одним из снимков была подпись: «Миссис Майкл Монт с сыном Китом и собачкой Дэнди».

— Как вам нравится, няня?

— Совсем не нравится, мэм; Кит вышел таким, точно он ничего не соображает, вытаращил глаза.

Флер взяла номер и заметила, что под ним лежит другая газета; увидела снимок: «Миссис Майкл Мэнт, очаровательная хозяйка лондонского салона, которая, по слухам, скоро должна выступить в качестве ответчицы в одном великосветском процессе». Выше был еще снимок: «Мисс Марджори Феррар, прелестная внучка маркиза Шропшир, невеста сэра Александра Мак-Гауна, члена парламента».

Флер по одной положила газеты обратно на стол.

XI. ТЕНИ

На обед, о котором так неожиданно вспомнила Марджори Феррар, ее пригласил Мак-Гаун. Когда она приехала в ресторан, он ждал в вестибюле.

— А где же все остальные, Алек?

— Больше никого не будет, — сказал Мак-Гаун.

Марджори Феррар попятилась к выходу.

— Я не могу обедать здесь вдвоем с вами.

— Я пригласил Ппинрринов, но они заняты.

— Ну, так я пообедаю у себя в клубе.

— Ради бога, останьтесь, Марджори. Мы возьмем отдельный кабинет. Подождите меня здесь, сейчас я это устрою.

Пожав плечами, она прошла в гостиную. Какая-то молодая женщина — ее лицо показалось ей знакомым — вошла вслед за ней, посмотрела на нее и вышла. Марджори Феррар тупо уставилась на стену, оклеенную бледно-серыми обоями; ей все еще мерещилось восторженное лицо Фрэнсиса Уилмота.

— Готово! — сказал Мак-Гаун. — Сюда наверх, третья дверь направо. Я сейчас приду.

Марджори Феррар участвовала в спектакле, бурно провела день и проголодалась. Сначала, во всяком случае, можно было пообедать, а затем уже приступить к неизбежному объяснению. Она пила шампанское, болтала и смотрела в горящие глаза своего поклонника. Эта красная физиономия, жесткие волосы, мощная фигура — какой контраст с бледным тонким лицом и стройной фигурой Фрэнсиса! Этот — мужчина, и очень милый, когда захочет. От него она могла получить все — за исключением того, что мог дать ей Фрэнсис. А нужно было сделать выбор — сохранить обоих, как она предполагала раньше, оказалось невозможным.

Когда-то она шла по острому гребню на Хелвеллине; справа была пропасть, слева пропасть, а она шла и думала, в какую сторону упасть. Не упала. И теперь, вероятно, тоже не упадет; только бы не растеряться!

Подали кофе. Она сидела на диване и курила. Она была наедине со своим женихом; как будет он себя держать?

Он бросил сигару и сел рядом с ней. Настал момент, когда она должна была встать и объявить, что разрывает помолвку. Он обнял ее за талию, притянул к себе.

— Осторожнее! Это мое единственное приличное платье! И вдруг она заметила в дверях какую-то фигуру. Раздался женский голос:

— О, простите... я думала...

Фигура исчезла.

Марджори Феррар встрепенулась.

— Вы видели эту женщину?

— Да, Черт бы ее побрал!

— Она за мной следит.

— Что такое?

— Я ее не знаю, но ее лицо мне знакомо. Она внимательно на меня смотрела, пока я ждала внизу.

Мак-Гаун бросился к двери, распахнул ее настежь. Никого! Он снова закрыл дверь.

— Черт возьми! Я бы этих людей... Слушайте, Марджори, завтра же я посылаю в газеты извещение о нашей помолвке!

Марджори Феррар, облокотившись на доску камина, смотрела в зеркало. «Какие бы то ни было моральные побуждения ей чужды!» Ну, так что ж? Ах, если бы только окончательно принять решение выйти за Фрэнсиса и удрать удрать от кредиторов, адвокатов, Алека! Но злоба одержала верх. Какая наглость! Следить за ней! Нет! Она не желает, чтобы торжествовала эта маленькая выскочка и старик с тяжелым подбородком!

Мак-Гаун поднес ее руку к губам, и почему-то эта ласка ее растрогала.

— Ну, что ж! — сказала она. — Пожалуй, я согласна.

— Наконец-то!

— Неужели для вас это действительно счастье?

— Чтобы добиться вас, я пошел бы на что угодно.

— А после? Ну-с, раз наша помолвка будет всем известна, можно спуститься вниз и потанцевать.

Они танцевали около часа. Она не позволила ему проводить ее домой; в такси она плакала. Приехав домой, она тотчас же написала Фрэнсису и вышла, чтобы опустить письмо. Звезды были холодные, ветер холодный, ночь холодная! Опустив письмо в ящик, она засмеялась. Поиграли, как дети! Ну что ж, это было очень забавно! С этим покончено! «Танцуем дальше!»

Поразительно, какое впечатление производит маленькая заметка в газетах! Кредит, словно нефтяной фонтан, взвился к небесам. Теперь по почте приходили не счета от поставщиков, а предложения купить меха, цветы, перья, вышивки. Весь Лондон был к ее услугам. Чтобы скрыться от этой лавины циничных услуг, она заняла сто фунтов и бежала в Париж. Там каждый вечер ходила в театр, сделала себе новую прическу, заказала несколько платьев, обедала в ресторанах, известных очень немногим. На душе у нее было тяжело.

Через неделю она вернулась и сожгла весь ворох посланий. К счастью, все поздравительные письма кончались словами: «Конечно, вы не ответите». И она действительно не ответила. Погода стояла теплая; Марджори Феррар каталась верхом в Хайд-парке и собиралась ехать на охоту. Накануне отъезда ей подали анонимную записку.

"Фрэнсис Уилмот заболел воспалением легких в тяжелой форме. На выздоровление не надеются. Он лежит в отеле «Космополис».

У нее замерло сердце, колени подогнулись, рука, державшая записку, задрожала; но мысли были ясны. Она узнала почерк «выскочки». Написана ли эта записка по просьбе Фрэнсиса? Он ее зовет? Бедный мальчик! Неужели она должна идти к нему, если он умирает? Она так ненавидит смерть. Может быть, ее зовут, потому что она одна может спасти его? Что означает эта записка? Но Марджори не страдала нерешительностью. Через десять минут она сидела в такси, через двадцать — была в отеле. Протянув свою визитную карточку, она сказала:

— У вас остановился мистер Уилмот, мой родственник. Я только что узнала, что он тяжело болен. Могу ли я переговорить с сиделкой?

Заведующий взглянул на карточку, потом испытующе посмотрел в лицо Марджори Феррар, позвонил и сказал:

— Конечно, мэм. Послушайте, проводите эту, леди в номер двести девять.

Бой проводил ее к лифту, а затем повел по ярко освещенному коридору, устланному бледно-серым ковром, мимо бесчисленных кремовых дверей. Марджори Феррар шла, опустив голову.

Бой безжалостно постучал в одну из дверей.

Дверь открылась. На пороге стояла Флер...

XII. ...СГУЩАЮТСЯ

Хотя, по мнению Сомса, Фрэнсис Уилмот мало походил на американца, но сейчас, как истый американец, он стремился сэкономить время.

Через два дня после первого визита Флер в его болезни наступил кризис, к которому он рвался, как жених к невесте. Но человеческая воля бессильна перед инстинктом жизни, и умереть ему не удалось. Флер вызвали по телефону; домой она вернулась, успокоенная словами доктора: «Теперь он выпутается, если нам удастся поднять его силы». Но в том-то и беда, что силы его падали, и ничем нельзя было сломить прогрессирующую апатию. Флер была серьезно встревожена. На четвертый день, когда она просидела у него больше часа, он открыл глаза.

— Что скажете, Фрэнсис?

— А все-таки я умру.

— Не говорите так, это не по-американски. Конечно, вы не умрете.

Он улыбнулся и закрыл глаза. Тогда она приняла решение.

На следующий день он был в том же состоянии, но Флер успокоилась. Посыльный вернулся с ответом, что мисс Феррар будет дома к четырем часам. Значит, сейчас она уже получила записку. Но придет ли она? Как плохо мы знаем людей, даже наших врагов!

Фрэнкс дремал, бледный и обессиленный, когда раздался стук в дверь. Флер вышла в гостиную, закрыла за собой дверь и выглянула в коридор. Пришла!

Быть может, во встрече двух врагов было что-то драматичное, но ни та, ни другая этого не заметили. Для них встреча была только очень неприятной. Секунду они смотрели друг на друга. Потом Флер сказала:

— Он очень слаб. Пожалуйста, присядьте, я его предупрежу, что вы здесь.

Флер прошла в спальню и закрыла дверь.

Фрэнсис Уилмот не пошевелился, но широко открыл сразу посветлевшие глаза. Флер показалось, что только теперь она узнала его глаза: словно кто-то поднес спичку и зажег в них огонек.

— Вы догадываетесь, кто пришел?

— Да, — голос прозвучал внятно, но тихо. — Да; но если я и тогда был недостаточно для нее хорош, то уж теперь — тем более. Скажите ей, что с этой глупой историей я покончил. — Флер душили слезы. — Поблагодарите ее за то, что она пришла, — сказал Фрэнсис и снова закрыл глаза.

Флер вышла в гостиную. Марджори Феррар стояла у стены, держа в зубах незажженную папиросу.

— Он благодарит вас за то, что вы пришли, но видеть вас не хочет. Простите, что я вас вызвала.

Марджори Феррар вынула изо рта папиросу; Флер заметила, что губы у нее дрожат.

— Он выздоровеет?

— Не знаю. Теперь, пожалуй, да. Он говорит, что «покончил с этой глупой историей».

Марджори Феррар сжала губы и направилась к двери, потом неожиданно оглянулась и спросила:

— Не хотите помириться?

— Нет, — сказала Флер.

Последовало молчание; потом Марджори Феррар засмеялась и вышла.

Флер вернулась к Фрэнсису Уилмоту. Он спал. На следующий день он почувствовал себя крепче. Через три дня Флер перестала его навещать: он был на пути к полному выздоровлению. Кроме того, Флер обнаружила, что за ней неотступно следует какая-то тень, как овечка за девочкой из песенки. За ней следят! Как забавно! И какая досада, что нельзя рассказать Майклу: от него она по-прежнему все скрывала.

В день ее последнего визита к Фрэнсису Майкл вошел, когда она переодевалась к обеду, держа в руке номер какого-то журнала.

— Вот послушай-ка, — сказал он.

В час, когда к божьей стекутся маслине

Ослики Греции, Африки, Корсики.

Если случайно проснется всесильный,

Снова заснуть не дадут ему ослики.

И, уложив их на райской соломе,

Полуживых от трудов и усталости,

Вспомнит всесильный, — и только он вспомнит,

Сердце его переполнится жалости:

"Ослики эти — мое же творение,

Ослики Турции, Сирии. Крита!" И среди маслин водрузит объявление:

«Стоило блаженства для богом забытых»

— Кто это написал? Похоже на Уилфрида.

— Правильно, — сказал Майкл, не глядя на нее. — Я встретил его во «Всякой всячине».

— Ну, как он?

— Молодцом.

— Ты его приглашал к нам?

— Нет. Он опять уезжает на Восток.

Что он, хочет ее поймать? Знает об их встрече? И она сказала:

— Я еду к папе, Майкл. Я получила от него два письма.

Майкл поднес к губам ее руку.

— Отлично, дорогая.

Флер покраснела; ее душили невысказанные слова. На следующий день она уехала с Китом и Дэнди. Вряд ли овечка последует за ней в «Шелтер».

Аннет с матерью уехала на месяц в Канны, и Сомс проводил зиму в одиночестве. Но зимы он не замечал, потому что через несколько недель дело должно было разбираться в суде. Освободившись от французского влияния, он снова стал склоняться в сторону компромисса. В настоящее время, когда была оглашена помолвка Марджори Феррар с Мак-Гауном, дело принимало новый оборот. По-иному отнесется английский суд к легкомысленной молодой леди теперь, когда она обручена с членом парламента, богатым и титулованным. Теперь они, в сущности, имеют дело с леди Мак-Гаун, а Сомс знал, каким опасным может быть человек, собирающийся жениться. Оскорбить его невесту — все равно что подойти к бешеной собаке.

Он нахмурился, когда Флер рассказала ему про «овечку». Как он и боялся, им платили той же монетой. И нельзя было сказать ей: «Я же тебе говорил!» — потому что это была бы неправда. Вот почему он настаивал, чтобы она к нему приехала, но из деликатности не открыл ей причины. Насколько ему удалось выяснить, ничего подозрительного в ее поведении не было с тех пор, как она вернулась из Липпингхолла, если не считать этих визитов в отель «Космополис». Но и этого было достаточно. Кто поверит, что она навещала больного только из сострадания? С такими мотивами суд не считается! Сомс был ошеломлен, когда она ему сообщила, что Майкл об этом не знает. Почему?

— Мне не хотелось ему говорить.

— Не хотелось? Неужели ты не понимаешь, в какое положение ты себя поставила? Потихоньку от мужа бегаешь к молодому человеку!

— Да, папа; но он был очень болен.

— Возможно, — сказал Сомс, — но мало ли кто болен?

— А кроме того, он был по уши влюблен в нее.

— Как ты думаешь, он это подтвердит, если мы его вызовем как свидетеля?

Флер молчала, вспоминая лицо Фрэнсиса Уилмота.

— Не знаю, — ответила она наконец. — Как все это противно!

— Конечно, противно, — сказал Сомс. — Ты поссорилась с Майклом?

— Нет, не поссорилась. Но он от меня скрывает свои дела.

— Какие дела?

— Как же я могу знать, дорогой?

Сомс что-то проворчал.

— Он бы возражал против твоих визитов?

— Конечно нет. Он был бы недоволен, если бы я не пошла. Ему нравится этот мальчик.

— В таком случае, — сказал Сомс, — либо тебе, либо ему, либо вам обоим придется солгать и сказать, что он знал. Я поеду в Лондон и переговорю с ним. Слава богу, мы можем доказать, что молодой человек действительно был болен. Если я наткнусь здесь на кого-нибудь, кто за тобой следит...

На следующий день он поехал в Лондон. В парламенте не заседали, и он пошел во «Всякую всячину». Он не любил этот клуб, прочно связанный в его представлении с его покойным кузеном молодым Джолионом, и сейчас же сказал Майклу:

— Куда нам пойти?

— Куда хотите, сэр.

— К вам домой, если у вас можно переночевать. Мне нужно с вами поговорить.

Майкл посмотрел на него искоса.

— Слушайте, — начал Сомс, когда они пообедали, — что случилось? Флер говорит, что вы скрываете от нее свои дела?

Майкл уставился на рюмку с портвейном.

— Видите ли, сэр, — проговорил он медленно, — конечно, я был бы рад держать ее в курсе всего, но не думаю, чтобы она этим действительно интересовалась. К общественной деятельности она относится равнодушно.

— Общественная деятельность! Я имел в виду личные ваши дела.

— Никаких личных дел у меня нет. А она думает, что есть?

Сомс прекратил допрос.

— Не знаю, она сказала «дела».

— Ну, можете ее разубедить.

— Гм! А результат тот, что она потихоньку от вас навещала этого молодого американца, который заболел воспалением легких в отеле «Космополис». Хорошо, что она не заразилась.

— Фрэнсиса Уилмота?

— Да, теперь он выздоровел. Но не в этом дело. За ней следили.

— О господи! — сказал Майкл.

— Вот именно. Видите, что значит не говорить с женой. Жены — странный народ; они этого не любят.

Майкл усмехнулся.

— Поставьте себя на мое место, сэр. Теперь я по профессии своей должен интересоваться положением страны; ну и втянулся, интересно. А Флер все это кажется вздором. Я ее понимаю; но, знаете, чем больше я втягиваюсь, тем больше боюсь, что ей будет скучно, тем больше молчу. У нее это вроде ревности.

Сомс потер подбородок. Оригинальная соперница — страна! Положение страны и его

нередко тревожило, но делать из этого причину ссоры между мужем и женой — что-то пресно; он в свое время знал не такие причины!

— Надо вам с этим покончить, — сказал он. — Это вульгарно.

Майкл встал.

— Вульгарно! Не знаю, сэр, но, мне кажется, то же самое мы наблюдали во время войны, когда мужья были вынуждены оставлять своих жен.

— Жены с этим мирились, — сказал Сомс. — Страна была в опасности.

— А сейчас она не в опасности?

Обладая врожденным недоверием к словесной игре, Сомс услышал в этих словах что-то неприличное. Конечно, Майкл — политический деятель; но обязанность его и ему подобных сохранять в стране порядок, а не сеять панику всякими глупыми разговорами.

— Поживите с мое и увидите, что при желании всегда можно найти повод волноваться. В сущности, все обстоит благополучно; фунт поднимается. А затем — неважно, что именно вы будете говорить Флер, но только бы что-нибудь говорили.

— Она не глупа, сэр, — сказал Майкл.

Сомс растерялся; этого он отрицать не мог и потому ответил:

— Ну, политические дела мало кого близко затрагивают. Конечно, женщина ими не заинтересуется.

— Очень многие женщины интересуются.

— Синие чулки.

— Нет, сэр, большей частью они носят чулки телесного цвета.

— А, эти! А что касается интереса к политике, повысьте пошлину на чулки и посмотрите, что из этого выйдет.

Майкл усмехнулся.

— Я это предложу, сэр.

— Вы очень ошибаетесь, — продолжал Сомс, — если считаете, что люди мужчины и женщины — согласятся забыть о себе ради вашего фоггартизма.

— Это мне все говорят, сэр. Я не хочу, чтобы меня и дома окатывали холодной водой, потому и решил не надоедать Флер.

— Послушайтесь моего совета и займитесь чем-нибудь определенным уличным движением, работой почты. Бросьте ваши пессимистические теории. Люди, которые говорят общими фразами, никогда не пользуются доверием. Во всяком случае, вам придется сказать, что вы знали о ее визитах в отель «Космополис».

— Конечно, сэр. Но неужели вы хотите, чтобы дело дошло до суда? Ведь этот процесс превратят в спектакль.

Сомс помолчал; он этого не хотел — а вдруг «они» все-таки это сделают?

— Не знаю, — ответил он наконец. — Этот тип — шотландец. Зачем вы его ударили по носу?

— Он первый дал мне по физиономии. Знаю, что мне представился прекрасный случай подставить другую щеку, но в тот момент я об этом не подумал.

— Должно быть, вы его обругали.

— Назвал грязной скотиной, больше ничего. Как вам известно, после моей речи он хотел меня опорочить.

Сомс находил, что этот молодой человек — его зять — слишком серьезно относится к своей особе.

— Ваша речь! Запомните одно: что бы вы ни говорили и что бы вы ни делали — все равно это ни к чему не приведет.

— В таком случае зачем же я заседаю в парламенте?

— Ну что ж! Не вы один. Государство — то же дерево: можно за ним ухаживать, но нельзя выкапывать его из земли, чтобы осмотреть корни.

На Майкла эта фраза произвела впечатление.

— В политике, — продолжал Сомс, — самое главное — сохранять присутствие духа и

не делать больше того, что вы должны делать.

— А как определить, что именно необходимо?

— Здравый смысл подскажет.

Встав, он начал рассматривать Гойю.

— Вы хотите купить еще картину Гойи, сэръ?

— Нет, теперь я бы вернулся к картинам английской школы.

— Патриотизм?

Сомс зорко посмотрел на него.

— Устраивать панику — отнюдь не значит быть патриотом, — сказал он. И не забудьте, что иностранцы радуются, когда у нас неурядицы. Не годится во весь голос говорить о наших делах!

С грузом этой, премудрости Майкл пошел спать. Он вспомнил, как после войны говорил: «Если будет еще война, ни за что не пойду». Теперь он знал, что непременно пошел бы опять. Значит, «Старый Форсайт» считает, что Он суетится зря? Так ли это? И фоггартизм — чушь? Что же, послушаться, заняться уличным движением? И все нереально? А его любовь к Флер? Как хочется, чтобы сейчас она была здесь. А тут еще Уилфрид вернулся! Рисковать своим счастьем ради чего? Старая Англия, как и «Старый Форсайт», не признает теорий. Большие начинания — только реклама. Рекламирует? Он? Ужасно неприятная мысль. Он встал и подошел к окну. Туман! Туман все превращает в тени; и самая ничтожная тень — он сам, непрактичный политик, близко принимающий к сердцу свою деятельность. Раз! Два! Большой Бэн! Сколько сердец заставил он вздрогнуть! Сколько снов нарушил своим мерным боем! Быть верхоглядом, как все, и предоставить стране спокойно сосать серебряную ложку!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. «ЗРЕЛИЩА»

В детстве Сомс очень любил цирк. С годами это прошло; теперь «зрелища» внушали ему чуть ли не отвращение. Юбилеи, парады, день лорд-мэра, выставки, состязания — всего этого он не любил. Его раздражала толпа людей с разинутыми ртами. Модные туалеты он считал признаком слабоумия, а коллективный восторг — громкой фальшью, которая оскорбляла его замкнутую натуру. Не будучи глубоким знатоком истории, он все же считал, что народы, увлекающиеся «зрелищами», стоят на грани вырождения. Правда, похороны королевы Виктории произвели на него впечатление — особое было чувство в тот день, — но с тех пор все шло хуже и хуже. Теперь все что угодно готовы превратить в «зрелище». Когда человек совершает убийство, все, кто читает газеты — в том числе и он сам, — так и набрасываются на подробности; а уж эти футбольные матчи, кавалькады — нарушают уличное движение, врываются в спокойные разговоры; публика просто помешалась на них!

Конечно, у «зрелищ» есть и хорошая сторона. Они отвлекают внимание масс. А показ насильственных действий — безусловно ценный политический прием. Трудно разевать рот от волнения и в то же время проливать кровь.

Чем чаще люди разевают рот, тем менее они расположены причинять вред другим и тем спокойнее может Сомс спать по ночам. Но все же погоня за сенсациями граничила, по его мнению, с болезнью, и, насколько он мог судить, никто от этой болезни не был застрахован.

Проходили недели; слушалось одно дело за другим, и «зрелище», которое собирались сделать из его дочери, Представлялось ему все более чудовищным. Он инстинктивно не доверял шотландцам — они были упрямы, а он не терпел в других этого свойства, столь присущего ему самому. Кроме того, шотландцы казались ему людьми несдержанными: то они слишком мрачны, то слишком веселы, вообще — сумасбродный народ! В середине

марта — дело должно было разбираться через неделю — он сделал рискованный шаг и отправился в кулуары палаты общин. Об этой своей последней попытке он никому не сказал; ему казалось, что все — и Аннет, и Майкл, и даже Флер сделали все возможное, чтобы примирение не состоялось.

Передав свою визитную карточку, он долго ждал в просторном вестибюле. Он не думал, что потеряет здесь столько времени. Некоторое утешение принесли ему статуи. Сэр Стэффорд Норткот — вот молодец; на обедах у старых Форсайтов в восьмидесятых годах разговоры о нем были так же обязательны, как седло барашка. Даже «этот Гладстон» казался вполне сносным теперь, когда его вылепили из гипса или из чего их там делают. Такой может не нравиться, но мимо него не пройдешь — не то что теперешние. Он пребывал в трансе перед лордом Грэнвилем, когда наконец раздался голос:

— Сэр Александр Мак-Гаун.

Сомс увидел коренастого человека с красной физиономией, жесткими черными волосами и подстриженными усами; он спустился по лестнице, держа в руке его визитную карточку.

— Мистер Форсайт?

— Да. Нельзя ли пойти куда-нибудь, где меньше народу?

Шотландец кивнул и провел его по коридору в маленькую комнату.

— Что вам угодно?

Сомс погладил свою шляпу.

— Это дело, — начал он, — так же неприятно для вас, как и для меня.

— Так это вы осмелились назвать «предательницей» леди, с которой я обручен?

— Совершенно верно.

— Не понимаю, как у вас хватило наглости явиться сюда и говорить со мной.

Сомс закусил губу.

— Я слышал, как ваша невеста назвала мою дочь «выскочкой», будучи у нее в гостях.

Вы хотите, чтобы эта нелепая история получила огласку?

— Вы глубоко ошибаетесь, думая, что вы с вашей дочерью можете безнаказанно называть «змеей», «предательницей» и «безнравственной особой» ту, которая будет моей женой. Извинение в письменной форме — с тем чтобы ее защитник огласил его на суде — вот ваш единственный шанс.

— Этого вы не получите. Другое дело, если обе стороны выразят сожаление. Что касается компенсации...

— К черту компенсацию! — резко перебил Мак-Гаун, и Сомс невольно почувствовал к нему симпатию.

— В таком случае, — сказал он, — жалею ее и вас.

— На что вы, черт возьми, намекаете, сэр?

— Узнаете в конце следующей недели, если не измените своего решения. Если дело дойдет до суда, мы за себя постоим.

Шотландец побагровел так, что Сомс на секунду испугался, как бы его не хватил удар.

— Берегитесь! Держите язык за зубами на суде!

— В суде мы не обращаем внимания на грубиянов.

Мак-Гаун сжал кулаки.

— Да, — сказал Сомс, — жаль, что я не молод. Прощайте!

Он прошел мимо Мак-Гауна и вышел в коридор. Дорогу в этом «садке для кроликов» он запомнил и вскоре добрался до вестибюля. Ну что ж! Последняя попытка не удалась! Больше делать нечего, но этот заносчивый субъект и его красавица пожалеют, что родились на свет. На улице его окутал холодный туман. Гордость и запальчивость! Не желая признать себя виновными, люди готовы стать мишенью насмешек и издевательств толпы. Шотландец, защищая «честь» женщины, идет на то, чтобы перемывали ее грязное белье! Сомс остановился: в самом деле, стоит ли раскапывать ее прошлое? Если он этого не сделает, она может выиграть дело; а если он затронет вопрос о ее прошлом и все-таки проиграет дело —

ему придется заплатить ей огромную сумму, быть может, тысячи. Необходимо принять какое-нибудь решение. Все время он успокаивал себя мыслью, что дело не дойдет до суда. Четыре часа! Пожалуй, еще не поздно заглянуть к сэру Джемсу Фоскиссону. Надо позвонить Николасу, пусть сейчас же устроит им свидание, и если Майкл дома, можно прихватить и его.

Майкл сидел в своем кабинете и с мрачным удовольствием рассматривал карикатуру на самого себя, нарисованную Обри Грином и помещенную в газете для великосветских кругов. Он был изображен стоящим на одной ноге и вопиющим в пустыне, на горизонте всходила сардоническая улыбка. Из рта у него, словно завитки табачного дыма, вырывалось слово «фоггартизм». Мистер Блайт в образе обезьяны, задрал голову, аплодировал ему передними лапами. Весь тон рисунка был беспощаден — он не язвил, он просто убивал на месте. Лицу Майкла было придано выражение полного удовольствия, какое бывает после сытного обеда, он словно упивался звуками собственного голоса. Даже друг, даже художник не понял, что пустыня напрашивается на шарж не меньше, чем пеликан! Карикатура ставила клеймо никчемности на все его замыслы. Она напомнила ему слова Флер: «А когда лейбористы уйдут, их сменят тори, и это время ты используешь для своих эксцентрических выходов». Вот реалистка! Она с самого начала поняла, что его ждет роль эксцентричного одиночки. Чертовски удачная карикатура! И никто не оценит ее лучше, чем сама жертва. Но почему никто не принимает фоггартизм всерьез? Почему? Потому что он скачет кузнечиком там, где все ходят шагом; люди, привыкшие ошупью пробираться в тумане, видят в новом учении только блуждающий огонек. Да, в награду за свои труды он остался в дураках! И тут явился Сомс.

— Я говорил с этим шотландцем, — сообщил он. — Он хочет довести дело до суда.

— О, неужели, сэр! Я думал, что вы этого не допустите.

— Он требует извинения в письменной форме. На это Флер не может согласиться: ведь не она виновата. Вы можете проехать со мной к сэру Джемсу Фоскиссону?

Они сели в такси и поехали в Темпл. Встретил их Николае Форсайт и за десять минут успел познакомить их со всеми слабыми сторонами дела.

— Кажется, ему доставляет удовольствие мысль о возможном поражении, прошептал Майкл, когда Николае повел их к сэру Джемсу.

— Жалкий субъект, но добросовестный, — отозвался Сомс. — Фоскиссон должен сам заняться этим делом.

Подождав, пока Николае напомнил знаменитому адвокату обстоятельства дела, они очутились в присутствии человека с очень большой головой и седыми бакенбардами. Сомс внимательно следил за выступлениями великого адвоката с тех пор, как остановил на нем свой выбор, и с удовольствием отметил, что в делах, имеющих отношение к вопросам морали, он неизменно выходит победителем. При ближайшем рассмотрении бакенбарды придавали сэру Джемсу чрезвычайно респектабельный вид. Трудно было себе представить его лежащим в кровати, танцующим или играющим в азартные игры. Говорили, что, несмотря на обширную практику, он отличается добросовестностью. Больше половины фактов он успевал изучить до суда, остальные постигал на ходу, во время процесса, а в крайнем случае — умело скрывал свою неосведомленность. «Очень молодой» Николае, которому были известны все факты, не мог посоветовать, какого курса держаться. Сэр Джемс знал ровно столько, сколько считал нужным знать. Переводя взгляд с Сомса на Майкла, он сказал:

— Несомненно, что это одно из тех дел, которые как бы сами напрашиваются на мировую сделку.

— Вот именно, — сказал Сомс.

Тон, каким было сказано это слово, привлек внимание сэра Джемса.

— Вы уже делали шаги в этом направлении?

— Да, я испробовал все, вплоть до последнего средства.

— Простите, мистер Форсайт, но что вы считаете «последним средством»?

— Полторы тысячи фунтов, и обе стороны выражают сожаление. А они соглашаются на полторы тысячи, но требуют извинения в письменной форме.

Великий адвокат погладил подбородок.

— Вы им предлагали извинение в письменной форме без этих полутора тысяч?

— Нет.

— А я склонен вам это посоветовать. Мак-Гаун очень богат. А словечки в письмах оскорбительные. Ваше мнение, мистер Монт?

— Она еще более резко отозвалась о моей жене.

Сэр Джемс посмотрел на Николаев.

— Позвольте, я забыл — как именно?

— «Высочка» и «охотница за знаменитостями», — коротко сказал Майкл.

Сэр Джемс покачал головой.

— «Безнравственная», «змея», «предательница», «лишена очарования» вы думаете, это слабее?

— Это не вызывает смеха, сэр. А в свете считаются только с насмешками.

Сэр Джемс улыбнулся.

— Присяжные — не великосветский салон, мистер Монт.

— Как бы там ни было, моя жена готова извиниться только в том случае, если и другая сторона выразит сожаление; и я нахожу, что она права.

Казалось, сэр Джемс Фоскиссон вздохнул свободнее.

— Теперь следует подумать, стоит ли использовать материал, представленный сыщиком, или нет? Если мы решим его использовать, то придется вызвать в качестве свидетелей швейцара и слуг... э-э... гм... мистера Кэрфью.

— Совершенно верно, — сказал Сомс. — Мы для того и собрались, чтобы решить этот вопрос.

Это прозвучало так, словно он сказал: «Объявляю конференцию открытой».

В течение пяти минут сэр Джемс молча просматривал донесение сыщика.

— Если это хотя бы частично подтвердится, — сказал он, — победа за нами.

Майкл отошел к окну. На деревьях уже появились крохотные почки; внизу на траве прихорашивались голуби. Донесся голос Сомса:

— Я забыл вам сказать, что они следят за моей дочерью. Конечно, ничего предосудительного она не делала, только навещала в отеле одного молодого американца, который опасно заболел.

— Навещала с моего согласия, — вставил Майкл, не отрываясь от окна.

— Можно будет его вызвать?

— Кажется, он сейчас в Борнмуте. Но он был влюблен в мисс Феррар.

Сэр Джемс повернулся к Сомсу.

— Если нельзя кончить дело миром, то лучше идти напролом. Думаю, что не следует ограничиваться вопросами о книгах, пьесе и клубах.

— Вы прочли эту сцену в «Прямодушном»? — осведомился Сомс. — И роман «Шпанская мушка»?

— Все это прекрасно, мистер Форсайт, но нельзя предвидеть, удовольствуются ли присяжные такого рода доказательствами.

Майкл отошел от окна.

— Меньше всего мне хотелось бы вторгаться в личную жизнь мисс Феррар, — сказал он. — Это отвратительно.

— Конечно. Но ведь вы хотите, чтобы я выиграл дело?

— Да, но не таким путем. Нельзя ли явиться в суд, ничего не говорить и уплатить деньги?

Сэр Джемс Фоскиссон улыбнулся и взглянул на Сомса; казалось он хотел сказать: «Зачем, собственно, вы привели ко мне этого молодого человека?»

Но Сомс думал о другом.

— Слишком рискованно говорить об этом мистере Кэрфью. Если мы проиграем, это нам обойдется тысяч в двадцать. Кроме того, они, несомненно, притянут к допросу мою дочь, а этого я хочу избежать. Нельзя ли ограничиться походом на современную мораль?

Сэр Джемс Фоскиссон заерзал на стуле, и зрачки его сузились; он три раза чуть заметно кивнул.

— Когда разбирается дело? — спросил он «очень молодого» Николаев.

— Должно быть, в четверг на будущей неделе. Судья — Брэн.

— Отлично. Мы с вами увидимся в понедельник. Всего хорошего.

Он откинулся на спинку стула и застыл. Сомс и Майкл не осмелились его тревожить. Они молча вышли на улицу, «очень молодой» Николаев остался поговорить с секретарем сэра Джемса. Дойдя до станции Темпл, Майкл сказал:

— Я зайду в редакцию «Аванпоста», сэр. Вы идете домой? Может быть, вы предупредите Флер?

— Сомс кивнул. Ну конечно! Все неприятное приходится делать ему!

II. «НЕ НАМЕРЕН ДОПУСТИТЬ»

В редакции «Аванпоста» мистер Блайт только что закончил разговор с одним из тех великих дельцов, которые производят такое глубокое впечатление на всех, с кем ведут конфиденциальную беседу. Если сэр Томас Локкит и не держал в своих руках всю британскую промышленность, то, во всяком случае, все склонны были так думать — до того (безапелляционно и холодно излагал он свою точку зрения. Он считал, что страна снова должна занять на мировом рынке то положение, какое занимала до войны. Все зависит от угля — препятствием является вопрос о семичасовом рабочем дне: но они, промышленники, «не намерены этого допустить». Надо во что бы то ни стало снизить себестоимость угля. Они не намерены допустить, чтобы Европа обходилась без английских товаров. Очень немногим были известны убеждения сэра Томаса Локкита, но эти немногие почитали себя счастливыми.

Однако мистер Блайт грыз ногти и отплевывался.

— Кто это был, с седыми усами? — осведомился Майкл.

— Локкит. Он «не намерен этого допустить».

— Да ну? — удивился Майкл.

— Совершенно ясно, Монт, что опасными людьми являются не политики, которые действуют во имя общего блага — иными словами, работают потихоньку, не спеша, — а именно эти крупные дельцы, преследующие свою личную выгоду. Уж они-то знают, чего хотят; и если дать им волю — они погубят страну.

— Что они затевают? — спросил Майкл.

— В данный момент — ничего, но в воздухе пахнет грозой. По Локкиту можно судить, сколь вредна сила воли. Он «не намерен допустить», чтобы кто-нибудь ему препятствовал. Он непрочь сломить рабочих и заставить их трудиться, как негров. Но это не пройдет, это вызовет гражданскую войну. В общем — скучно. Если опять вспыхнет борьба между промышленниками и рабочими, как нам тогда проводить фоггартизм?

— Я думал о положении страны, — сказал Майкл. — Как по-вашему, Блайт, не строим ли мы воздушные замки? Какой смысл убеждать человека, потерявшего одно легкое, что оно ему необходимо?

Мистер Блайт надул одну щеку.

— Да, — сказал он, — сто лет — от битвы при Ватерлоо до войны — страна жила спокойно; ее образ действий так устоялся, она так закоснела в своих привычках, что теперь все — и редакторы, и политики, и дельцы способны мыслить только в плане индустриализации. За эти сто спокойных лет центр тяжести в стране переместился, и потребуются еще пятьдесят спокойных лет, чтобы она пришла в равновесие. Горе в том, что этих пятидесяти лет нам не видать. Какая ни на есть заваруха — война с Турцией или

Россией, беспорядки в Индии, внутренние трения, не говоря уже о новом мировом пожаре, — и все наши планы летят к черту. Мы попали в беспокойную полосу истории, и знаем это, вот и живем со дня на день.

— Ну и что же? — мрачно сказал Майкл, вспоминая разговоры с министром в Лицпингхолле.

Мистер Блайт надул другую щеку.

— Молодой человек, не отступать! Фоггартизм сулит нам лучшее будущее, к нему мы и должны стремиться. Мы переросли все старые идеалы.

— Видели вы карикатуру Обри Грина?

— Видел.

— Ловко, не правда ли? В сущности, я пришел, чтобы сообщить вам, что это проклятое дело о дифамации будет разбираться через неделю.

Мистер Блайт подвигал ушами.

— Очень печально. Выиграете вы или проиграете — безразлично. Такие передраги вредят политической карьере. Но ведь до суда дело не дойдет?

— Мы бессильны что-либо изменить. Но наш защитник ограничится нападением на современную мораль.

— Нельзя нападать на то, что не существует.

— Вы хотите сказать, что не замечаете новой морали?

— Конечно. Попробуйте сформулируйте ее.

— «Не будь дураком, не будь скучным».

Мистер Блайт крякнул:

— В старину говорили: «Веди себя, как подобает джентльмену».

— Да, но теперь такого зверя не сыщешь.

— Кой-какие обломки сохранились: воспроизвели же неандертальского человека по одной половине черепа.

— Нельзя опираться на то, что считают смешным, Блайт.

— А, — сказал мистер Блайт, — ваше поколение, юный Монт, боится смешного и старается не отстать от века. Не так умно, как кажется.

Майкл усмехнулся.

— Знаю. Идемте в палату. Парсхэм проводит билль об электрификации. Может быть, услышим что-нибудь о безработице.

Расставшись с Блайтом в кулуарах, Майкл наткнулся в коридоре на своего отца. Рядом с сэром Лоренсом шел невысокий старик с аккуратно подстриженной седой бородкой.

— А, Майкл! Мы тебя искали. Маркиз, вот мой подающий надежды сын! Маркиз хочет, чтобы ты заинтересовался электрификацией.

Майкл снял шляпу.

— Не хотите ли пройти в читальню, сэр?

Он знал, что дед Марджори Феррар может быть ему полезен. Они уселись треугольником в дальнем углу комнаты, освещенной с таким расчетом, чтобы читающие не видели друг друга.

— Вы что-нибудь знаете об электричестве, мистер Монт? — спросил маркиз.

— Только то, сэр, что в этой комнате его маловато.

— Электричество необходимо всюду, мистер Монт.

Я читал о вашем фоггартизме; очень возможно, что это политика будущего, но ничего нельзя сделать до тех пор, пока страна не электрифицирована. Я бы хотел, чтобы вы поддержали этот билль Парсхэма.

И старый пэр приложил все усилия, чтобы затуманить мозг Майкла.

— Понимаю, сэр, — сказал, наконец Майкл. — Но этот билль приведет к увеличению числа безработных.

— Временно.

— Боюсь, что временных зол с меня хватит. Я убедился, что нелегко заинтересовать

людей будущими благами. Мне кажется, они придают значение только настоящему.

Сэр Лоренс захихикал.

— Дайте ему время подумать, маркиз, и десяток брошюр. Знаешь ли, дорогой мой, пока твой фоггартизм обречен пребывать в стойле, тебе нужна вторая лошадь.

— Да, мне уже советовали заняться уличным движением или работой почты. Кстати, сэр, знаете — наше дело попало-таки в суд. Слушается на будущей неделе.

Сэр Лоренс поднял бровь.

— Да? Помните, маркиз, я вам говорил о вашей внучке и моей невестке? Я об этом и хотел с вами побеседовать.

— Кажется, речь шла о диффамации? — сказал старый пэр. — Моя тетка...

— Ах да! Очень интересный случай! — перебил сэр Лоренс. — Я читал о нем в мемуарах Бэтти Монтекур.

— В старину диффамация нередко бывала пикантна, — продолжал маркиз. Ответчицу привлекли за следующие слова: «Кринолин скрывает ее кривобокость».

— Если можно что-нибудь сделать, чтобы предотвратить скандал, — пробормотал Майкл, — нужно действовать немедленно. Мы в тупике.

— Не можете ли вы вмешаться, сэр? — спросил сэр Лоренс.

У маркиза затряслась борода.

— Я узнал из газет, что моя внучка выходит замуж за некоего Мак-Гауна, члена палаты. Он сейчас здесь?

— Вероятно, — сказал Майкл. — Но я с ним поссорился. Пожалуй, сэр, лучше бы переговорить с ней.

Маркиз встал.

— Я ее приглашу к завтраку. Не люблю огласки. Ну-с, мистер Монт, надеюсь, что вы будете голосовать за этот билль и подумаете об электрификации страны. Мы хотим привлечь молодых людей. Пройду сейчас на скамью пэров. Прощайте!

Он быстро засеменял прочь, а Майкл сказал отцу:

— Если он не намерен этого допустить, пусть бы и Флер пригласил к завтраку. Как-никак в ссоре затронуты две стороны.

III. СОМС ЕДЕТ ДОМОЙ

А в это время Сомс сидел с одной из «сторон» в ее гостиной. Она выслушала его молча, но вид у нее был угрюмый и недовольный. Разве он имел представление о том, какой она чувствовала себя одинокой и ничтожной? Разве он знал, что брошенный камень разбил ее представление о самой себе, что слово «выскачка» ранило ее душу? Он не мог понять, что эта травма отняла у нее веру в себя, надежду на успех, столь необходимые каждому из нас. Огорченный выражением ее лица, озабоченный деталями предстоящего «зрелища» и мучительно стараясь найти способ избавить ее от неприятностей. Сомс молчал как рыба.

— Ты будешь сидеть впереди, рядом со мной, — сказал он наконец. — Я бы посоветовал тебе одеться скромно. Ты хочешь, чтобы твоя мать тоже была там?

Флер пожала плечами.

— Да, — продолжал Сомс, — но если она захочет, пусть пойдет. Слава богу, Брэн не любит отпускать шуточки. Ты была когда-нибудь на суде?

— Нет.

— Самое главное — не волноваться и ни на что не обращать внимания. Все они будут сидеть за твоей спиной, кроме присяжных, а они не страшные. Если будешь смотреть на них — не улыбайся.

— А что, они к этому чувствительны, папа?

Сомс не реагировал на столь легкомысленную реплику.

— Шляпу надень маленькую. Майкл пусть сядет слева от тебя. Вы уже покончили с этим... э-э... гм... умалчиванием?

— Да.

— И я бы этого не повторял. Он тебя очень любит.

Флер кивнула.

— Может быть, ты мне что-нибудь хочешь сказать? Ты знаешь, я ведь о тебе беспокоюсь.

Флер подошла и села на ручку его кресла; у него сразу отлегло от сердца.

— Право же, мне теперь все равно. Дело сделано. Надеюсь только, что ей не поздоровится.

Сомс лелеял ту же надежду, но был шокирован ее словами.

Вскоре после этого разговора он с ней расстался, сел в свой автомобиль и поехал домой, в

Мейплдерхем. Был холодный вечер, и Сомс закрыл окна. Ни о чем не хотелось думать. Он провел утомительный день и лениво радовался запаху стефанотиса, которым, по распоряжению Аннет, душили автомобиль. Знакомая дорога не наводила на размышления, он только подивился, как много всегда на свете народу между шестью и семью часами вечера. Он задремал, проснулся, опять задремал. Что это, Слау? Здесь он учился, прежде чем поступил в Молборо, и с ним молодой Николае и Сент-Джон Хэймен, а позже — еще кое-кто из молодых Форсайтов. Почти шестьдесят лет прошло с тех пор! Он помнил первый день в школе — с иголки новый мальчик в новом с иголки цилиндрике; в ящике от игрушек — лакомства, которыми снабдила его мать; в ушах звучат ее слова: «Вот, Сомми, маленький, угостишь — и тебя будут любить». Он думал растянуть это угощение на несколько недель; но не успел он достать первый пряник, как его ящиком завладели и намекнули ему, что недурно было бы съесть все сразу. За двадцать две минуты двадцать два мальчика значительно прибавили в весе, а сам он, оделяя других, получил меньше двадцать третьей доли. Ему оставили только пачку печенья с тмином, а он совсем не любил тмина. Потом три других новичка назвали его дураком за то, что он все раздарил, а не сберег для них, и ему пришлось драться с ними по очереди. Популярность его длилась двадцать две минуты и кончилась раз и навсегда. С тех самых пор он был настроен против коммунизма.

Подскакивая на мягком сиденье машины, он остро вспомнил, как его кузен Сент-Джон Хэймен загнал его в куст терновника и не выпускал добрых две минуты. Злые создания эти мальчишки! Мысль о Майкле, стремящемся удалить их из Англии, вызвала в нем чувство благодарности. А впрочем... даже с мальчиками у него связаны койкакие приятные воспоминания. Из своей коллекции бабочек он как-то продал одному мальчику двух сильно подпорченных «адмиралов» за шиллинг и три пенса. Снова стать мальчиком, а? И стрелять горохом в окна проходящего поезда; дома, на каникулах, пить черри-бренди; получить награду за то, что прочел наизусть двести строк из поэмы Вальтера Скотта лучше, чем Бэроуз-Яблочный Пирог, а? Что случилось с Бэроузом, у которого в школе всегда было столько денег, что его отец обанкротился? Бэроуз-Яблочный Пирог...

Улицы Слау остались позади. Теперь они ехали полями, и Сомс опустил раму, чтобы подышать воздухом. В окно ворвался запах травы и деревьев. Удалить из Англии мальчиков! Странное у них произношение в этих заморских краях! Впрочем, и здесь иногда такое услышишь! Вот в Слау за произношением следили, чуть что — мальчик получал по затылку. Он вспомнил, как его родители — Джемс и Эмили — в первый раз приехали его навестить, такие парадные — он с баками, она в кринолине; и противные мальчишки отпускали по их адресу обидные замечания. Вон их из Англии! Но в то время мальчикам некуда было уезжать. Он глубоко вдохнул запах травы. Говорят, Англия изменилась, стала хуже, чуть ли не гибнет. Вздор! Пахнет в ней по-прежнему! Вот в начале прошлого века Саймон, брат «Гордого Доссета», уехал мальчиком на Бермудские острова — и что же, дал он о себе знать? Не дал. Джон Форсайт и его мать — его, Сомса, неверная и все еще не совсем забытая жена — уехали в Штаты — дадут они еще о себе знать? Надо надеяться, что нет. Англия! Когда-нибудь, когда будет время и машина будет свободна, надо заглянуть на границу Дорсетшира и Девона, откуда вышли Форсайты. Там, насколько ему известно, ничего нет, и

никто об его поездке не узнает; но интересно, какого цвета там земля, и, наверно, там есть кладбище, и еще... А, проезжаем Мейденхед! Испортили реку эти виллы, отели, граммофоны! Странно, что Флер никогда не любила реку: должно быть, находит ее слишком мокрой и медленной; сейчас все сухое, быстрое, как в Америке. Но где сыскать такую реку, как Темза? Нигде. Водоросли и чистая, зеленая вода, можно сидеть в лодке и глядеть на коров, на тополя, на те вот большие вязы. Спокойно и тихо, и никто не мешает, и можно думать о Констэбле, Мэйсоне, Уокере.

Тут последовал легкий толчок; автомобиль, наткнувшись на что-то, остановился. Этот Ригз вечно на что-нибудь натывается! Сомс выглянул в окно. Шофер вылез и стал осматривать колеса.

— Что это? — спросил Сомс.

— Кажется, это была свинья, сэр.

— Где?

— Прикажете ехать дальше или пойти посмотреть?

Сомс огляделся по сторонам. Поблизости не было никакого жилья.

— Посмотрите.

Шофер исчез за автомобилем. Сомс сидел неподвижно.

Он никогда не разводил свиней. Говорят, свинья — чистоплотное животное. Люди не отдают должного свиньям. Было очень тихо. Ни одного автомобиля на дороге; в тишине слышно было, как ветер шелестит в кустах. Сомс заметил несколько звезд.

— Так и есть, свинья, сэр, она дышит.

— О! — сказал Сомс.

Если у кошки девять жизней, то сколько же у свиньи?

Он вспомнил единственную загадку, которую любил загадывать его отец: «Если полторы селедки стоят три с половиной пенсы, то сколько стоит рашпер?» Еще ребенком он понял, что ответить на это нельзя.

— Где она? — спросил он.

— В канаве, сэр.

Свинья была чьей-то собственностью, но раз она забилась в канаву, Сомс успеет доехать до дому раньше, чем пропажа свиньи будет обнаружена.

— Едем! — сказал он. — Нет! Подождите!

Он открыл дверцу и вышел на дорогу. Ведь все-таки свинья попала в беду.

— Покажите, где она.

Он направился к тому месту, где стоял шофер. В неглубокой канаве лежала какая-то темная масса и глухо всхрапывала, словно человек, заснувший в клубе.

— Мы только что проехали мимо коттеджей, — сказал шофер. — Должно быть, она оттуда.

Сомс посмотрел на свинью.

— Что-нибудь поломано?

— Нет, сэр. Крыло цело. Кажется, мы здорово ее двинули.

— Я спрашиваю про свинью,

Шофер тронул свинью кончиком башмака. Она завизжала, а Сомс вздрогнул. Какой бестолковый парень! Ведь могут услышать! Но как узнать, цела ли свинья, если не прикасаться к ней? Он подошел ближе, увидел, что свинья на него смотрит, и почувствовал сострадание. Что если у нее сломана нога? Снова шофер ткнул ее башмаком. Свинья жалобно завизжала, с трудом поднялась и, хрюкая, рысцой побежала прочь, Сомс поспешил сесть в автомобиль.

— Поезжайте! — сказал он.

Свиньи! Ни о чем не думают, только о себе; да и хозяева их хороши вечно ругают автомобили. И кто знает, может быть, они правы! Сомсу почудилось, что внизу у его ног блестят свиные глазки. Не завести ли ему свиней, теперь, когда он купил этот луг на другом берегу реки? Есть сало своих собственных свиней, коптить окорока! В конце концов это

было бы неплохо. Чистые свиньи, прекрасно откормленные! И старик Фоггарт говорит, что Англия должна кормить самое себя и ни от кого не зависеть, если снова разразится война... Он потянул носом: пахнет печеным хлебом. Рэдинг — как быстро доехали! Хоть печенье в Англии свое! Поедать то, что производят другие страны, даже неприятно — точно из милости кормят! Есть в Англии и мясо, и пшеница; а что касается годного для еды картофеля, то его нигде, кроме как в Англии, не найти — ни в Италии, ни во Франции, Вот теперь хотят снова торговать с Россией, Эти большевики ненавидят Англию, Есть их хлеб и яйца, покупать их сало и кожи? Недостойно!

Автомобиль круто повернул, и Сомса швырнуло на подушки. Вечно этот Ригз гонит на поворотах! Деревенская церковь — старенькая, с коротким шпилем — вся обросла мхом; такую церковь увидишь только в Англии: могилы, полустертые надписи, тисы. И Сомс подумал: когда-нибудь и его похоронят. Быть может, здесь. Ничего вычурного не нужно. Простой камень, на камне только его имя: «Сомс Форсайт», — как та могила в Хайгете, на которой он тогда сидел. Незачем писать: «Здесь покоится», — конечно покоится! Ставить ли крест? Должно быть, поставят, хочет он того или нет. Он бы предпочел лежать где-нибудь в сторонке, подальше от людей; а над могилой яблоня. Чем реже о нем будут вспоминать, тем лучше. Вот только Флер... а ей некогда будет думать о нем!

Автомобиль спустился с последнего невысокого холма к реке. Сквозь листву тополей мелькнула темная вода. Словно струилась, таясь, душа Англии. Автомобиль свернул в аллею и остановился у подъезда. Не стоит пока говорить Аннет, что дело передано в суд, — она не поймет его состояния, нет у нее нервов!

IV. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Было решено, что Марджори Феррар венчается в первый день пасхального перерыва ; медовый месяц проводит в Лугано; приданое заказывает в ателье Клотильд; жить будет на Итон-сквер; на булавки будет получать две тысячи фунтов в год; кого она любит — решено не было. Получив по телефону приглашение позавтракать у лорда Шропшир, она удивилась. Что это ему вздумалось?

Однако на следующее утро в пять минут десятого она входила в покои предков, оставив дома нетронутыми почти всю пудру и грим. Быть может, дед неодобрительно относится к предстоящей свадьбе? Или же хочет подарить бабушкины кружева, которые годны только для музея?

Маркиз сидел перед электрическим камином и читал газету. Когда вошла Марджори, он зорко на нее посмотрел.

— Ну что, Марджори? Сядем к столу, или ты предпочитаешь завтракать стоя? Вот каша, рыба, омлет. А-а, есть и грейпфруты — очень приятно! Ну-ка, разливай кофе!

— Что вам предложить, дедушка?

— Благодарю, я возьму всего понемножку. Итак, ты выходишь замуж. Хорошая партия?

— Да, говорят.

— Я слышал, он член парламента. Не можешь ли ты заинтересовать его этим биллем Парсхэма об электрификации?

— О да! Он сам увлекается электрификацией.

— Умный человек. Кажется, у него есть какие-то заводы? Они электрифицированы?

— Должно быть.

Маркиз снова на нее посмотрел.

— Ты понятия об этом не имеешь, — сказал он. — Но выглядишь ты прелестно. Что это за дело о дифамации?

Ах, вот оно что! Дед всегда все знает. Ничто от него не укроется.

— Вряд ли это вас заинтересует, дедушка.

— Ошибаешься. Мой отец и старый сэр Лоренс Монт были большими друзьями.

Неужели ты хочешь перемывать белье на людях?

— Я не хочу.

— Но ведь ты истица?

— Да.

— На что же ты жалуешься?

— Они плохо обо мне отзывались.

— Кто?

— Флер Монт и ее отец.

— А, родственники этого чаеоторговца. Что же они говорили?

— Что я понятия не имею о нравственности.

— А ты имеешь?

— Такое же, как и все.

— Что еще?

— Что я — змея.

— Вот это мне не нравится. Почему же они это сказали?

— Они слышали, как я назвала ее выскочкой. А она действительно выскочка.

Покончив с грейпфрутом, маркиз поставил ногу на стул, локоть на колено, оперся подбородком о ладонь и сказал:

— В наше время, Марджори, никакой божественной преграды между нашим сословием и другими нет; но все же мы — символ чего-то. Не следует об этом забывать.

Она сидела притихшая. Дедушку все уважают, даже ее отец, с которым он не разговаривает. Но чтобы тебя называли символом — нет, это уж слишком скучно! Легко говорить дедушке в его возрасте, когда у него нет никаких соблазнов! И потом, по воле хваленых английских законов, она-то ведь не носит титула. Правда, как дочь лорда Чарльза и леди Урсулы она не любит, чтобы ею распоряжались, но никогда она не хвасталась, всегда хотела, чтобы в ней видели просто дочь богемы. Да, в конце концов она действительно символ — символ всего нескудного, немецанского.

— Я пробовала помириться, дедушка, она не захотела.

Налить вам кофе?

— Да, налей. Скажи мне, а ты счастлива?

Марджори Феррар передала ему чашку.

— Нет. А кто счастлив?

— Я слышал, ты будешь очень богата, — продолжал маркиз. — Богатство дает власть, а ее стоит использовать правильно, Марджори. Он — шотландец, не так ли? Он тебе нравится?

Снова он зорко на нее посмотрел.

— Иногда.

— Понимаю. У тебя волосы рыжие, будь осторожна.

Где вы будете жить?

— На Итон-сквер. И в Шотландии у него есть имение.

— Электрифицируйте ваши кухни. Я у себя здесь электрифицировал. Это прекрасно действует на настроение кухарки, и кормят меня прилично. Но вернемся к вопросу о дифамации. Не можете ли вы обе выразить сожаление? Зачем набивать карманы адвокатов?

— Она не хочет извиниться первая, я тоже не хочу.

Маркиз допил кофе.

— В таком случае, что же вам мешает договориться? Я не хочу огласки, Марджори. Каждый великосветский скандал забивает новый гвоздь в крышку нашего гроба.

— Если хотите, я поговорю с Алеком.

— Поговори. У него волосы рыжие?

— Нет, черные.

— А! Что подарить тебе на свадьбу? Кружева?

— Нет, дедушка, только не кружева! Никто их не носит.

Маркиз склонил голову набок и посмотрел на нее, словно хотел сказать: «Никак не могу отделаться от этих кружев».

— Может быть, подарить тебе угольную шахту? Со временем она будет приносить доход, если ее электрифицировать.

Марджори засмеялась.

— Я знаю, что у вас материальные затруднения, дедушка, но право же, шахта мне не нужна: это требует больших расходов. Дайте мне ваше благословение, вот и все.

— Может быть, мне заняться продажей благословений? — сказал маркиз. Твой дядя Дэнджерфилд увлекся сельским хозяйством; он меня разоряет. Вот если бы он выращивал пшеницу с помощью электричества, тогда бы это могло окупиться. Ну, если ты уже позавтракала, ступай. Мне надо работать.

Марджори Феррар, которая только начала завтракать, встала и пожала ему руку. Славный старик, но всегда так спешит...

В тот вечер она была в театре, и Мак-Гаун рассказал ей о визите Сомса. Марджори Феррар воспользовалась удобным случаем.

— О боже! Почему вы не покончили с этим делом, Алек? Неприятная история И мой дед недоволен.

— Если они принесут извинение, — сказал Мак-Гаун, — я завтра же прекращаю дело, Но извиниться они должны.

— А мне что делать? Я не намерена служить мишенью.

— Бывают случаи. Марджори, когда нельзя уступать. С начала до конца они вели себя возмутительно.

Она не удержалась и спросила:

— Как вы думаете, Алек, какая я на самом деле? Мак-Гаун погладил ее обнаженную руку.

— Я не думаю, я знаю.

— Ну?

— Вы отважная.

Забавное определение! Даже верное, но...

— Вы хотите сказать, что мне нравится дразнить людей и потому они считают меня не такой, какая я в действительности. Но допустим, — она смело посмотрела ему в глаза, — что они правы?

Мак-Гаун сжал ее руку.

— Вы не такая, и я не допущу, чтобы о вас так говорили.

— Вы думаете, что процесс меня обелит?

— Я знаю цену сплетням и знаю, какие слухи о вас распускают. Люди, распускающие эти сплетни, получают хороший урок.

Марджори Феррар перевела взгляд на опущенный занавес, засмеялась и сказала:

— Мой друг, вы ужасно провинциальны.

— Я предпочитаю идти прямой дорогой.

— В Лондоне нет прямых дорог. Лучше обойти стороной, Алек, а то споткнетесь.

Мак-Гаун ответил просто:

— Я верю в вас больше, чем вы в себя верите.

Смущенная и слегка растроганная, она была рада, что в эту минуту поднялся занавес.

После этого разговора ей уже не так хотелось покончить дело миром. Ей казалось, что процесс окончательно разрешит и вопрос о ее браке. Алек будет знать, что она собой представляет; по окончании процесса ей уже нечего будет скрывать, и она или не выйдет за него, или он возьмет ее такой, какая она есть. Будь что будет! И тем не менее вся эта история очень неприятна, в особенности те вопросы адвокатов, которые ей скоро предстоит выслушать. Например, ее спросят: какое впечатление произвели письма Флер на ее друзей и знакомых? Чтобы выиграть дело, необходимо этот пункт выяснить. Но что она может сказать? Одна чопорная графиня и одна миллионерша из Канады, которая вышла замуж за

разорившегося баронета, пригласили ее погостить, а потом от приглашения отказались. Ей только сейчас пришло в голову сопоставить их отказ с этими письмами. Но больше никаких данных у нее нет; обычно люди не говорят вам в глаза, что они о вас слышали или думают. А защитник будет распространяться об оскорбленной невинности. О господи! А что если огласить на суде свой символ веры, и пусть они расхлебывают кашу? В чем ее символ веры? Не подводить друзей; не выдавать мужчин; не трусить; поступать не так, как все; всегда быть в движении; не быть скучной; не быть «мещанкой»! Ой, какая путаница! Только бы не растеряться!

V. ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

В день суда Сомс проснулся в доме Уинифрид на Гринстрит и сразу почувствовал какое-то болезненное нетерпение. Поскорей бы наступило «завтра»!

Встречи с «очень молодым» Николасом Форсайтом и сэром Джемсом Фоскиссоном возобновились, и было окончательно решено повести атаку на современные нравы. Фоскиссон был явно заинтересован — может быть, у него свои счета с современными нравами; и если он покажет себя хотя бы в полсилы старика Бобстэя, который только что, восьмидесяти двух лет от роду, опубликовал свои мемуары, то эта рыжая кошка не выдержит и проговорится. Накануне Сомс отправился в суд посмотреть на судью Брэна и вынес благоприятное впечатление: ученый судья хотя и был моложе Сомса, но выглядел достаточно старомодным.

Почистив зубы и причесавшись, Сомс прошел в соседнюю комнату и предупредил Аннет, что она опоздает. В постели Аннет всегда выглядела очень молодой и хорошенькой, и, хотя ему это нравилось, но простить ей этого он не мог. Когда он умрет — так лет через пятнадцать, — ей не будет еще шестидесяти лет, и, пожалуй, она проживет после него годиков двадцать.

Добившись, наконец, того, что она проснулась и сказала: «Успеешь еще поскучать в суде. Сомс», он вернулся в свою комнату и подошел к окну. В воздухе пахло весной — даже обидно! Он принял ванну и тщательно выбрился; брился осторожно: не подобает являться в суд с порезанным подбородком! Затем заглянул к Аннет, чтобы посоветовать ей одеться поскромнее. На Аннет было розовое белье.

— Я бы на твоём месте надел черное платье.

Аннет посмотрела на него поверх ручного зеркала.

— Кого ты прикажешь мне соблазнить. Сомс?

— Конечно, эти люди явятся со своими друзьями; все, что бросается в глаза...

— Не беспокойся, я постараюсь выглядеть не моложе своей дочери.

Сомс вышел. Француженка! Но одеваться она умеет.

Позавтракав, он отправился к Флер. С Аннет остались Уинифрид и Имоджин — они тоже собирались в суд, точно в этом было что-нибудь веселое!

Элегантный, в цилиндре, он шел по Грин-парку, репетируя свои показания. Почки еще не налились — поздняя весна в этом году! И королевской семьи нет в городе. Он мельком взглянул на скульптуру перед Букингемским дворцом — мускулистые тела, большие звери — символ империи! Все теперь ругают и это, и памятник принцу Альберту, а ведь они связаны с эпохой мира и процветания, и ничего в них современного... Потом узким переулком, где пахло жареной рыбой, он пробрался на тихую Норт-стрит и долго смотрел на церковь Рэна, приютившуюся среди чистеньких небольших домов. Он никогда не заглядывал ни в одну церковь, кроме собора св. Павла, но, созерцая их снаружи, обычно набирался бодрости. Постройки все крепкие, не кричащие, вид у них независимый. На Саут-сквер он свернул в несколько лучшем настроении. В холле его встретил Дэнди. Сомс не питал страсти к собакам, но солидный, толстый Дэнди нравился ему гораздо больше, чем тот китайский недоносок, которого Флер держала раньше. Дэнди — собака с характером властным и настойчивым; уж он-то не проболтался бы, если б его вызвали свидетелем!

Подняв голову. Сомс увидел Майкла и Флер, спускавшихся по лестнице. Окинув беглым взглядом коричневый костюм Майкла и его галстук в крапинку, он впился глазами в лицо дочери. Бледна, но, слава богу, ни румян, ни пудры, и губы не подкрашены, ресницы не подведены. Прекрасно загримирована для своей роли! Синее платье выбрала с большим вкусом — вероятно, долго обдумывала. Желание подбодрить дочь заставило Сомса подавить беспокойство.

— Пахнет весной! — сказал он. — Ну что ж, едем?

Пока вызывали такси, он пытался рассеять ее тревогу.

— Вчера я пошел поглядеть на Брана; он очень изменился за то время, что я с ним знаком. Я один из первых стал поручать ему дела.

— Это плохо, сэр, — сказал Майкл.

— Почему?

— Он побоится, как бы его не сочли благодарным.

Остриг, как всегда!

— Славный народ наши судьи, — сказал Сомс.

— Не сомневаюсь, сэр. Как вы думаете, он когда-нибудь читает?

— Что вы хотите сказать? Что читает?

— Романы. Мы вот, в парламенте, не читаем.

— Романы читают только женщины, — сказал Сомс и пощупал платье Флер. —

Материя тонкая; надень мех.

Пока Флер ходила за мехом. Сомс спросил Майкла:

— Как она спала?

— Лучше, чем я, сэр.

— Это хорошо. А вот и такси. Держитесь подальше от этого шотландца.

— Да ведь я его каждый день вижу в палате.

— Ах да, — сказал Сомс. — Я забыл. Кажется, там вы на такого рода вещи внимания, не обращаете.

И, взяв под руку дочь, повел ее к автомобилю.

— Интересно, придет ли Блайт, — проговорил Майкл, когда они проезжали мимо редакции «Аванпоста».

Никто не ответил, и разговор иссяк.

Вид у здания суда был обычный, к подъезду спешили люди в черном и синем. «Тараканы!» — сказал Майкл.

В ответ на это сравнение Сомс толкнул его локтем; ему все это было так знакомо — гулкие залы, темные лестницы, душные коридоры.

Они приехали слишком рано и медленно поднимались по лестнице. В сущности, какой идиотизм! Вот они явились сюда — они и их противники, чтобы получить — что? Сомс удивлялся самому себе. Как он не настоял, чтобы Флер извинилась? Когда дело касалось других, вся судебная процедура казалась вполне естественной и разумной, но сейчас в это была замешана его дочь. Он быстро повел ее мимо клерков и свидетелей к дверям зала. Несколько слов вполголоса швейцару — и они вошли, сели. «Очень молодой» Николае был уже на месте, и Сомс устроился так, чтобы между ними оказался только сэр Джемс. Потом он окинул взглядом публику. Да, очевидно, все пронюхали! Он так и знал, ведь эта рыжая кошка у всех на виду. На задних скамьях сидели дамы, много дам; и публики все прибавлялось. Сомс резко повернулся: гуськом входили присяжные. Почему у них всегда такой простоватый вид? Сомс никогда не был присяжным. Он взглянул на Флер. Сидит рядом с ним, а о чем думает — неизвестно. А у Майкла очень уж торчат уши. Тут он заметил Аннет. Лучше бы она не пробиралась сюда вперед, не нужно обращать на себя внимания. Он посмотрел на нее, покачал головой и указал на задние скамьи. Ага, послушалась! Она, Уинифрид и Имоджин займут немало места: не худенькие. А все-таки остаются еще свободные места. Потом он вдруг увидел истицу, ее поверенного и МакГауна; вид у них очень самоуверенный, а эта наглая кошка улыбается! Стараясь не смотреть в ту сторону.

Сомс все же видел, как они уселись шагах в десяти от него. А вот и адвокаты! Фоскиссон и Булфри вместе, чуть что — не под руку. А через несколько минут они будут называть друг друга «уважаемый» и что есть силы топить один другого. Сомс задумался: не лучше ли было пригласить вместо Фоскиссона Булфри, некрасивого, широкоплечего, опытного, сухого. Сомс, Майкл и Флер сидели впереди; за ними Фоскиссон и его помощник. «Рыжая кошка» сидела между Сэтлуайтом и шотландцем, за ними Булфри с помощником. Теперь для полноты картины нехватало только судьи. А, вот и он! Сомс схватил Флер за локоть и заставил ее встать. Бум! Снова сели. У судьи Брэна одна щека как будто полнее другой; не болят ли у него зубы? Интересно, как это повлияет на ход дела?

Затем началась обычная «канитель»: сегодня будет слушаться такое-то дело, на будущей неделе такое-то и так далее. Наконец с этим покончили, и судья стал озираться по сторонам, словно осматривая поле битвы. Булфри встал:

— Если вы разрешите, милорд...

Он сделал обычное вступление, цветистыми фразами изобразил истицу... Внучка маркиза, обручена с членом парламента... быть может, с будущим премьером... вращается в самых блестящих кругах общества; женщина пылкая и смелая, пожалуй, слишком смелая... Вертихвостка!.. Потом обычное кисло-сладкое описание ответчицы... Богатая и тщеславная молодая леди. Какое нахальство!.. Присяжные должны помнить, что имеют дело с представителями ультрасовременного общества; однако и в этом обществе слова сохраняют свой первоначальный смысл!.. Гм... Дальше Булфри упомянул об инциденте в салоне Флер... конечно, преуменьшил его значение... А! Вот он намекает на него, Сомса... Человек богатый, влиятельный... Скажите, какая честь! А, он читает эти письма... сообщает, какое они произвели впечатление... конечно, старается приукрасить истицу!.. Истица вынуждена была принять меры... Вздор! Сейчас я вызову свидетельницу, миссис Ральф Ппинррин".

— Как пишется эта фамилия, мистер Булфри?

— Два "п", два "и", два "н" и два "р", милорд.

— Понимаю.

Сомс посмотрел на особу, носившую такую фамилию. Хорошенькая женщина, несколько легкомысленная на вид. Он внимательно прислушивался к ее показаниям. Она довольно точно передала инцидент у Флер. Через два дня она получила письмо, порочащее истицу. Как друг, сочла своим долгом уведомить мисс Феррар. Может подтвердить, как светская женщина, что этот инцидент и эти письма причинили вред мисс Феррар. Ей приходилось беседовать об этом со знакомыми. Публичный скандал. Инцидент вызвал большое возбуждение. Показала полученное письмо миссис Молтиз, оказалось, что та тоже получила письмо. Инцидент служит темой для разговоров. Гм!

Булфри сел. Фоскиссон встал.

Сомс подобрался. Вот теперь посмотрим, как он поведет перекрестный допрос, — это важно. Ну что ж — не плохо. Ледяной взгляд устремлен в пространство, когда он задает вопрос, обращается на свидетеля, когда он ждет ответа; рот приоткрыт, словно готов проглотить ответ, языком проводит по нижней губе; одна рука скрыта за спиной, в складках мантии.

— Разрешите задать вопрос, миссис... э-э... Ппинррин? Инцидент, как выразился мой уважаемый коллега, произошел в доме миссис Монт, не так ли? И вы были приглашены в качестве друга? Совершенно верно. Вы ничего не имеете против миссис Монт? Нет. И вы сочли нужным, сударыня, показать это письмо истице и вашим знакомым — иными словами, постарались раздуть пустячный инцидент? — Взгляд на свидетельницу, ждет ответа.

— Если бы кто-нибудь из моих друзей получил оскорбительное для меня письмо — не сомневаюсь, они сообщили бы мне.

— Даже если бы ваш друг знал мотивы, которые привели к написанию письма, и был не только вашим другом, но и другом того, кто письмо написал?

— Да.

— А не объясняется ли ваш поступок тем, что слишком уж было заманчиво раздуть эту

маленькую ссору? Не проще ли было бы разорвать письмо и никому ничего не говорить? Ведь ваше мнение о мисс Феррар измениться не могло, вы слишком хорошо ее знаете, не правда ли?

— Да-а.

— Прекрасно. Вы — друг ответчицы и истицы. Неужели вы не знали, что выражения, встречающиеся в письме, можно объяснить сплином и во всяком случае не следует придавать им значения?

— Ну нет!

— Как? Вы приняли их всерьез? Иными словами, вы нашли, что они справедливы?

— Конечно нет.

— Могли бы они повредить мисс Феррар, если бы в них не было ни намека на правду?

— Думаю, что да.

— Но на вас, на ее друга, они повлиять не могли?

— Не могли.

— Они повлияли на тех, кто о них и не узнал бы, если бы вы не оповестили. В сущности, сударыня, вы наслаждались всей этой историей, не так ли?

— Наслаждалась? Нет.

— Вы считали своим долгом огласить это письмо? А разве не радостно исполнять свой долг?

Сомс удержался от улыбки.

Фоскиссон сел. Булфри встал.

— Очевидно, вы, миссис Ппинррин, подобно многим людям, менее счастливым, чем мой ученый друг, сознавали, что иногда бывает тягостно исполнять свой долг?

— Да.

— Благодарю вас. Миссис Эдуард Молтиз.

Пока допрашивали свидетельницу, молодую толстенькую брюнетку. Сомс пытался угадать. Флер или «рыжая кошка» произвела большее впечатление на тех из присяжных, которые, видимо, были равнодушны к красоте. Он так и не пришел ни к какому выводу, когда поднялся сэр Джемс Фоскиссон.

— Скажите, пожалуйста, миссис Молтиз, какие выражения в письмах вы считаете наиболее обидными?

— Слово «предательница» в моем письме и «змея» в письме к миссис Ппинррин.

— Они более оскорбительны, чем другие?

— Да.

— Теперь я обращаюсь к вам за помощью, сударыня. Быть может, круг ваших знакомых несколько несходен с тем, в каком вращается истица?

— Да, пожалуй.

— Но они, так сказать, пересекаются?

— Да.

— Скажите, в каком кругу — в вашем или истицы — выражение «она не имеет представления о нравственности» считается более порочащим?

— Затрудняюсь ответить.

— Мне только хотелось знать ваше мнение. Как вы думаете, ваши знакомые столь же ультрасовременны, как и знакомые мисс Феррар?

— Пожалуй, нет.

— Всем известно, не правда ли, что люди ее круга свободны от всяких предрассудков и не признают условностей?

— Кажется, да.

— И все-таки ваши знакомые в достаточной мере современны, не «мещане»?

— Что такое, сэр Джемс?

— «Мещане», милорд, — очень распространенное выражение.

— Что оно означает?

— Старомодный, ретроград — вот что оно означает, милорд.
— Понимаю. Свидетельница, он спрашивает, не «мещанка» ли вы?
— Нет, милорд, надеюсь — нет.
— Вы надеетесь, что нет. Продолжайте, сэр Джемс.
— Не будучи мещанкой, вы, пожалуй, не взволновались бы, если бы вам кто-нибудь сказал: «Моя милая, вы не имеете представления о нравственности».
— Нет, не взволновалась бы, если бы это было сказано таким любезным тоном.
— Послушайте, миссис Молтиз, может ли это выражение, каким бы тоном оно ни было сказано, опорочить вас или ваших друзей?
— Да.
— Могу ли я вывести отсюда заключение, что люди вашего круга имеют то же представление о нравственности, что и... ну, скажем, милорд?
— Как может свидетельница ответить на такой вопрос, сэр Джемс?
— Скажем иначе: бывают ли люди вашего круга шокированы, когда их друзья разводятся или уезжают вдвоем на недельку, скажем, в Париж или в какое-нибудь другое местечко?
— Шокированы? Разве поступок, которого ты сам не сделаешь, непременно должен шокировать?
— Значит, вы не бываете шокированы?
— Не знаю, что может меня шокировать.
— Это было бы старомодно, не так ли?
— Пожалуй.
— Но скажите мне, если таковы взгляды людей вашего круга, — а ведь помните, вы сказали, что он не столь современен, как круг истицы, — то может ли быть, что слова «она не имеет представления о нравственности» причинили какой-либо вред истице?
— Люди нашего круга — это еще не весь мир.
— Конечно. Я даже полагаю, что это очень небольшая часть мира. Но разве вы или истица считаетесь...
— Как ей знать, сэр Джемс, с чем считается истица?
— Разве вы лично считаетесь с тем, что думают люди, стоящие вне вашего круга?
Сомс одобрительно кивнул. Этот свое дело знает! Он взглянул на Флер и заметил, что она смотрит на свидетельницу и слегка улыбается.
— Я лично не обращаю особого внимания даже на мнение людей моего круга.
— У вас характер более независимый, чем у истицы?
— Думаю, что не менее.
— Ее независимый характер всем известен?
— Да.
— Благодарю вас, миссис Молтиз.
Фоскиссон сел. Булфри встал.
— Я вызываю истицу, милорд.
Сомс приготовился.

VI. ПОКАЗАНИЯ

Марджори Феррар, довольно спокойная и только слегка накрашенная, подошла к перилам. На следующий день газеты упомянут о том, что на ней была черная шляпа и черный костюм, отделанный мехом шиншилла. Она поцеловала воздух около библии, перевела дыхание и повернулась к мистеру Булфри.

В течение последних пяти дней она негодовала, замечая, что этот процесс совершенно лишил ее воли. Она сама его затеяла, а теперь инициатива от нее ушла. Она открыла старую истину, что если уж машина ссоры завертелась, то недостаточно нажать кнопку, чтобы остановить ее. Если ничего не выйдет — поделом Алеку и адвокатам!

Ровный голос мистера Булфри успокоил ее. Вопросы были знакомые, к ней возвращалась уверенность в себе, ее голос звучал четко, приятно. Она держалась свободно, чувствуя, что ее показания интересуют судью, присяжных, публику. Если б только не сидела здесь эта «выскачка» с каменным лицом! Когда наконец мистер Булфри сел, а сэр Джемс Фоскиссон встал, она едва не поддалась желанию напудрить нос. Однако она поборола это желание и сжала руками перила; впервые за это утро холодок пробежав у нее по спине. И что за манера — почему он на нее не смотрит?

— Вам когда-нибудь приходилось судиться, мисс Феррар?

— Нет.

— Вполне ли вы уясняете себе значение присяги?

— Вполне.

— Вы сообщили моему другу, мистеру Булфри, что не питали никакой вражды к миссис Монт. Будьте любезны взглянуть на эту заметку в «Ивнинг Сан» от третьего октября. Это вы писали?

Марджори Феррар почувствовала себя так, словно из оранжереи выскочила на мороз. Так, значит, им все известно?

— Да, я.

— Она заканчивается так: «Предприимчивая молодая леди пользуется случаем создать свой „салон“, спекулируя на любопытстве, порождаемом политическим авантюризмом». Вы имели в виду миссис Монт?

— Да.

— Не очень-то хорошо отзываться в таком тоне о друге, а?

— Не вижу ничего плохого.

— Иными словами, вы бы остались довольны, если бы это было сказано о вас?

— Будь я на ее месте, я бы этого ждала.

— Вы уклоняетесь от ответа. А вашему отцу приятно было бы прочесть такую заметку о вас?

— Мой отец не стал бы читать этого отдела.

— Значит, вы удивляетесь, что отец миссис Монт прочел? И вы часто помещаете такие незлобивые заметки о ваших друзьях?

— Не часто.

— Так, время от времени? И после этого они остаются вашими друзьями?

— Вращаясь в свете, трудно сказать, кто вам друг, а кто нет.

— Вполне с вами согласен, мисс Феррар. Отвечая на вопросы мистера Булфри, вы признали, что, находясь в гостях у миссис Монт, вы сделали два-три критических замечания — я цитирую ваши слова — по адресу хозяйки дома. Вы часто, бывая в гостях, презрительно отзываясь о хозяйке дома?

— Нет, и во всяком случае я не думала, что кто-нибудь подслушивает.

— Понимаю: пока не попался, все обстоит благополучно, не так ли? Скажите, в октябре прошлого года, будучи в гостях у миссис Монт, вы в разговоре с мистером Филипом Куинси не назвали хозяйку дома «выскачкой»?

— Не помню, вряд ли.

— А вы подумайте. Вы слышали показания миссис Пинррин и миссис Молтиз. Миссис Молтиз, если вы помните, сказала, что мистер Форсайт — отец миссис Монт — обратился к вам с такими словами: «Вы назвали мою дочь выскачкой, находясь у нее в гостях. Будьте добры удалиться; вы — предательница». Так было дело?

— Вероятно.

— Вы полагаете, что он выдумал слово «выскачка»?

— Я полагаю, что он ошибся.

— Не очень красивое слово — «выскачка», не правда ли? Но если вы этого не говорили, то почему он назвал вас предательницей?

— Я не знала, что он подслушивает. Не помню, что именно я говорила.

— Мистер Форсайт даст показания, и это освежит вашу память. Но, насколько мне известно, вы назвали ее выскочкой не один, а два раза?

— Я вам сказала, что не помню. Он не должен был слушать.

— Прекрасно. Значит, вы очень рады, что поместили эту заметку и говорили оскорбительные вещи о миссис Монт, находясь у нее в гостях?

Марджори Феррар до боли в ладонях сжала перила. Этот голос приводил ее в бешенство.

— И тем не менее, мисс Феррар, вы возмущаетесь, когда другие говорят неприятные вещи о вас. Кто посоветовал вам обратиться в суд?

— Сначала мой отец, потом мой жених.

— Сэр Александр Мак-Гаун. Он возвращается в вашем кругу?

— Нет, в парламентских кругах.

— Прекрасно. А ему известны те нормы поведения, какие приняты в вашем кругу?

— Между отдельными кружками нет резких границ.

— Благодарю за сообщение, мисс Феррар. Скажите мне, вы знаете, каково понятие друзей сэра Александра о морали и нормах поведения?

— Думаю, что разницы почти нет.

— Вы хотите сказать, мисс Феррар, что общественные деятели столь же легкомысленно относятся к нормам поведения и вопросам морали, как и вы?

— Почему вы предполагаете, сэр Джемс, что она относится легкомысленно?

— Что касается поведения, милорд, то из ее ответов явствует, как легкомысленно она относится — ну, скажем, к своим обязанностям по отношению к хозяйке дома. К вопросу о нравственности я сейчас перейду.

— Да, перейдите, а затем уже делайте выводы. Какое отношение к этому имеют общественные деятели?

— Я хочу сказать следующее, милорд: эта леди страшно возмущена словами, на которые имеет полное право обидеться общественный деятель или рядовой гражданин, но не она и не те, кто разделяет ее взгляды.

— В таком случае вы должны выяснить, каковы ее взгляды. Продолжайте!

Марджори Феррар, едва передохнув, опять взяла себя в руки. Ее взгляды!

— Скажите, мисс Феррар, общественные деятели более старомодны, чем вы?

— Быть может, они скажут — да.

— А вы думаете, что они лицемерят?

— Я вообще о них не думаю.

— Хотя за одного из них выходите замуж? Вы недовольны словами «представления не имеет о нравственности». Скажите, вы читали роман «Шпанская мушка»?

Он показал ей книгу.

— Кажется, читала.

— Как! Вы не знаете?

— Я ее просмотрела.

— Сняли сливки, да? Вы прочли достаточно, чтобы иметь о ней представление?

— Да.

— Вы согласны с той точкой зрения, которая выражена в этом письме в журнал: «С этой книгой врывается как бы свежая струя в затхлую атмосферу Англии, осуждающей все более или менее смелые произведения искусства». Вы с этим согласны?

— Да. Я ненавижу ханжество.

— «Это, несомненно. Литература». Написано с большой буквы. Как ваше мнение?

— Литература — да. Может быть, не первоклассная.

— Но издать эту книгу следовало?

— Не вижу оснований, почему не следует ее издавать.

— Вам известно, что она издана за границей?

— Да.

— Но ее следовало бы издать в Англии?

— Конечно, это — книга не для всех.

— Пожалуйста, не уклоняйтесь от ответа. Как, по-вашему, этот роман «Шпанская мушка» следовало издать в Англии или нет?.. Я вас не тороплю, мисс Феррар.

Ничто от него не ускользает! А ведь она только на секунду приостановилась, соображая, куда он клонит.

— Да. Я считаю, что искусство должно быть свободно.

— Вы не одобрили бы запрещения этой книги?

— Нет.

— Вы не одобрили бы запрещения любой книги, если бы оно было сделано из моральных соображений?

— Как я могу сказать, не зная книги? Ведь никто не обязан читать все, что пишут.

— И вы считаете, что вашу точку зрения разделяют общественные деятели и рядовые граждане?

— Нет, не считаю.

— Но люди вашего круга с вами согласны?

— Надеюсь, что да.

— Противоположная точка зрения была бы старомодной?

— Да, пожалуй.

— И люди, стоящие на ней, — люди отсталые?

— В области искусства — да.

— А! Я так и думал, что мы доберемся до этого слова. Вы, вероятно, не связываете искусства с жизнью?

— Нет.

— Не думаете, что оно может иметь какое-нибудь влияние на жизнь?

— Не должно иметь.

— Если автор проповедует крайнюю разнузданность, то не может ли его книга повлиять на читателей, в особенности на молодежь?

— На меня такая книга не повлияла бы, а за других я не ручаюсь.

— Вот это эмансипированность!

— Не понимаю, что вы хотите сказать.

— Ведь то, что вы говорите об отрыве искусства от жизни, — не более, как эффектная болтовня; разве вы этого не сознаете?

— Конечно нет.

— Ну, скажем по-другому: могут ли люди с общепринятыми взглядами на мораль разделять ваше убеждение, что искусство не влияет на жизнь?

— Могут, если они культурны.

— Культурны! А вы сами верите в общепринятую мораль?

— Не знаю, что вы называете общепринятой моралью.

— Я вам объясню, мисс Феррар. Вот, например, одно из правил общепринятой морали: женщина не должна вступать в связь до брака и по выходе замуж не должна иметь любовников.

— А что вы скажете о мужчинах?

— Сейчас перейдем к мужчинам: мужчины не должны вступать в связь по крайней мере после заключения брака.

— Я бы не назвала это правило общепринятым.

Поддавшись желанию поиронизировать, Марджори Феррар поняла, что допустила ошибку. Судья повернулся к ней, заговорил:

— Я не совсем понял. Значит, вы стоите на той точке зрения, что женщина может вступать в связь и до и после брака?

— Я думаю, милорд, что общепринятая точка зрения такова. Во всяком случае это практикуется.

— Я вас не спрашиваю, является ли такая точка зрения общепринятой; я спрашиваю, считаете ли вы это нравственным?

— Мне кажется, очень многие считают это вполне допустимым, но только вслух не говорят.

Она заметила, что присяжные задвигались; сэр Александр уронил шляпу; кто-то громко высморкался; лица Булфри ей не было видно. Она почувствовала, что кровь заливает ей щеки.

— Пожалуйста, отвечайте на мой вопрос. Вы считаете это допустимым?

— По-моему, это зависит от обстоятельств, от темперамента.

— Для себя вы бы это допустили?

— На такой вопрос я не могу ответить, милорд.

— Не хотите отвечать?

— Нет, я просто не знаю.

И чувствуя, что едва не ступила на хрупкий лед, она опять увидела лицо Булфри, появившееся из-за носового платка.

— Хорошо. Продолжайте, сэр Джемс!

— Итак, мисс Феррар, тех из нас, кто не допускает такого поведения, вы, по-видимому, считаете лицемерами?

— Ведь это нечестно!

— Честным я еще успею себя показать, мисс Феррар.

— Работаете по плану, так?

— Поверьте, сударыня, лучше вам оставить свои острооты при себе. Вы считаете, что такая книга, как «Шпанская мушка», не может причинить вред?

— Не должна.

— В том случае, если бы мы все были так же культурны в вопросах искусства, как вы... — Издевается, негодяй! — Но ведь мы не столь культурны?

— Нет.

— Значит такая книга все же может принести вред. Но вас это не беспокоит. Я не собираюсь, милорд, читать выдержки из этой чрезвычайно неприятной книги. Вероятно, в связи с тем, что о ней дурно говорят, цена ее дошла до семи фунтов. Мне кажется, один этот факт может опровергнуть утверждение истицы, что так называемое «искусство» не влияет на жизнь. Не останавливаясь перед расходами, мы приобрели несколько экземпляров, и я попрошу присяжных во время перерыва просмотреть отмеченные места.

— У вас есть для меня экземпляр, сэр Джемс?

— Да, милорд.

— И для мистера Булфри?.. Если еще кто-нибудь засмеется, я прикажу очистить зал. Продолжайте, сэр Джемс.

— Вы знаете театральное общество «Nec plus ultra», мисс Феррар? Кажется, оно существует для того, чтобы ставить смелые пьесы?

— Пьесы — да; не знаю, что вы называете «смелыми».

— Например, русские пьесы; пьесы драматургов эпохи Реставрации?

— Да.

— И вы в них участвуете?

— Иногда.

— Не помните ли вы пьесы Уичерли «Прямодушный»? Ее ставили седьмого января. Вы играли роль Оливии?

— Да.

— Приятная роль?

— Очень хорошая роль.

— Я сказал «приятная».

— Мне не нравится это слово.

— Оно кажется вам слишком жеманным, мисс Феррар? Это — роль скромной

женщины?

— Нет.

— Не кажется ли вам, что эта роль чрезвычайно рискованная? Я имею в виду последнюю сцену в темноте.

— Насчет «чрезвычайно» — не знаю.

— Но вы охотно взялись за эту роль и сыграли ее — такие мелочи вас не смущают?

— Не вижу, что тут может смутить. Если б видела, не стала бы играть.

— Вы выступаете не ради денег?

— Нет, для удовольствия.

— Значит, вы можете отказаться от той роли, которая вам не нравится?

— Тогда мне не давали бы никаких ролей.

— Пожалуйста, не уклоняйтесь. Роль Оливии вы исполняли не ради денег, а ради удовольствия. И это удовольствие вы получили?

— Да, пожалуй.

— Боюсь, милорд, что мне придется попросить присяжных просмотреть эту сцену в темноте из пьесы «Прямодушный».

— Вы хотите сказать, сэр Джемс, что женщина, которая выступает в роли безнравственной особы, сама безнравственна, — ведь так можно погубить не одну безупречную репутацию.

— Нет, милорд. Я хочу сказать следующее: эта молодая леди столь заботится о своей репутации, что считает нужным обратиться в суд, потому что в частном письме о ней сказали, что «она не имеет представления о нравственности». И в то же время она читает и одобряет такие книги, как «Шпанская мушка», выступает в таких ролях, как роль Оливии в «Прямодушном», и вращается в кругу людей, которые, в сущности, не понимают слова «мораль» и смотрят на мораль, как мы смотрим на корь. Я хочу сказать, милорд, что заявление в письме ответчицы «она не имеет представления о нравственности» является скорее комплиментом.

— По-вашему, оно и задумано как комплимент?

— Нет, милорд, нет.

— Значит, вы хотите, чтобы присяжные прочли эту сцену. Ну-с, джентльмены, не удастся вам отдохнуть в перерыве. Продолжайте, сэр Джемс.

— Мой друг мистер Булфри подчеркивает тот факт, что вы, мисс Феррар, обручены с богатым и влиятельным членом парламента. Давно ли вы с ним обручены?

— Шесть месяцев.

— У вас, конечно, нет от него секретов?

— Зачем мне отвечать на этот вопрос?

— Зачем ей отвечать на этот вопрос, сэр Джемс?

— Охотно беру его назад, милорд.

Издевается, негодяй! Как будто у кого-нибудь нет секретов.

— Ваша помолвка была оглашена только в январе, не так ли?

— Да.

— Могу я вывести отсюда заключение, что до января вы еще не утвердились в своем решении?

— Пожалуйста.

— Скажите, мисс Феррар, начиная дело, вы заботились не только о своей репутации? Не потому ли вы подали в суд, что нуждались в деньгах?

Снова кровь прилила к ее щекам.

— Нет.

— Но в деньгах вы нуждались?

— Да.

— Очень?

— Не больше, чем обычно.

- Насколько я понимаю, у вас было много долгов и вас торопили с оплатой?
- Да, пожалуй.
- Я рад, что вы это подтвердили, мисс Феррар; иначе мне пришлось бы приводить доказательства. Значит, дело вы начали не для того, чтобы расплатиться с кредиторами?
- Нет.
- В начале января вы узнали, что вам вряд ли удастся получить какую-либо сумму, если дело не дойдет до суда?
- Мне сказали, что миссис Монт взяла назад предложение, сделанное раньше.
- А вы знаете, почему?
- Да, потому что миссис Монт не хотела дать в письменной форме извинение, на котором я настаивала.
- Совершенно верно. Можно ли считать совпадением, что немедленно вслед за этим вы решили выйти замуж за сэра Александра Мак-Гауна?
- Совпадением?
- Я имею в виду оглашение вашей помолвки.
- Негодяй!
- Это не имело никакого отношения к судебному процессу.
- В самом деле? Значит, вы, начав процесс, действительно беспокоились, как бы вас не сочли безнравственной?
- Я начала процесс главным образом потому, что меня называли «змеей».
- Пожалуйста, отвечайте на мой вопрос.
- Беспокоилась не столько я, сколько мои друзья.
- Но ведь ваши друзья разделяют ваш взгляд на вопросы морали?
- Да, но не мой жених.
- Совершенно верно. Вы сказали, что он возвращается не в вашем кругу. Но прочие ваши друзья? Ведь вы же не стыдитесь своих убеждений?
- Нет.
- Так зачем же стыдиться за других?
- Откуда мне знать об их убеждениях?
- Откуда ей знать, сэр Джемс?
- Как угодно, милорд. Ну-с, мисс Феррар, вы, надеюсь, не станете отречься от своих взглядов. Разрешите мне изложить вам квинтэссенцию вашего мировоззрения: вы верите, не правда ли, в необходимость полного выявления своего "я", сочли бы своим долгом, не правда ли, нарушить всякую условность — я не говорю закон, но всякую так называемую моральную условность, которая бы вас связывала?
- Я не говорила, что у меня есть мировоззрение.
- Пожалуйста, не увиливайте от ответа.
- Я не привыкла увиливать.
- Приятно это слышать. Вы считаете, что вы одна можете судить о своем поведении?
- Да.
- И не только вы стоите на этой точке зрения?
- Вероятно, нет.
- Такова точка зрения авангарда современного общества, не так ли? Авангарда, в рядах которого вы стоите и гордитесь этим? Вы принадлежите к этому кругу и делаете и думаете, что хотите, лишь бы формально соблюсти закон, так?
- Не всегда поступаешь согласно своим принципам.
- Правильно. Но даже если вы и не всегда поступаете соответственно, все же это принцип ваших друзей — не считаться с чужим мнением и условностями?
- Более или менее.
- И, вращаясь в этом кругу, вы осмеливаетесь утверждать, что слова «она не имеет представления о нравственности» дают вам право требовать компенсации?
- Голос ее гневно зазвенел:

— О нравственности у меня есть представление. Быть может, оно не совпадает с вашим но я, во всяком случае, не лицемерю.

Опять она заметила, как блеснули его глаза, и поняла, что вторично сделала промах.

— Моего представления о нравственности мы не будем касаться, мисс Феррар, а лучше поговорим о вашем. Вы сами сказали, что понятие нравственности зависит от темперамента, обстоятельств, среды?

Она молча кусала губы.

— Будьте добры отвечать.

Она наклонила голову.

— Да.

— Прекрасно! — Он замолчал, перебирая бумаги, и она отступила от перил.

Она вышла из себя и его вывела из себя, теперь одно — не растеряться! И в это мгновение, собираясь с мыслями, она воспринимала все: выражения, жесты, всю атмосферу — болезненное напряжение сотни застывших лиц; заметила единственную женщину среди присяжных; заметила, как судья, устремив взгляд куда-то в конец зала, сломал кончик гусиного пера. А там, пониже, недовольная гримаса мистера Сэтлуайта, огорченное лицо Майкла, маска Флер Монт с красными пятнами на щеках, стиснутые руки Алека, его глаза, устремленные на нее. Даже смешно, как все насторожились! Вот бы стать величиной с «Алису в стране чудес», взять их всех в руки и стасовать, как колоду карт, а то застыли и наслаждаются! Негодяй кончил возиться с бумагами, и она опять подвинулась к перилам.

— Мисс Феррар, милорд задал вам вопрос, на который вы не могли ответить. Я задам вам его в несколько упрощенной форме. Независимо от того, нравственно это или нет, — она увидела, как Майкл поднес руку к губам, была ли у вас фактически связь с кем-нибудь?

И по тону его голоса, по выражению его лица она поняла, что он знает.

Теперь кругом было пусто — опереться не на что. Десять, двадцать, тридцать секунд — судья, присяжные, эта старая лисица — руку прячет под мантией, не смотрит на нее! Почему она не может, бросить негодующее "Нет! ", которое столько раз репетировала? А если он докажет? Грозил же он доказать, что она в долгах.

— Я вас не тороплю, мисс Феррар. Вы, конечно, знаете, что значит «связь»?

Негодяй! Не успев сказать «нет», она заметила, как Майкл наклонился вперед и прошептал: "Прекратите! ". А «выскачка» смотрела на нее испытующе и презрительно, словно хотела сказать: «Послушаем, как она будет лгать!»

И она быстро ответила:

— Я считаю такой вопрос оскорбительным.

— Что вы, мисс Феррар! После того, что вы нам сообщили о ваших убеждениях...

— Ну, так я на него не отвечу.

В зале шепот, шорохи.

— Вы не хотите отвечать?

— Не хочу.

— Благодарю вас, мисс Феррар.

Сколько сарказма в тоне! Негодяй сел.

Марджори Феррар стояла с вызывающим видом, чувствуя, что почва ускользнула у нее из-под ног. Ну, теперь что? Ее адвокат сделал ей знак. Она спустилась с возвышения и прошла мимо противников на свое место рядом с женихом. Какой он красный, неподвижный! Она услышала голос судьи: «Объявляю перерыв, мистер Булфри», видела, как он встал и вышел, как поднялись присяжные. Шепот и шорохи в зале усилились. Зал гудел. Она встала. С ней говорил мистер Сэтлуайт.

VII. СЫТА ПО ГОРЛО

Марджори Феррар последовала за ним в комнату для свидетелей.

— Ну как?

— Очень печально, что вы отказались дать ответ, мисс Феррар. Боюсь, что это роковым образом подействует на мнение присяжных. Если можно пойти сейчас на мировую, советую вам это сделать.

— Мне все равно.

— В таком случае я сейчас же это устрою. Пойду поговорю с сэром Александром и мистером Булфри.

— Как мне отсюда выйти, чтобы никто не видел?

— Спуститесь по этой лестнице. В Линкольнс-Иннфилдс вы найдете такси. Простите, я пойду.

Он корректно поклонился и вышел.

Марджори Феррар не взяла такси, а пошла пешком. В общем она была довольна, даже если ее последний ответ был роковой ошибкой. Она ни в чем существенном не солгала, не смутилась перед сарказмом «негодая», даже сумела отплатить ему его же монетой. Но Алек! Ну что ж, он настаивал на судебном процессе — может быть доволен! Купив газету, она зашла в ресторан и прочла описание самое себя, подкрепленное фотографией. Она с аппетитом позавтракала и пошла дальше по Пикадилли. Вошла в Хайд-парк, села под распускающееся дерево и не спеша затянулась папиросой. На Роу почти никого не было. Койгде на стульях сидели незнакомые люди. Тренерша обучала маленького мальчика верховой езде. Казалось, только голубь да стайка воробьев замечали ее присутствие. В воздухе пахло весной. Некоторое время Марджори наслаждалась мыслью, что никто в мире не знает, где она. Странно, как подумаешь — каждый день миллионы людей, покидая свои дома, конторы, магазины, пропадают, как камни, брошенные в пруд! Что, если исчезнуть совсем и вкусить жизнь инкогнито? Бэрти Кэрфью опять едет в Москву. Не возьмет ли он ее с собой — как секретаря и *bonne amie*? Бэрти Кэрфью! Ведь она только делала вид, будто он ей надоел! Сейчас она подошла вплотную к мысли о будущем. Алек! Объяснение! И не только объяснение. У него остался список ее долгов; вместо свадебного подарка он хотел заплатить все ее долги. Но если не будет никакой свадьбы? Слава богу, у нее есть небольшая сумма наличными. Вчера выиграл заезд четырехлетка, заботливо возвращенный в конюшне ее отца. Она ставила двадцать пять фунтов, и выдача была неплохая. Она встала и побрела дальше, полной грудью вдыхая вкусный ветер, не заботясь о том, что фигура ее не кажется мальчишеской, — в конце концов это уже не так модно, как было.

При выходе из парка она купила еще газету. Тут был полный отчет под заголовком: «Поход на современные нравы. Показания мисс Марджори Феррар». Смешно было читать эти слова в толпе людей, которые тоже их читали и понятия не имели, кто она такая. Добравшись до Рэнстрит, она отперла дверь своей квартиры и сейчас же увидела шляпу. Он уже здесь! Она не спеша попудрилась и в студию вошла бледная, словно много пережила.

Мак-Гаун сидел, сжав руками голову. Ей стало жаль его — слишком он сильный, слишком крепкий, слишком живой для такой позы! Он поднял голову.

— Ну что, Алек?

— Скажите мне правду, Марджори! Это пытка!

Она смутно позавидовала глубине его чувства, пусть неразумного после всех ее предупреждений. Но сказала насмешливо:

— Ну, кто же меня знает лучше — вы или я?

Глухо он повторил:

— Правду, Марджори, правду!

Но зачем ей было исповедоваться? Что ему до ее прошлого? У него есть право на ее будущее — и хватит. Старая история: мужчины требуют от женщин больше того, что сами могут им дать. Неравенство полов! Может быть, это имело смысл в прежнее время, когда женщины рожали детей, а мужчины нет; но теперь, когда женщины вполне разбираются в вопросах пола и детей рожают только если хотят, да и то не всегда, — почему мужчины должны пользоваться большей свободой?

И она медленно проговорила:

— Если вы мне расскажете о ваших похождениях, я вам расскажу о своих.

— Ради бога, не смейтесь надо мной. За эти несколько часов я пережил адские муки.

Это было видно по его лицу, и она сочувственно сказала:

— Я говорила, что вы споткнетесь, Алек. Зачем вы настаивали, чтобы я подала в суд?

Вышло по-вашему! А теперь вы недовольны.

— Так это правда?

— Да. И что же?

Он застонал и попятился до самой стены, словно боялся остаться без опоры.

— Кто он?

— О нет! Этого я вам скажу. А сколько у вас было любовных интриг?

Он будто и не слышал. Ну конечно! Он знал, что она его не любит, а такие вещи важны, только когда любишь! Ну что ж, нужно принять его мучения, как дань!

— Со мной вы разделались, — сказала она хмуро, села и закурила папиросу.

Сцена! Как противно! И почему он не уходит? Почему стоит, словно глухонемой? Лучше бы он бесновался.

— Кто он? Тот американец?

Она невольно засмеялась.

— О нет! Бедный мальчик!

— Сколько времени это продолжалось?

— Около года.

— О боже! — Он бросился к двери.

Хоть бы уж открыл ее, хоть бы ушел! Но как можно так сильно чувствовать! Стоит у двери, лицо чуть ли не безумное. Мещанские страсти!

А потом он и правда открыл дверь и ушел.

Она растянулась на диване; не усталость охватила ее, не отчаяние, а скорее безразличие ко всему на свете. Как глупо, как старо! Почему он не свободный, не гибкий, как она, почему не может принять жизнь просто? Страсти, предрассудки, принципы, жалость — старомодно, как тесные платья, которые надевали на нее в детстве. Ну что же — скатертью дорожка! Подумать только — жить под одной крышей, спать в одной постели с человеком до того примитивным, что он способен свихнуться от ревности! С человеком, который принимает жизнь до того всерьез, что сам этого не сознает. Жизнь — папироса: выкуришь ее — и бросишь; или танец — длится, пока не кончилась музыка. Танцуем дальше!.. Да, но теперь нельзя позволить ему платить ее кредиторам, даже если он захочет. Раньше она могла бы заплатить ему своим телом, а теперь — нет. Ах, если бы кто-нибудь умер и оставил ей наследство! И она лежала неподвижно, прислушиваясь к уличному шуму: такси заворачивали за угол, собака лаяла на почтальона, хромым демобилизованный солдат пиликал, по обыкновению, на скрипке. Бедняга ждет от нее шиллинга! Нужно встать и бросить ему. Она подошла к окну, выходившему на улицу, и вдруг отшатнулась. У подъезда стоял Фрэнсис Уилмот. Как, еще одна сцена? Это уж слишком! Вот и звонок! Некогда сказать, что ее «нет дома». Что ж, пусть слетаются на ее прошлое, как пчелы на мед.

— Мистер Фрэнсис Уилмот.

Он стоял в дверях. Почти не изменился, только похудел немного.

— Ну, Фрэнсис, — сказала она, — я думала, что вы «покончили с этой глупой историей».

Фрэнсис Уилмот подошел и, не улыбаясь, взял ее руку.

— Завтра я уезжаю.

Уезжает! Ну, с этим она могла примириться. Сейчас он ей казался самым заурядным молодым человеком, бледным, темноволосым, слабым.

— Я прочел вечерние газеты и подумал, что, быть может, вы хотите меня видеть?

Что он, смеется над ней? Нет, лицо его было серьезно, в голосе не было горечи; и хотя он пристально смотрел на нее — решить, осталось ли у него к ней какое-нибудь чувство, она не могла.

— Вы считаете, что я перед вами в долгу? Я знаю, что нехорошо с вами поступила.

Он посмотрел на нее так, словно она его ударила.

— Ради бога, Фрэнсис, не говорите, что вы пришли из рыцарских побуждений. Это было бы слишком забавно.

— Я не совсем понимаю... Я думал, что, быть может, вы не хотели ответить на этот вопрос о любовной интриге... из-за меня.

Марджори Феррар истерически захохотала.

— Из-за вас! Нет, нет, дорогой мой!

Фрэнсис Уилмот отошел к двери и поклонился.

— Мне не следовало приходиться.

Внезапно ее опять потянуло к этому необычному человеку, к его мягкости, его темным глазам.

— Во всяком случае, теперь я опять свободна, Фрэнсис.

Бесконечно тянулись секунды, потом он снова поклонился. Это был отказ.

— Ну, так уходите, — сказала она. — Уходите скорей!

Я сыта по горло!

И она повернулась к нему спиной.

Когда она оглянулась, его уже не было, и это удивило ее. Он был новой разновидностью — или старой, как ископаемые! Он не знал элементарных основ жизни, был старомоден а *faire rigre*. И, снова растянувшись на диване, она задумалась. Нет, они ее не запугали. Завтра раут у Бэллы Мэгюсси, чувствуют какого-то идиота. Все там будут, и она тоже.

VIII. МАРИОНЕТКИ

Когда Майкл, не спускавший глаз с сэра Джемса Фоскиссона, услышал ее слова: «На этот вопрос я не отвечу», он резко обернулся. Было точь-в-точь, как если бы она ответила: «Да». Судья смотрел на нее, все на нее смотрели. Неужели Булфри не придет ей на помощь? Нет! Он молча кивнул, предлагая ей вернуться на свое место. Майкл привстал, когда она проходила мимо. Ему было жаль Мак-Гауна. Все вокруг него встали, а бедняга сидел неподвижно, красный как индюк.

Флер! Майкл взглянул на нее: слегка покрасневшая, она сидела с опущенными глазами, сжав на коленях руки в перчатках. Быть может, ее обидел его тихий возглас: «Прекратите!» или его полупоклон? Как было не посочувствовать «Гордости гедонистов» в такую минуту! Зал пустел. Нарядная публика — вот ее мать, и тетка, и кузина, и старик Форсайт — разговаривает с Фоскиссоном. Ага, кончил; повернулся.

— Мы можем идти.

Они прошли за ним по коридору, спустились по лестнице и вышли на свежий воздух.

— У нас есть время перекусить, — сказал Сомс, — зайдем сюда.

Они вошли в ресторан.

— Три бифштекса, да поскорее! — распорядился Сомс и добавил, глядя на солонку: — Она себя погубила. Продолжать они не будут. Я сказал Фоскиссону, что он может пойти на мировую; обе стороны оплачивают судебные издержки. Это больше того, что они заслуживают.

— Он не должен был задавать этот вопрос, сэр.

Флер встрепенулась.

— Ну знаешь, Майкл...

— Ведь мы же условились, милая, что этого пункта он касаться не будет. Почему Булфри ей не помог, сэр?

— Он рад был поскорей ее усадить. Еще секунда — и судья сам задал бы ей тот же вопрос. Слава богу, полное фиаско!

— Значит, мы выиграла? — спросила Флер.

— Не сомневаюсь, — ответил Сомс.
— А я не уверен, — пробормотал Майкл.
— Говорю вам, все кончено; Булфри с радостью пойдет на мировую.
— Я не то хотел сказать, сэр.
— А что ты хотел сказать, Майкл? — язвительно спросила Флер.
— Думаю, что нам этого не простят, вот и все.
— Чего не простят?
— Ну, может быть, я ошибаюсь. Соусу хотите, сэр?
— Вустерский? Давайте. Это единственное место в Лондоне, где подают рассыпчатый картофель. Официант, три рюмки портвейна. Поскорей!
Через четверть часа они вернулись в суд.
— Подождите здесь, в вестибюле, — сказал Сомс. — Я пройду наверх и узнаю.
В этом гулком зале, где человек казался таким ничтожным пигмеем. Флер и Майкл сначала стояли молча. Потом он заговорил:
— Конечно, она не могла знать, что Фоскиссон не стал бы останавливаться на этом пункте. Но она должна была ждать такого вопроса. Соврала бы им в лицо — и дело с концом! Мне стало ее жаль.
— Ты, Майкл, готов пожалеть блоху, которая тебя укусила. Но почему нам этого не простят?
— Видишь ли, положение ее почти трагическое, а в обществе с этим считаются. И не забудь об ее помолвке!
— Ну, помолвка будет разорвана.
— Совершенно верно! И симпатии общества будут на ее стороне. А если не будет разорвана, так на его. Во всяком случае, не на нашей. И, знаешь ли, ведь она, в сущности, защищала то, во что мы все теперь верим.
— Не говори за других.
— Но мы же говорим, что все свободны?
— Да, но разве мы делаем то, что говорим?
— Нет, — сказал Майкл.
В эту минуту вернулся Сомс.
— Ну что, сэр?
— Как я и предполагал, Булфри пошел на мировую.
Это моральная победа.
— О, неужели моральная, сэр?
— Но издержки большие, — сказал Сомс, глядя на Флер. — Твоя мать очень недовольна — у нее нет чувства меры. Ловко Фоскиссон вывел из себя эту женщину.
— Он и сам вышел из себя. По-моему, это говорит в его пользу.
— Ну, — сказал Сомс, — все кончено. Автомобиль забрала твоя мать. Поедем в такси. Они ехали на Саут-сквер по тем же улицам, что утром, и так же молчали.
Немного позже, направляясь в палату, Майкл читал назидательные заголовки на рекламах газетных объединений.
«Великосветский процесс о диффамации».
«Внучка маркиза и адвокат».
«Сенсационные показания».
«Современные нравы!»
«Все кончено», так ли? А огласка? По мнению Майкла, все только начиналось. Нравственность! Что это такое, у кого она есть и что с ней делают? Как он сам ответил бы на эти вопросы? Кто может в наше время на них ответить? Не он, не Флер! Они оказались на стороне инквизиции, и какое теперь их положение? Ложное, даже гнусное! Он вошел в палату. Но при всем желании он не мог сосредоточиться на качестве продуктов питания и снова вышел. Почему-то его потянуло к отцу, и он быстро зашагал на Уайтхолл. Заглянул в «Клуб шутников», в «Аэроплан» и, наконец, в «Партенеум». В одной из тихих комнат клуба

сэр Лоренс читал жизнеописание лорда Пальмерстона. Он оторвался от книги и посмотрел на сына.

— А, Майкл! Обижают они старого Пэма. Без затей был человек, работал как негр. Но здесь разговаривать неудобно, — он указал на одного из членов клуба, который, казалось, еще бодрствовал. — Не хочешь ли пройтись, а то как бы с ним удара не было. Книжки здесь для отвода глаз, на самом деле это дортуар.

Они отправились в Грин-парк, и дорогой Майкл рассказал о событиях этого утра.

— Фоскиссон? — повторил сэр Лоренс. — Я его помню; славный был мальчишка, когда я кончал школу. Правда по долгу службы плохо влияет на характер: адвокаты, священники, полисмены — все от этого страдают. Судьи, епископы, инспекторы полиции — те лучше, они страдали так долго, что уже привыкли к этому.

— Зал был битком набит, и газеты стараются мрачно сказал Майкл.

— Ну конечно, — и сэр Лоренс указал на водоем. — Эти птицы напоминают мне Китай, — сказал он. — Кстати, я вчера видел в «Аэроплане» твоего друга Дезерта. Он стал интереснее с тех пор, как променял поэзию на Восток. Всем нужно менять профессии. Я-то уж стар, но, откажись я вовремя от положения баронета, из меня вышел бы недурной акробат.

— А нам, членам палаты, что бы вы посоветовали? — улыбнулся Майкл.

— Профессию почтальона, мой милый. Совсем не плохо.

Известное положение в обществе, большие сумки, собаки лают, никакой инициативы и разговоры на каждом пороге. Кстати, ты виделся с Дезертом?

— Я его видел.

Сэр Лоренс сощурился.

— Роковое не повторяется, — сказал он.

Майкл покраснел; он не думал, что его отец так наблюдателен. Сэр Лоренс помахал тростью.

— Твой Боддик уговорил кур нестись, — сказал он. — Поставляет нам отличные яйца.

Майкл оценил его такт. Но этот неожиданный, мимолетный намек на старый семейный кризис пробудил в нем опасение, которое долго сонной змеей пряталось в нем, — опасение, что назревает новый кризис, что он уж близко.

— Зайдите выпить чаю, сэр? У Кита сегодня утром болел животик. Как раскупается ваша последняя книга? Дэнби хорошо ее рекламирует?

— Нет, — сказал сэр Лоренс, — он молодец! Сделал все, чтобы ее зарезать.

— Я рад, что с ним покончил, — сказал Майкл. — Не дадите ли вы совет, сэр, как нам держать себя теперь, когда процесс кончился?

Сэр Лоренс смотрел на птицу с длинным красным клювом.

— Победителю следует быть осторожным, — сказал он наконец. — Моральные победы нередко вредят тем, кто их одерживает.

— Мне тоже так кажется, сэр. Уверяю вас, я к этой победе не стремился. Мой тесть говорит, что дело дошло до суда главным образом из-за моей драки с Мак-Гауном.

Сэр Лоренс залился беззвучным смехом.

— Пошлина на предметы роскоши. От нее не ускользнешь. Нет, я к вам не пойду, Майкл, — у вас, наверно, сидит «Старый Форсайт». Твоя мать знает прекрасное лекарство от боли в животике, когда-то ты только им и жил. Я протелефонирую из дому. До свидания!

Майкл посмотрел вслед его тонкой, проворной фигуре. Наверно, и у него есть свои заботы, но как он умеет их скрывать! Славный «Старый Барт»! И Майкл повернул к дому.

Сомс уже уходил.

— Она возбуждена, — сообщил он Майклу. — Это реакция. Дайте ей на ночь порошок Зейдлица. И будьте осторожны: я бы на вашем месте не стал говорить о политике.

Майкл вошел в гостиную. Флер стояла у открытого окна.

— А, вот и ты! — сказала она. — Кит выздоровел. Поведи меня сегодня вечером в кафе «Рояль», Майкл, а потом в театр, если идет что-нибудь забавное. Мне надоело быть

серьезной. Да, знаешь, Фрэнсис Уилмот зайдет сегодня попрощаться. Я получила записку: он пишет, что совсем здоров.

Майкл встал рядом с ней у окна; почему-то пахло травой. Ветер тянул с юго-востока, и, косо падая поверх домов, луч солнца золотил землю, почки, ветви. Пел дрозд; за углом шарманщик играл «Риголетто». Плечом он чувствовал ее плечо, такое мягкое, губами нашел ее щеку, такую теплую, шелковистую...

Когда после обеда в кафе «Рояль» Фрэнсис Уилмот распрощался с ними. Флер сказала Майклу:

— Бедный Фрэнсис, как он изменился! Ему можно дать тридцать лет. Я рада, что он едет домой, к своим неграм. А что это за вечнозеленые дубы? Ну, идем мы куда-нибудь?

Майкл накинул ей на плечи мех.

— Посмотрим «Нетерпится»; говорят, публика хохочет до упаду.

Когда они вышли из театра, было тепло. По небу плыли красные и зеленые огни реклам: «Шины Шомбера — Быстрота и Безопасность». — «Молокин Мечта Молодых Матерей». Прошли Трафальгар-сквер и залитую луной Уайтхолл.

— Ночь какая-то ненастоящая, — сказала Флер. — Марионетки!

Майкл обнял ее.

— Оставь! Вдруг тебя увидит кто-нибудь из членов парламента!

— Он мне позавидует. Какая ты красивая и настоящая!

— Нет. Марионетки не реальны.

— И не нужно.

— Реальное ты найдешь в Бетнел-Грин.

Майкл опустил руку.

— Вот нелепая мысль!

— У меня есть интуиция, Майкл.

— Разве я не могу восхищаться хорошей женщиной и побить тебя?

— Я никогда не буду «хорошей»: это мне не свойственно. Сквер сегодня красивый. Ну, открывай дверь кукольного дома!

В холле было темно. Майкл снял с нее пальто и опустился на колени. Он почувствовал, как ее пальцы коснулись его волос — реальные пальцы; и вся она была реальной, только душа ее от него ускользала. Душа?

— Марионетки! — прозвучал ее голос, ласкающий и насмешливый. — Пора спать!

IX. РАУТ У МИССИС МЭГЮССИ

Рауты бывают светские, политические, благотворительные и такие, какие устраивала миссис Мэгюсси. Англо-американка, баснословно богатая, безупречно вдовствующая, с широкими взглядами, она воплощала собой идеал хозяйки салона. Люди могли безнаказанно умирать, жениться, появляться на свет, лишь бы она рано или поздно могла свести их в своем доме. Если она приглашала какого-нибудь врача, то с тем, чтобы свести его с другим врачом; если шла в церковь, то с тем, чтобы заполучить каноника Форанта и свести его у себя за завтраком с преподобным Кимблом. На ее пригласительных билетах значилось «чествуем»; она никогда не приписывала «меня». Эгоизм был ей чужд. Изредка она устраивала настоящий раут, потому что изредка ей попадалась персона, с которой стоило свести всех — от поэтов до прелатов. Она была искренне убеждена, что каждому приятно почествовать известного человека; и это глубоко правильное убеждение обеспечивало ей успех. Оба ее мужа умерли, успев почествовать в своей жизни великое множество людей. Оба были известны и впервые чествовали друг друга в ее доме; третьего заводить она не собиралась: светское общество поредело, а кроме того, она была слишком занята — все время уходило на общественную деятельность. Упоминание о Бэлле Мэгюсси порой вызывало улыбки, но как было обойтись без человека, выполняющего функцию цемента? Если б не она, где было епископам заводить дружбу с танцовщицами или министрам черпать

жизненные силы у драматургов? Только в ее салоне люди, раскапывающие древние цивилизации Белуджистана, могли встретить людей, пытающихся сравнить с землей новую цивилизацию Лондона. Только там светила двора сталкивались со звездами эстрады. Только там могло случиться, что русская балерина сидела за ужином рядом с доктором медицины сэром Уолтером Пэдл, удостоенным ученых степеней всех университетов мира; даже чемпион по крикету мог лелеять надежду пожать там руку великому экономисту-индусу, сэру Банерджи Бат Бабор. Короче говоря, дом миссис Мэгюсси был из тех, куда стремятся попасть все. И ее длинное лицо сморщилось от долгого служения великому делу. «Свести или не свести?» — для нее этот вопрос был решен раз и навсегда.

На ее первом рауте в 1925 году «чествующим» был великий итальянский скрипач Луиджи Спорца, который только что закончил свое изумительное кругосветное турне. На это турне он потратил времени вдвое меньше, чем кто-либо из его предшественников-музыкантов, а концертов дал вдвое больше. Такая поразительная выносливость была отмечена газетами всех стран; писали о том, как он загубил пять скрипок, как ему предложили стать президентом одной из южно-американских республик, как он зафрахтовал целый пароход, чтобы поспеть на концерт в Северной Америке, как упал в обморок в Москве, сыграв концерты Бетховена и Брамса, чаконну Баха и семнадцать вещей на бис. После этого года напряженных усилий он стал знаменитостью. В сущности, как художник он был известен немногим, но как атлета его знали все.

Майкл и Флер, поднявшись по лестнице, увидели джентльмена могучего сложения; гости по очереди пожимали ему руку и отходили, морщась от боли.

— Только Италия может породить таких людей, — сказал Майкл на ухо Флер. — Постарайся проскользнуть мимо. Он раздавит тебе руку.

Но Флер смело двинулась вперед.

«Не из таких», — подумал Майкл, Кто-кто, а его жена не упустит случая пожать руку знаменитости, пусть даже мозолистую. Ее оживленное лицо не дрогнуло, когда рука атлета сжала ее пальцы, а глаза — глаза усталого минотавра — с интересом оглядели ее стройную фигуру.

«Ну и бык», — подумал Майкл, высвободив свою руку и следуя за Флер по сияющему паркету. После тягостных вчерашних переживаний и вечернего кутежа он больше не заговаривал о своих опасениях; он даже не знал, поехала ли Флер на этот раут с целью проверить свою позицию или просто потому, что любила бывать на людях. И сколько людей! Как будто в громадной гостиной с колоннами собрались все, кого Майкл знал и кого не знал, члены парламента, поэты, музыканты, своей усмешкой словно говорившие: «Ну, я бы написал лучше» или: "Как можно исполнять такие вещи! ", пэры, врачи, балерины, живописцы, лейбористские лидеры, спортсмены, адвокаты, критики, светские женщины и «деятельницы». Он видел, как впиваются во всю эту толпу, зоркие глаза Флер под белыми веками, которые он целовал сегодня ночью. Он — завидовал ей: жить в Лондоне и не интересоваться людьми — то же, что жить у моря и не купаться. Он знал, что вот сейчас она решает, с кем из знакомых поговорить, кого из незнакомых удостоить вниманием. «Вот ужас будет, если ее высмеют», — подумал он, и как только у нее завязался с кем-то разговор, он отступил к колонне. За его спиной раздался негромкий голос:

— Здравствуйте, юный Монт!

Мистер Блайт, прислонившись к той же колонне, пугливо выглядывал из зарослей бороды.

— Давайте держаться вместе, — сказал он, — очень уж тут людно.

— Вы были вчера в суде? — спросил Майкл.

— Нет, из газет узнал. Вам повезло.

— Меньше, чем ей.

— Гм! — сказал мистер Блайт. — Кстати, «Ивнинг Сан» опять сделала против нас выпад. Они сравнивают нас с котенком, который играет своим хвостом. Пора вам выпускать второй заряд, Монт.

— Я думал поговорить по земельному вопросу.

— Отлично! Правительство скупает пшеницу и контролирует цены. Механизация земледелия. Отнюдь не раздувать аппарата.

— Блайт, — неожиданно сказал Майкл, — где вы родились?

— В Линкольншире.

— Значит, вы англичанин?

— Чистокровный, — ответил мистер Блайт.

— Я тоже; и старик Фоггарт, я посмотрел его родословную. Это хорошо, потому что нас, несомненно, будут обвинять в недостатке патриотизма.

— Уже обвиняют, — сказал мистер Блайт. — «Люди, которые дурно отзываются о своей родине... Птицы, пачкающие свое гнездо... Не успокоятся, пока не очернят Англию в глазах всего мира... Паникеры... Пессимисты...» Надеюсь, вы не обращаете внимания на всю эту болтовню?

— К сожалению, обращаю, — сказал Майкл. — Меня это задевает. Вопиющая несправедливость! Мне невыносима мысль, что Англия может попасть в беду.

Мистер Блайт вытаращил глаза.

— Она не попадет в беду, если мы сумеем ей помочь.

— Будь я уверен в себе, — сказал Майкл, — а то мне все хочется сжаться и спрятаться в собственный зуб.

— Поставьте коронку. Вам, Монт, нахальства не хватает. Кстати о нахальстве: вот идет ваша вчерашняя противница — вам бы у нее поучиться.

Майкл увидел Марджори Феррар, которая только что обменялась рукопожатием со знаменитым итальянцем. На ней было очень открытое платье цвета морской воды; она высоко держала свою золотисто-рыжую голову. В нескольких шагах от Флер она остановилась и осмотрелась по сторонам. Видимо, она заняла эту позицию умышленно, как бы бросая вызов.

— Я пойду к Флер.

— И я с вами, — сказал мистер Блайт, и Майкл посмотрел на него с благодарностью.

И тут наступила интересная минута для всякого, кто не был так заинтересован, как Майкл. Длинный, пронырливый нос Общества дрогнул, потянул воздух и, как хобот дикого слона, почуявшего человека, стал извиваться туда и сюда, жадно ловя запах сенсации. Губы улыбались, тянулись к ушам; глаза перебегали с одной женщины на другую; лбы сосредоточенно хмурились, словно мыслительные аппараты под стриженными, надушенными черепами затруднялись в выборе. Марджори Феррар стояла спокойная, улыбающаяся, а Флер разговаривала и вертела в руках цветок. Так, без объявления войны, начался бой, хотя враги делали вид, что не замечают друг друга. Правда, между ними стоял мистер Блайт; высокий и плотный, он служил хорошим заслоном. Но Майкл все видел и ждал, стиснув зубы. Нос не спеша изучал аромат; аппарат выбирал. Волны застыли — ни прилива, ни отлива. А потом медленно и неуклонно, как отлив, волны отхлынули от Флер и заплескались вокруг ее соперницы. Майкл болтал, мистер Блайт таращил глаза. Флер улыбалась, играла цветком. А там Марджори Феррар стояла, как королева среди придворных.

Было ли то восхищение, жалость или сочувствие? Или порицание Майклу и Флер? Или просто «Гордость гедонистов» всегда была более эффектна? Майкл видел, как бледнела Флер, как нервно теребила она цветок. А он не смел ее увести, она усмотрела бы в этом капитуляцию. Но лица, обращенные к ним, говорили яснее слов. Сэр Джес Фоскиссон перестарался: своей праведностью он бросил тень на своих же клиентов. «Победа за откровенной грешницей, а не за теми, кто тащит ее на суд!» «И правильно! — подумал Майкл. — Почему этот субъект не послушался моего совета — заплатили бы, и дело с концом!»

И в эту минуту он заметил, что около знаменитого итальянца стоит, разглядывая свои пальцы, высокий молодой человек с зачесанными назад волосами. Бэрти Кэрфью! За его спиной, дожидаясь очереди «почествовать», не кто иной, как сам Мак-Гаун. Право, шутки

богов зашли слишком далеко. Высоко подняв голову, потирая изувеченные пальцы, Бэрти Кэрфью прошел мимо них к своей бывшей возлюбленной. Она поздоровалась с ним нарочито небрежно. Но пронырливый нос не дремал — вот и Мак-Гаун! Как он изменился — мрачный, посеревший, злой! Вот кто мог потягаться с великим итальянцем. А тот тоже смешался с толпой придворных.

Напряженное молчание сразу прервалось, придворные, парами, кучками, отступили, и Мак-Гаун остался вдвоем со своей невестой. Майкл повернулся к Флер.

— Едем.

В такси они оба молчали. На поле битвы Майкл болтал до изнеможения и теперь нуждался в передышке. Но он нашел ее руку; она не ответила на его пожатие. Козырь, который он пускал в ход в трудные минуты, — одиннадцатый баронет — последние три месяца что-то не помогал; Флер, по-видимому, не нравилось, когда Майкл прибегал к этому средству. "Огорченный, недоумевающий, он прошел за ней в столовую. Какая она была красивая в этом зеленовато-сером платье, очень простом и гладком, с широким воланом. Она присела к узкому обеденному столу, он стал напротив, мучительно подыскивая убедительные слова. Его самого такой щелчок оставлял глубоко равнодушным, но она!..

Вдруг она сказала:

— И тебе все равно?

— Мне лично — конечно.

— Ну да, у тебя остается твой фоггартизм и Бетнел, Грин.

— Если ты огорчена. Флер, то мне совсем не все равно.

— Если я огорчена!

— Очень?

— К чему говорить, чтобы ты окончательно убедился, что я — выскочка?

— Никогда я этого не думал.

— Майкл!

— Что ты, в сущности, подразумеваешь под этим словом?

— Ты прекрасно знаешь.

— Я знаю, что ты любишь быть окруженной людьми, хочешь, чтобы они о тебе хорошо думали. Это не значит быть выскочкой.

— Да, ты очень добр, но тебе это не нравится.

— Я восхищаюсь тобой.

— Нет, ты хочешь меня, а восхищаешься ты Норой Кэрфью.

— Норой Кэрфью! Мне нет до нее дела; по мне, пусть она хоть завтра же умрет.

Он почувствовал, что она ему верит.

— Ну, если не ею, то ее идеалами, тем, что мне чуждо.

— Я восхищаюсь тобой, — горячо сказал Майкл, — восхищаюсь твоим умом, твоим чутьем, мужеством; и твоим отношением к Киту и к твоему отцу; и тем, как ты ко мне терпима.

— Нет, я тобой восхищаюсь больше, чем ты мной. Но, видишь ли, я не способна на самопожертвование.

— А Кит?

— Я люблю себя, вот и все.

Он потянулся через стол, взял ее руку.

— Больное воображение, родная.

— Ничего больного. Я вижу все слишком ясно.

Она откинула голову, ее круглая шея, белевшая под лампой, судорожно вздрагивала.

— Майкл, поедem в кругосветное путешествие!

— А как же Кит?

— Он еще слишком мал. Мама за ним присмотрит.

Если она идет на это, значит все обдумано!

— Но твой отец?

— Право же, он совсем не стар, и у него остается Кит.
— Ну что ж! Парламентская сессия кончается в августе...
— Нет, едем сейчас.
— Подождем, осталось только пять месяцев. Мы еще успеем постранствовать.
Флер посмотрела ему в глаза.
— Я знала, что своим фоггаргизмом ты дорожишь больше, чем мной.
— Будь же благоразумна, Флер!
— Пять месяцев выносить эту пытку? — она прижала руки к груди. — Я уже полгода страдаю. Должно быть, ты не понимаешь, что у меня больше нет сил?
— Но, Флер, все это так...
— Да, это такая мелочь — потерпеть полное фиаско, не правда ли?
— Но, дитя мое...
— О, если ты не понимаешь...
— Я понимаю. Сегодня я "был взбешен. Но самое разумное — показать им, что это тебя нимало не задевает. Не следует обращаться в бегство. Флер.
— Не то! — холодно сказала Флер. — Я не хочу вторично добиваться того же приза. Отлично, я останусь, и пусть надо мной смеются.

Майкл встал.

— Я знаю, что ты не придаешь моей работе ни малейшего значения, но ты не права, и все равно я уже начал. О, не смотри на меня так, Флер! Это ужасно!

— Пожалуй, я могу поехать одна. Это будет даже интереснее.

— Ерунда! Конечно, одна ты не поедешь. Сейчас тебе все представляется в мрачном свете. Завтра настроение изменится.

— Завтра, завтра! Нет, Майкл, процесс омертвления начался, и ты можешь назначить день моих похорон.

Майкл всплеснул руками. Это не были пустые слова. Не следовало забывать, какое значение она придавала своей роли светской леди, как старалась пополнять свою коллекцию. Карточный домик рухнул. Какая жестокость! Но поможет ли ей кругосветное путешествие? Да! Инстинкт ее не обманывал. Он сам ездил вокруг света и знал, что ничто так не способствует переоценке ценностей, ничто так не помогает забыть и заставить забыть о себе. Липпингхолл, «Шелтер», какой-нибудь приморский курорт на пять месяцев, до конца сессии, — это все не то. Как-то ей нужно опять обрести уверенность в своих силах. Но может ли он уехать до окончания сессии? Фоггартизм, это чахлое растение, лишившись единственного своего садовника, погибнет на корню, если только есть у него корень! Как раз сейчас вокруг него началось движение — то один депутат заинтересуется, то другой. Проявляется и частная инициатива. А время идет — Большой Бэн торопит: безработица растет, торговля свертывается, назревает протест рабочих, кое-кто теряет терпение! И как посмотрит Блайт на такое дезертирство?

— Подожди неделю, — пробормотал он. — Вопрос серьезный. Мне нужно подумать.

Х. НОВАЯ СТРАНИЦА

Когда Мак-Гаун подошел, у Марджори Феррар мелькнула мысль: «Знает ли он о Бэрти?» Окрыленная своей победой над «этой выскочкой», взволнованная встречей с бывшим любовником, она не вполне владела собой. В соседней комнате, где никого не было, она посмотрела ему в лицо.

— Ну, Алек, все по-старому. Мое прошлое так же темно, как было вчера. Мне очень жаль, что я его от вас скрывала. В сущности, я вам несколько раз говорила, но вы не хотели понять.

— Потому что это было свыше моих сил. Расскажите мне все, Марджори!

— Хочется посмаковать?

— Расскажите мне все, и я на вас женюсь.

Она покачала головой.

— Женитесь? О нет! Больше я себе не изменю. Это была нелепая помолвка. Я никогда не любила вас, Алек.

— Значит, вы любили этого... вы все еще...

— Алек, довольно!

Он схватился за голову и пошатнулся, и ей стало не на шутку жаль его.

— Право же, мне ужасно неприятно. Вы должны забыть меня, вот и все.

Она хотела уйти, но его страдальческий вид растрогал ее. Ей только сейчас стало ясно, до чего он опустошен. И она быстро проговорила:

— Замуж за вас я не выйду, но мне бы хотелось с вами рассчитаться, если я могу...

Он посмотрел на нее.

Ее всю передернуло от этого взгляда. Она пожала плечами и вышла. Люди прошлого века! Она сама виновата: не нужно было выходить за пределы очарованного круга, где никто не принимает жизнь всерьез.

Она прошла по сверкающему паркету под взглядами многих глаз, ловко миновала хозяйку дома и через несколько минут уже сидела в такси.

Она не могла заснуть. Даже если газеты не оповестят о разрыве помолвки, все равно — на нее обрушится лавина счетов. Пять тысяч фунтов! Она встала и просмотрела запись своих долгов. Дубликат находился у Алека. Быть может, он все-таки захочет уплатить? Ведь он сам все испортил, зачем он настоял на суде! Но тут ей вспомнились его глаза. Думать нечего! Она поехала и снова забралась в постель. Может быть, завтра утром ее осенит какая-нибудь гениальная мысль. Но все гениальные мысли пришли ночью и не давали спать. Москва с Бэрти Кэрфью? Сцена? Америка и кино? Наконец она заснула и утром проснулась бледная и усталая. Вместе с другими письмами ей подали записку от маркиза Шропшира.

«Милая Марджори. Если тебе нечего делать, загляни ко мне сегодня утром. Шропшир»

Что бы это могло быть? Она посмотрела на себя в зеркало и решила, что нужно хоть немного подкраситься. В одиннадцать часов она была у маркиза. Ее провели в рабочий кабинет. Дед стоял без пиджака и рассматривал что-то в лупу.

— Садись, Марджори, — сказал он, — через минуту я буду свободен.

Сесть было негде, разве что на пол, и Марджори Феррар предпочла стоять.

— Я так и думал, — сказал маркиз. — Итальянцы ошиблись.

Он отложил лупу, пригладил седые волосы и взлохмаченную бородку. Потом двумя пальцами подкрутил вверх бровь и почесал за ухом.

— Ошиблись; никакой реакции нет.

Он повернулся к внучке и сощурился.

— Ты здесь еще не была. Садись на окно.

Она уселась спиной к свету на широкий подоконник, под которым скрывалась электрическая батарея.

— Итак, та довела дело до суда, Марджори?

— Да, пришлось.

— А зачем?

Он стоял, слегка склонив голову набок, щеки у него были розовые, а взгляд очень зоркий. Она подумала: «Ну что ж... Я его внучка. Рискну».

— Простая честность, если хотите знать.

Маркиз выпятил губы, вникая в смысл ее слов.

— Я читал твои показания, если ты это имеешь в виду, — сказал он.

— Нет. Я хотела уяснить себе свое положение.

— И уяснила?

— О да.

— Ты все еще намерена выйти замуж? Умный старик!

— Нет.

— Кто порвал? Он или ты?

— Он говорит, что женится на мне, если я ему все расскажу. Но я предпочитаю не рассказывать.

Маркиз сделал два шага, поставил ногу на ящик и принял свою любимую позу. Его красный шелковый галстук развеялся, не стесненный булавкой; суконные брюки были сине-зеленые, рубашка зелено-синяя. Необычайно красочная фигура.

— А много есть о чем рассказать?

— Порядочно.

— Что ж, Марджори, ты помнишь, что я тебе говорил?

— Да, дедушка, но я не совсем согласна. Я лично отнюдь не хочу быть символом.

— Ну, значит, ты исключение; но от исключений-то весь вред и происходит.

— Если б еще люди допускали, что есть кто-то лучше их. Но сейчас так не бывает.

— Это, положим, неверно, — перебил маркиз. — А каково у тебя на душе?

Она улыбнулась.

— Подумать о своих грехах не вредно, дедушка.

— Новый вид развлечения, а? Итак, ты с ним порвала?

— Ну да.

— У тебя есть долги?

— Есть.

— Сколько?

Марджори Феррар колебалась. Убавить цифру или не стоит?

— Говори правду, Марджори.

— Ну, около пяти тысяч.

Старый пэр вытянул губы и меланхолически свистнул.

— Большая часть, конечно, связана с моей помолвкой.

— Я слышал, что на днях твой отец выиграл на скачках?

Старик все знает!

— Да, но, кажется, он уже все спустил.

— Очень возможно, — сказал маркиз. — Что же ты думаешь предпринять?

подавив желание задать ему тот же вопрос, она сказала:

— Я подумывала о том, чтобы пойти на сцену.

— Пожалуй, тебе это подходит. Играть ты умеешь?

— Я не Дузе.

— Дузе? — маркиз покачал головой. — Ристори — вот это игра! Дузе! Конечно, она была очень талантлива, но всегда одна и та же. Значит, выходить за него ты не хочешь? — Он пристально на нее посмотрел. — Пожалуй, ты права. У тебя записано, сколько ты кому должна?

Марджори Феррар стала рыться в сумочке.

— Вот список.

Она заметила, как он сморщил нос, но что ему не понравилось — запах духов или сумма, — она не знала,

— Твоя бабка, — сказал он, — тратила на свои платья одну пятую того, что ты тратишь. Теперь вы ходите полуголые, а стоит это дорого.

— Чем меньше материи, дедушка, тем лучше должен быть покрой.

— Ты отослала ему его подарки?

— Уже упакованы.

— Отошли все, ничего не оставляй, — сказал маркиз.

— Конечно.

— Чтобы выручить тебя, мне придется продать Гэйнсборо, — сказал он вдруг.

— Ох, нет!

Прекрасная картина кисти Гэйнсборо — портрет бабки маркиза, когда та была ребенком! Марджори Феррар протянула руку за списком. Не выпуская его, старик снял ногу с ящика, посмотрел на нее блестящими, пронизательными старыми глазами.

— Я бы хотел знать, Марджори, можно ли заключить с тобой договор. Ты умеешь держать слово?

Она почувствовала, что краснеет.

— Думаю, что да. Зависит от того, какое я должна дать обещание. Но, право же, дедушка, я не хочу, чтобы вы продавали Гэйисборо.

— К несчастью, — сказал маркиз, — у меня больше ничего нет. Должно быть, я сам виноват, что у меня такие расточительные дети. Других такая напасть миновала.

Она удержалась от улыбки.

— Времена сейчас трудные, — продолжал маркиз. — Имение стоит денег, шахты стоят денег, этот дом стоит денег. А где взять деньги? У меня вот есть одно изобретение, на котором можно бы разбогатеть, но никто им не интересуется.

Бедный дедушка, в его-то годы! Она вздохнула.

— Я не хотела надоедать вам, дедушка, я как-нибудь выпутаюсь.

Старый пэр прошелся по комнате. Марджори Феррар заметила, что на ногах у него красные домашние туфли без каблуков.

— Вернемся к нашей теме, Марджори. Если ты смотришь на жизнь как на веселое времяпрепровождение, как ты можешь что-нибудь обещать?

— Что я должна обещать, дедушка?

Маленький, слегка сгорбленный, он подошел и остановился перед ней.

— Волосы у Тебя рыжие, и, пожалуй, из тебя выйдет толк. Ты действительно думаешь, что сумеешь зарабатывать деньги?

— Думаю, что сумею.

— Если я заплачу твоим кредиторам, можешь ли ты дать мне слово, что впредь всегда будешь платить наличными? Только не говори «да» с тем, чтобы сейчас же пойти и заказать себе кучу новых тряпок. Я требую от тебя слова леди, если ты понимаешь, что это такое.

Она встала.

— Вы, конечно, имеете право так говорить. Но я не хочу, чтобы вы продавали Гэйисборо.

— Это тебя не касается. Быть может, я где-нибудь наскребу денег. Можешь ты это обещать?

— Да, обещаю.

— И сдержишь слово?

— Сдержу. Что еще, дедушка?

— Я бы тебя попросил больше не бросать тень на наше имя, но, пожалуй, это значило бы переводить часы назад. Дух времени против меня.

Она отвернулась к окну. Дух времени! Все это очень хорошо, но о чем он говорит? Бросать тень? Да нет же, она прославила родовое имя — вытащила его из затхлого сундука, повесила у всех на виду. Люди рот раскрывают, когда читают о ней. А раскрывают они рот, когда читают о дедушке? Но этого ему не понять. И она смиренно сказала:

— Я постараюсь. Мне хочется уехать в Америку.

Глаза старика блеснули.

— И ввести новую моду — брать в мужья американцев? Кажется, этого еще не делали. Выбери такого, который интересуется электричеством, и привези его сюда, у нас найдется дело для американца. Ну-с, этот список я у себя оставлю. Вот еще что, Марджори: мне восемьдесят лет, а тебе сколько, двадцать пять? Не будь такой стремительной, а то к пятидесяти годам тебе все наскучит; а люди, которым все наскучило, безнадежно скучны. Прощай!

Он протянул ей руку.

Свободна! Она глубоко вздохнула и, схватив его руку, поднесла к губам. Ой, он смотрит на свою руку. Неужели она запачкала ее губной помадой? И она выбежала из комнаты. Славный старик! Как мило, что он взял этот, список! Сейчас она пойдет к Бэрти Кэрфью, и вместе они начнут новую страницу! Как он смотрел на нее вчера вечером!

XI. ЗА БОРТ

Майкл не пытался ни убеждать, ни спорить: вопрос был слишком серьезен. Может быть, мысли о Ките заставят Флер изменить решение или ее удержат какие-нибудь другие препятствия — хотя бы мысль об отце. Но ясно было, что рана, нанесенная ей, глубока. Флер отказалась от всех обязанностей, налагаемых светской жизнью, — в течение этой тяжелой недели она нигде не бывала и никого не приглашала. Она не дулась, но стала молчалива, апатична. И часто она очень серьезно посматривала на Майкла, и иногда во взгляде ее было что-то похожее на озлобление, словно она заранее знала, что он ей откажет.

Ему не с кем было посоветоваться: ведь всякому, кто не был рядом с Флер в течение всей этой томительной истории, ее настроение показалось бы непонятным, даже смешным. Он не мог ее выдать; не Мог даже пойти к Блайту, пока не решится на что-нибудь. Ход его мыслей еще осложняло всегдашнее сомнение — так ли уж он нужен фоггартизму. Вот если бы возгордиться! Он даже не обольщал себя мыслью, что категорический отказ произведет на Флер впечатление; она считала, что его работа нужна, чтобы выдвинуть его в обществе, но никакой пользы стране не приносит. В вопросах политики она была по-обывательски цинична: реагировала только на то, что угрожало собственности или Киту. Майкл понимал весь комизм дилеммы: будущее Англии — или настоящее молодой женщины, получившей щелчок в светской гостиной! Но в конце концов только сэр Джемс Фоггарт и Блайт связывали фоггартизм с будущим Англии, а теперь, если он отправится в кругосветное путешествие, и эти двое утратят свою веру.

Неделя кончилась. Утром, так ни на что и не решившись, Майкл перешел реку по Вестминстерскому мосту и побрел по улицам Сэрри-Сайд. Он не знал этих мест, идти было интересно. Вспомнил, что тут жили когда-то Бикеты; Бикеты, которым не везло здесь, не повезло, как видно, и в Австралии. Нет конца этим гнусным улицам! Вот откуда выходят все Бикеты. Захватить их побольше, пораньше, захватить, пока они еще не стали Бикетами, еще годятся для работы на земле; дать им случай заработать, дать им воздух, солнце — дать им возможность проявить себя! Безобразные дома, безобразные лавки, безобразные трактиры! Нет, не годится. Нечего впутывать в дело красоту. В палате на красоту не реагируют. Там реагируют только на вполне понятные эмоции — «англосаксонская раса», «патриотизм», «империя», «моральная выдержка» — не отступать от штампов! Он постоял перед зданием школы, послушал монотонное гудение урока. Англичан с их мужеством, терпением, чувством юмора загнать в эти гнусные улицы!

Внезапно его потянуло за город. Мотоцикл! С тех пор как его избрали в парламент, он ни разу не пользовался этой машиной, грозившей растрясти все его достоинство. Но сейчас он решил извлечь мотоцикл и прокатиться: быть может, от тряски у него созреет решение!

Он вернулся домой и не застал Флер. Завтрак не был заказан. Майкл поел ветчины и в два часа отправился в путь.

С грохотом проскочил он Чизик, Слау, Мейденхед; переехал через реку и запыхтел к Рэдингу. У Кэвершема опять переехал мост и покатил на Пэнгборн. На береговой дорожке он прислонил мотоцикл к кустам и сел покурить. День был безветренный. Между стволами тополей виднелась серая гладь реки; на ивах уже появились сережки. Он сорвал ветку и прочистил ею трубку. Тряска пошла ему на пользу: мозг его стал работать. Война! Тогда он не знал колебаний; впрочем, тогда он не знал Флер. А теперь, решая этот вопрос: «ехать — не ехать», Майкл, казалось, провидел свою будущую семейную жизнь. Решение, которое он примет, повлияет, может быть, на следующие пятьдесят лет жизни. Взяться за плуг и по первому же требованию отступить! Можно пахать в сумерках, криво; но лучше слабый свет, чем полный мрак, лучше кривая борозда, чем никакой. Он не знает пути лучше фоггартизма, он должен за него держаться! Будущее Англии! Где-то неподалеку захихикал дрозд. Вот именно! Но, как говорит Блайт, нужно привыкать к насмешкам. Конечно, если Флер хочет, чтобы он остался в парламенте, — а она хочет этого, — она поймет, что он не

должен отступать от намеченной программы, как бы это ни забавляло дроздов. Она не захочет, чтобы он стал безличным флюгером. Ведь как-никак она его жена, с его карьерой связана и ее собственная.

Он смотрел на дым от своей трубки, на серые, нависшие облака, на белых коров за рекой, на рыболова. Он крутил сорванную ветку, любовался желтовато-серыми бархатными сережками. Ему стало наконец спокойнее, но было очень грустно. Что сделать для Флер? На этой реке — так близко отсюда — он ухаживал за ней. А теперь вот на какой риф наткнулись. Что ж, ей решать, затонет их лодка или нет. И вдруг ему захотелось поговорить со «Старым Форсайтом»...

Когда послышалось фырканье мотоцикла, Сомс как раз собирался повесить картину Фреда Уокера, которую он купил в магазине возле конторы «Сэтлуайт и Старк», тем отметив конец треволнений, связанных с процессом, и удовлетворив свою тоску по английской школе. Фред Уокер! Конечно, он устарел; сколько школ возникло после него и Мэйсона. Но они, как старые скрипки, сохраняют тон; они редки и всегда будут в цене. Сняв со стены Курбэ, раннего и еще незрелого. Сомс стоял без пиджака, держа в руке моток проволоки, когда вошел Майкл.

— Откуда вы появились? — удивился он.

— Я проезжал мимо, сэр, на моем старом мотоцикле. Вижу, вы сдержали слово насчет английской школы.

Сомс прикрепил проволоку к картине.

— Я не успокоюсь, — сказал он, — пока не приобрету Крома-старшего лучшего из английских пейзажистов.

— Кажется, это большая редкость, сэр?

— Вот потому-то он мне и нужен.

Закручивая проволоку. Сомс не заметил улыбки Майкла, словно говорившей: «Потому-то вы и считаете его лучшим». Искоса поглядывая на него. Сомс вспомнил, как он появился здесь летом, в воскресенье, после того как в первый раз увидел Флер в галерее на Корк-стрит. Неужели с тех пор прошло только четыре года? Молодой человек оказался лучше, чем можно было ожидать; и сильно возмужал, остепенился; в общем, если сделать скидку на его воспитание и войну, симпатичный молодой человек. И вдруг он заметил, что Майкл тоже за ним следит. Должно быть, ему что-нибудь нужно зря бы не приехал! Он старался вспомнить случай, чтобы кто-нибудь пришел к нему без дела, — и не вспомнил. Ну что ж, это естественно!

— Может быть, вам нужна какая-нибудь картина, чтобы повесить рядом с вашим Фрагонаром? Вон там в углу висит Шарден.

— Нет, нет, сэр. Вы и так были слишком щедры!

Щедр! Как можно быть щедрым к единственной дочери?

— Как Флер?

— Я хотел поговорить с вами о ней. Она себе места не находит.

Сомс посмотрел в окно. Весна запаздывает!

— Странно, раз процесс выигран.

— Вот в том-то и беда, сэр.

Сомс зорко посмотрел ему в лицо.

— Я вас не совсем понимаю.

— Нас сторонятся.

— Почему? Ведь вы выиграли дело?

— Да, но, видите ли, люди не прощают морального превосходства.

— Что это значит? Кто?..

Моральное превосходство — он сам его не выносил!

— Мы заражены добродетельным духом Фоскиссона. Я этого опасался. Флер болезненно реагирует на насмешки.

— Насмешки? Кто смеет?..

— Хорошо было нападать на современную мораль перед судьей и присяжными, но в обществе, где каждый гордится тем, что у него нет предрассудков, это почитается смешным.

— В обществе!

— Да, сэ. Но ведь живем-то мы в обществе. Мне все равно, к насмешкам я привык с тех пор, как начал проводить фоггартизм, но Флер совсем измучилась. И не, удивительно — ведь общество для нее любимая игра.

— Это слабость с ее стороны, — сказал Сомс. Но он не на шутку встревожился. Сначала ее называли «выскочкой», а теперь еще это!

— Тут этот немец повесился в Липпингхолле, — продолжал Майкл, — и мой фоггартизм, и эта стычка с Феррар — в общем несладко. Вся эта неделя после суда была скверная. Флер настолько выбита из колеи, что хочет ехать со мной в кругосветное путешествие.

Если бы в эту минуту за окном над голубятней взорвалась бомба. Сомс не был бы так ошеломлен. Кругосветное путешествие!

Майкл продолжал:

— И она права. Действительно, для нее это наилучший исход, но я не имею возможности бросить работу до окончания сессии. Дело начато, и я должен довести его до конца. Я только сегодня окончательно решился. Я бы чувствовал себя дезертиром, и в конечном счете ни один из нас не извлек бы из этого пользы. Но Флер еще не знает.

Голубятня встала на место — Сомс понял, что Майкл не увезет ее бог знает на сколько времени.

— Кругосветное путешествие! — повторил он. — Почему не Альпы?

— Мне кажется, — продолжал Майкл тоном врача, ставящего диагноз, — ей нужно что-то из ряда вон выходящее. В двадцать три года объехать весь свет! А то она чувствует себя отщепенкой.

— Но как же она бросит малыша?

— Да, вот показатель, в каком она сейчас состоянии. Эх, если бы я мог поехать!

Сомс широко раскрыл глаза. Неужели же молодой человек рассчитывает на его помощь? Ехать вокруг света! Безумная затея!

— Я должен ее повидать, — сказал он. — Оставьте мотоцикл в гараже; мы поедем в автомобиле. Я буду готов через двадцать минут. Идите вниз, там пьют чай.

Оставшись наедине с Фредом Уокером — картину он все еще не повесил, Сомс окинул взглядом свои сокровища, и сердце у него заныло. Давно они ему так не нравились. Флер коллекционировала людей, а теперь у нее отняли ее коллекцию. Бедняжка! Конечно, занятие было нелепое — разве люди могут дать удовлетворение? Не отвезти ли ей Шардена? Хороший Шарден! Думетриус обставил его на цене, но не слишком. А Шарден долговечен — он еще обставит на нем Думетриуса. Но если это доставит ей удовольствие! Он снял картину, взял ее под мышку и пошел вниз.

В автомобиле они говорили только о характере одиннадцатого баронета да о прискорбной склонности полиции не разрешать быстрой езды по новой дороге, проложенной с целью ускорить движение.

На Саут-сквер приехали к шести часам. Флер еще не вернулась. Оба уселись и стали ждать. Дэнди спустился вниз в поисках незнакомых ног, но, не найдя таковых, тотчас же удалился. В доме было очень тихо. Майкл то и дело посматривал на часы.

— Как вы думаете, куда она пошла? — спросил наконец Сомс.

— Понятия не имею, сэ! Вот за что не люблю Лондон — люди в нем пропадают, как иголки.

Он зашагал по комнате. Сомс уже хотел было сказать: «Сядьте!» — как вдруг Майкл, подойдя к окну, воскликнул: «Вот она!» — и бросился к двери.

Сомс остался на месте. Шардена он прислонил к креслу. Как долго они там разговаривают! Минуты проходили, а их все не было. Наконец вошел Майкл. Вид у него был очень серьезный.

— Она у себя наверху, сэр. Боюсь, что это ее ужасно расстроило. Может быть, вы пойдете к ней?

Сомс взял своего Шардена.

— Куда идти? Кажется, первая дверь налево?

Он медленно поднялся по лестнице, тихонько постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел.

Флер, закрыв лицо руками, сидела у бюро. Лампа бросала яркий блик на ее волосы, которым теперь снова разрешалось расти на затылке. Казалось, она не слышала, как он вошел. Сомс не привык видеть людей и показывать себя в такие интимные минуты, и теперь он не знал, что делать. Какое он имеет право заставить ее врасплох? Быть может, выйти и постучать еще раз? Но он был слишком встревожен. И, подойдя к ней, он коснулся пальцем ее плеча и сказал:

— Устала, дитя мое?

Она оглянулась — лицо было странное, чужое. И Сомс произнес фразу, которую она так часто слышала в детстве:

— Посмотри, что я тебе принес!

Он поднял Шардена. Она мельком взглянула на картину, и это обидело Сомса. Ведь Шарден стоит несколько сот фунтов! Очень бледная, она скрестила руки на груди, словно запираясь на ключ. Он узнал этот симптом. Душевный кризис! Раньше Сомс смотрел на такие кризисы как на нечто экстравагантное, как на неуместный приступ аппендицита.

— Майкл говорит, — начал он, — что ты хочешь отправиться с ним в кругосветное путешествие.

— Но он не может. Значит, конец делу.

Если бы она сказала: "Да, а почему он не хочет?", Сомс принял бы сторону Майкла, но сейчас в нем проснулся дух противоречия. В самом деле, почему она не может получить то, что хочет? Он поставил своего Шардена на пол и сделал несколько шагов по мягкому ковру.

— Послушай, — сказал он, останавливаясь, — где ты это ощущаешь?

Флер засмеялась:

— В висках, в глазах, в ушах, в сердце.

— Как они смеют смотреть на тебя свысока? — проворчал Сомс и опять зашагал по ковру.

Как будто все эти теперешние нахалы, которых он волей-неволей встречал иногда у нее в доме, окружили его и скалят зубы, поднимают брови. Больше всего ему сейчас хотелось поставить их на место — жалкие людишки!

— Н-не знаю, могу ли я с тобой поехать, — сказал он и осекся.

О чем он говорит? Кто просил его ехать с ней? Она широко раскрыла глаза.

— Конечно нет, папа.

— Конечно? Ну, это мы еще посмотрим!

— Со временем я привыкну к насмешкам.

— Незачем тебе привыкать, — проворчал Сомс. — Мне кажется, очень многие совершают кругосветное путешествие.

Флер порозовела.

— Да, но не ты, дорогой мой; ты будешь смертельно скучать. Я тебе очень благодарна, но, конечно, я этого не допущу. В твои-то годы!

— В мои годы? — сказал Сомс. — Я не так уж стар.

— Нет, папа, буду страдать молча, вот и все.

Сомс, не ответил и опять прошелся по ковру. Страдать молча — еще чего!

— Я не допущу, — прорвался он. — Если люди не могут вести себя прилично, я им покажу.

Теперь она стояла раскрасневшаяся, приоткрыв рот, глубоко дыша. Такой она пришла к нему когда-то показаться перед первым выездом в свет.

— Поедем, — сказал он ворчливо. — Не спорь. Я решил.

Ее руки — обвилась вокруг его шеи; что-то мокрое прижалось к его носу. Какая нелепость!..

В тот вечер, отстегивая подтяжки, Сомс размышлял. Да неужели он отправляется в кругосветное путешествие? Абсурд! А Майкл был ошеломлен. Он присоединится к ним в августе, где бы они в то время ни находились. О господи! Быть может, в Китае? Фантастическая история! А Флер ластится, как котенок. Забавная песенка, слышанная им в детстве от священника, звучала у него в ушах:

Я вижу Иерусалим и Мадагаскар,
И Северную и Южную Америку...

Да. Вот оно как! Слава богу, все дела у него в порядке. Капиталы Тимоти и Уинифрид обеспечены. Но как они тут без него будут жить, сказать трудно. Что касается Аннет — вряд ли она будет скучать. Смущала его скорее долгая разлука со всем привычным Пейзажем. Но, вероятно, утесы Дувра останутся на своем месте, и река по-прежнему будет течь мимо его лугов, когда он вернется, — если только вернется! В дороге можно подцепить что угодно — там и микробы, и насекомые, и змеи. Как уберечь от них Флер? А сколько диковинок ему придется обозревать! Уж можете быть уверены — Флер ничего не пропустит! Бродить с компанией туристов и разевать рот — нет, этого он не вынесет! Но ничего не поделаешь! Гм! Утешительно, что в августе к ним присоединится Майкл. А все-таки приятно, что все это время он будет с ней вдвоем. Впрочем, она захочет со всеми знакомиться. Ему придется быть любезным с каждым встречным. Заглянуть в Египет, потом в Индию, морем в Китай и Японию, а домой — через эту огромную, нескладную Америку. Страна господ бога — так, кажется, они ее называют. Еще хорошо, что о России Флер и не заикнулась, там, говорят, все пошло прахом. Коммунизм! Кто знает, что случится за это время в Англии! Сомсу казалось, что и Англия пойдет прахом, если он уедет. Ну что ж, ведь он уже сказал Флер, что едет с ней. А она расплакалась! Подумаешь!

Он открыл окно и, запахнувшись в теплый халат, который хранился здесь на случай его приездов, высунулся наружу. Словно видел он не Вестминстер-сквер, а свою реку и тополя, освещенные луной, — всю ту мирную красоту, которую он никогда не умел выразить словами, тот зеленый покой, который впитывал тридцать лет, но так и не пустил дальше подсознания. Не будет там привычных запахов, вздохов реки при ветре, плеска воды у запруды, звезд. Звезды, положим, есть и там, но, не английские звезда. А трава? Травы там, наверно, нет, И фруктовые деревья не успеют зацвести до их отъезда. Ну, да что плакать над пролитым молоком! А кстати о молоке, — у этого парня на ферме уж конечно коровы перестанут доиться, глуповат он! Нужно предупредить Аннет. Женщины не желают понять, что корова не станет бесконечно давать молоко, если за ней не ухаживать. Вот будь у него такой надежный человек в «Шелтере», как старый Грэдмен в Сити! Да! У старого Грэдмена глаза на лоб вылезут, когда он узнает! Вот она, старая Англия, только вряд ли она долговечна. Странно будет вернуться и узнать, что старый Грэдмен умер. Раз — два — три — одиннадцать! Этти часы! Сколько раз они не давали ему спать. А все-таки хорошие часы. Он уедет, а Майкл будет заседать и слушать, как они бьют. Есть ли смысл в идеях, которые заставляют его заседать, или это одни разговоры? Как бы то ни было — он прав, нельзя бросать начатое дело. Но пять месяцев разлуки с молодой женой — какой риск! «Скоро молодость пройдет». Старив Шекспир знал людей! Ну, риск или не риск, а вопрос решен. Флер не глупа, у Майкла сердце доброе. И у Флер доброе сердце — кто посмеет сказать, что нет? Ей тяжело будет расстаться с бэби. Сейчас она этого не сознает. И у Сомса шевельнулась надежда: может быть, она в конце концов откажется от своей затеи. Он и хотел этого и боялся. Странно! Привычки, уют, коллекция — все это он бросает за борт. Нелепо! И однако...

XII. ENVOI

Пять месяцев не видеть Флер!

Странное предложение Сомса действительно ошеломило Майкла. Но в конце концов сейчас они с Флер переживали кризис особенно серьезный, потому что он бил вызван повседневной жизнью. Быть может, во время путешествия кругозор Флер расширится; быть может, она поймет, что мир — это не те пять тысяч передовых людей, из коих в лицо она знает человек пятьсот. Ведь она сама настояла на том, чтобы он вошел в парламент, и если его не выставят оттуда как неудачника, они вместе пойдут по гребню, с которого открывается широкий вид. В течение двух недель, предшествовавших отъезду, он страдал и улыбался. Он был благодарен ей за то, что она, по выражению ее отца, "ластится, «как котенок». С начала осени она нервничала изза этого проклятого процесса, и такая реакция казалась вполне естественной. Во всяком случае, она сочувствовала ему и не скупилась на поцелуи, а для Майкла это было великим утешением. Несколько раз он замечал, что она со слезами на глазах смотрит на одиннадцатого баронета; както утром он проснулся и увидел, что лицо ее заплакано. По его мнению, эти симптомы указывали на то, что она намерена вернуться. Но бывали минуты, когда все мысли о будущем путались, как в бреду. Нелепо! Ведь она едет с отцом — этим воплощением осмотрительности и заботливости! Кто бы мог подумать, что «Старый Форсайт» способен сняться с места? Он тоже расставался с женой, но никак этого не проявлял. Впрочем, о чувствах «Старого Форсайта» никто ничего не мог сказать; сейчас все его внимание было сосредоточено на дочери, а говорил он главным образом о билетах и насекомых. Для себя и для Флер он купил по спасательной куртке. Майкл имел с ним только один серьезный разговор.

— Пожалуйста, — сказал Сомс, — присмотрите за моей женой, последите, чтобы о, на не испортила коров. У нее будет жить ее мать, но женщины такие чудные. С ребенком она справится отлично — вот увидите. Как у вас с деньгами?

— Хватит за глаза, сэр.

— Ну, если потребуется на дело, зайдите в Сити, к старому Грэдмену, вы его помните?

— Да, и боюсь, что он тоже меня помнит.

— Ничего, он верный старик. — И Майкл услышал вздох. — И еще: заглядывайте изредка на Грин-стрит. Моей сестре, будет не по себе, когда я уеду. Время от времени я буду посылать сведения о Флер, ведь теперь изобретено это радио, а Флер будет беспокоиться о бэби. — Хинином я запасся. Флер сказала, что не страдает морской болезнью. Говорят, от нее лучше всего помогает шампанское. Между прочим, конечно, вам виднее, но я бы на вашем месте не слишком напирал на фоггартизм там в парламенте; они не Любят, чтобы им надоедали. Встретимся мы с вами в Ванкувере, в конце августа. К тому времени ей надоест путешествовать. Сейчас она мечтает о Египте и Японии, но не знаю. Наверно, все время будем в дороге.

— Есть у вас парусиновые костюмы, сэр? Они вам понадобятся на Красном море; и я бы взял шлем.

— Шлем я купил, — ответил Сомс. — Тяжелая, громоздкая штука.

Он посмотрел на Майкла и неожиданно добавил:

— Я буду за ней следить, а вы, надеюсь, сами за собой последите.

Майкл его понял.

— Да, сэр. Я вам очень благодарен. Я думаю, для вас такое путешествие — подвиг.

— Нужно надеяться, что ей оно пойдет на пользу, а малыш не будет по ней скучать.

— Постараюсь, чтобы он не скучал.

Сомс, сидевший перед «Белой обезьяной», казалось, погрузился в транс; потом встрепенулся и сказал:

— Война нарушила равновесие. Должно быть, люди и теперь во что-нибудь верят, но я не знаю, что это такое.

Майкл заинтересовался.

— А можно вас спросить, сэр, во что вы сами верите?

— Верю в то, во что отцы наши верили. А теперь люди слишком многого ждут от жизни; им неинтересно просто жить.

«Неинтересно просто жить!» Эти слова показались Майклу знаменательными. Не вскрывали ли они сущность всех современных исканий?

Последняя ночь, последний поцелуй и тягостная поездка в автомобиле Сомса в порт. Майкл один их провожал. Хмурая пристань, серая река; возня с багажом, давка на катере. Мучительная процедура! Мучительная даже для Флер, как показалось Майклу. Последние бесконечные минуты на пароходе. Сомс, изучающий новую обстановку. Дурацкая улыбка, сводящая скулы; плоские шутки. И этот момент, когда Флер прижалась к нему и крепко его поцеловала.

— Прощай, Майкл! Мы расстаемся ненадолго.

— Прощай, дорогая! Береги себя. Я буду сообщать тебе все новости. Не беспокойся о Ките.

Зубы его стиснуты; у нее — он это видел — на глазах слезы.

И еще раз:

— Прощай!

— Прощай!

Опять на катере, серая полоса воды ширится, ширится между ним и бортом парохода, и высоко над поручнями лица, лица... Лицо Флер под светло-коричневой шляпкой; она машет рукой. А левее «Старый Форсайт», один, — отошел в сторонку, чтобы не мешать им проститься, — длиннолицый, седоусый, неподвижный; нахохлился, одинокий, как птица, залетевшая в неведомые края и с тоской озирающаяся на покинутый берег. Они делались все меньше и меньше, расплылись, исчезли.

Возвращаясь в Вестминстер, Майкл курил одну папиросу за другой и снова перечитывал все ту же фразу в газете:

«Ограбление в Хайгете, грабитель скрылся».

Он отправился прямо в палату общин. В течение нескольких часов он сидел, слушая прения по какому-то биллю о просвещении и изредка понимая два-три слова. Какие у него шансы добиться чего-нибудь здесь, в этой палате, где люди по-прежнему мирно беседуют и спорят, словно Англия осталась Англией 1906 года, и где о нем, Майкле, сложилось такое мнение: «Симпатичный, но сумасбродный молодой человек!» Национальное единство, национальный подъем — как бы не так, кому это нужно! Ломиться в дверь, которую все считают нужным открыть, но в которую не пролезть никому. А между ним оратором все ширилась серая полоса воды; лицо под светло-коричневой шляпой сливалось с лицом депутата Уошбэзона; между двух лейбористов вдруг возникло лицо «Старого Форсайта» над поручнями; и все лица сливались в сплошной туман над серой рекой, где носились чайки.

При выходе он увидел лицо более реальное — Мак-Гаун! Ну и свиреп! Впрочем, неверно. Никому эта история не дала ничего хорошего. *Multum ex p. arvo, parvum ex multo!* Вот в чем комедия наших дней.

Он решил зайти домой взглянуть на Кита и послать Флер радиотелеграмму. По дороге он увидел четырех музыкантов, с остервенением игравших на разных инструментах. Все здоровые, крепкие, все обтрепанные. «О черт! подумал Майкл, — этого я помню — он был в моей роте, во Франции!» Он подождал, пока тот перестал раздувать щеки. Ну конечно! И хороший был малый. Впрочем, все они были хорошими малыми, прямо чудеса творили! А теперь вот что с ними стало. И он чуть было их не покинул! У каждого свое лекарство, какое лучше — неизвестно, но держаться своего нужно. И если будущее темно и судьба скалит зубы — ну что ж, пусть ее скалит!

Как пусто в доме! Завтра Кит с собакой уедет в «Шелтер», и станет совсем пусто. Майкл бродил по комнатам и старался представить себе Флер. Нет, это слишком мучительно! Кабинет показался ему более приемлемым, и он решил там обосноваться.

Он направился в детскую и тихонько приоткрыл дверь. Белизна, кретон; Дэнди лежит на боку; горит электрический камин. По стенам развешаны гравюры — их выбирали осмотрительно, памятуя о том моменте, когда одиннадцатый баронет обратит на них внимание; гравюры все смешные, без нравоучений. Высокая блестящая решетка перед

камином, на окнах веселые ситцевые занавески — хорошая комната!

Няня в синем платье стояла спиной к двери и не видела Майкла. А за столом на высоком стульчике сидел одиннадцатый баронет. Хмурясь из-под темных каштановых волос, он сжимал ручонкой серебряную ложку и размахивал ею над стоящей перед ним чашкой.

Майкл услышал голос няни:

— Теперь, когда мама уехала, ты должен быть маленьким мужчиной, Кит, и научиться есть ложкой.

Затем Майкл увидел, как его отпрыск с размаху опустил ложку в чашку и расплескал молоко.

— Совсем не так нужно делать!

Одиннадцатый баронет повторил тот же номер и, весело улыбаясь, ждал похвалы.

— Шалун!

— А! — пискнул одиннадцатый баронет, щедро расплескивая молоко.

— Ах ты, баловник!

"Англия, моя Англия! «, как сказал поэт», — подумал Майкл.

Интерлюдия: ВСТРЕЧИ

I

В Вашингтоне светило осеннее солнце, и все, кроме камня и вечнозеленых деревьев на кладбище Рок Крик, сверкало. Сомс Форсайт сидел перед статуей Сент-Годенса, подложив под себя пальто, и, прислонившись к мраморной спинке скамьи, наслаждался уединением и полоской солнечного света, игравшего между кипарисами.

С дочерью и зятем он уже был здесь накануне днем, и место ему понравилось. Помимо привлекательности всякого кладбища, статуя будила в нем чувство знатока. Купить ее было невозможно, но она, несомненно, была произведением искусства, из тех, что запоминаются. Он не помнил статуи, которая так сильно дала бы ему почувствовать себя дома. Эта большая зеленоватая бронзовая фигура сидящей женщины в тяжелых складках широкой одежды уводила его, казалось, в самую глубь собственной души. Вчера в присутствии Флер, Майкла и других, глазевших на нее вместе с ним, он воспринял не столько настроение ее, сколько техническое совершенство, но теперь, в одиночестве, можно было позволить себе роскошь предаться личным ощущениям. Ее называли «Нирваной» или «Памятником Адамсу», он не знал точно. Но, как бы там ни было, вот она перед ним, самое лучшее из виденного в Америке — то, что доставило ему наибольшее удовольствие, как ни много он видел воды в Ниагаре и небоскребов в Нью-Йорке. Три раза он пересаживался на полукруглой мраморной скамье, и каждый раз ощущение менялось. С того места, где он сидел теперь, казалось, что эта женщина уже перешла предел горя. Она сидела в застывшей позе смирения, которое глубже самой смерти. Замечательно! Есть же что-то в смерти! Он вспомнил своего отца Джемса, через четверть часа после смерти выглядевшего так, словно... словно ему наконец сказали!

Лист клена упал ему на рукав, другой на колено. Он не смахнул их. Легко сидеть неподвижно перед этой статуей! Заставить бы Америку посидеть здесь раз в неделю!

Он встал, подошел к памятнику и осторожно потрогал складку зеленой бронзы, словно сомневаясь в возможности вечного небытия.

— У меня сестра в Далласе — еще совсем молоденькая, вышла там за служащего железной дороги. Да, Техас замечательный штат. Сестра только смеется, когда говорят, что там климат неважный.

Сомс отнял руку от бронзы и вернулся на свое место. В святилище входили двое — высокие, тонкие, немолодые. Дошли до середины и остановились. Потом один сказал: «Ну

что ж», и они двинулись к другому выходу. Легкое дуновение ветерка пошевелило упавшие листья у подножия статуи. Сомс передвинулся на самый конец скамьи. Отсюда статуя снова была женщиной. Очень интересно! И он сидел неподвижно, в позе мыслителя, закрыв рукой нижнюю часть лица.

Сильно загорелый и по виду бесспорно здоровый, он привык считать себя измученным долгим путешествием, которое, опоясав земной шар, должно было закончиться послезавтра, с посадкой на «Адельфик». Трехдневное пребывание в Вашингтоне было последней каплей, и переносил его Сомс прекрасно. Город был приятный: в нем оказалось несколько красивых зданий и масса по-осеннему ярких деревьев, здесь не было нью-йоркской сутолоки, и во многих домах, по его мнению, даже можно было бы жить по-человечески. Конечно, город кишел американцами, но это уж было неизбежно. И Флер его радовала: она совсем успокоилась после этой неприятной истории с Феррар, была, по-видимому, в прекрасных отношениях с Майклом и с удовольствием ждала возвращения домой и встречи с ребенком. Сомс безмятежно предавался ощущению завершенности и покоя, чувству, что добродетель сама себе награда, и главное — мысли, что скоро он снова услышит запах английской травы и снова увидит реку, протекающую мимо его коров. Аннет — и та, возможно, будет рада его видеть: он купил ей в Нью-Йорке превосходный браслет с изумрудами. И завершением этой общей удовлетворенности явилась статуя «Нирваны».

— Вот мы и пришли, Энн.

Английский голос, и двое молодых людей на дальнем конце — наверно, будут болтать! Он готовился встать, когда услышал голос девушки — американский голос, но мягкий и странно интимный.

— Джон, она изумительная. У меня прямо замирает вот тут.

По движению ее руки Сомс увидел, что именно там замирало и у него, когда он смотрел на статую.

— Вечный покой. Грустно от неД, Джон.

В ту минуту, когда молодой человек взял ее под руку, стало видно его лицо. С быстротой молнии половина лица Сомса опять скрылась за его рукой. Джон! Да, вот оно что! Джон Форсайт — никакого сомнения! И эта девочка — его жена, сестра, как он слышал, того молодого американца, Фрэнсиса Уилмота. Что за несчастье! Он прекрасно помнил лицо молодого человека, хотя видел его только в галерее на Корк-стрит, да после в кондитерской, да раз в тот невеселый день, когда ездил в Робин-Хилл просить свою разведенную первую жену позволить ее сыну жениться на его дочери. Никогда он так не радовался отказу. Никогда меньше не сомневался, что так нужно, а между тем боль, испытанная им, когда он сообщил об этом отказе «Флер, осталась у него в памяти, как тлеющий уголь, красный и жгучий под пеплом лет. Надвинув шляпу на лоб и заслонившись рукой, он стал наблюдать.

Молодой человек стоял с непокрытой головой, словно поклоняясь статуе. Что-то форсайтское в нем есть, хотя слишком уж большая шевелюра. Говорили — поэт! Неплохое лицо, что называется обаятельное; глаза посажены глубоко, как у деда, старого Джолиона, и такого же цвета — темно-серые; более светлый тон волос — очевидно, от матери; но подбородок Форсайта. Сомс взглянул на его спутницу. Среднего роста, смугло-бледная, черные волосы, темные глаза; красивая посадка головы и хорошо держится — очень прямо. Что и говорить — мила! Но как мог этот мальчик увлечься ею после Флер? Все же у нее естественный вид для американки; чуть похожа на русалку, и что-то в ней есть интимное, домашнее.

Ничто в Америке не поразило Сомса так сильно, как отсутствие обособленности и чувства дома. Чтобы остаться в одиночестве, нужно выключить телефон и залезть в ванну — иначе непременно позвонят, как раз когда собираешься ложиться спать, и спросят, не вы ли мистер и миссис Ньюберг. И дома не отделены друг от друга и от улицы. В отелях все комнаты сообщаются, в вестибюле — неизбежная стая банкиров. А обеды — ничего в них домашнего; даже если обедаешь в гостях, всегда одно и то же: омары, индейка, спаржа, салат и сливочное мороженое; конечно, блюда все хорошие и в весе прибавляешь — но ничего

домашнего.

Те двое разговаривали. Он вспомнил голос молодого человека.

— Это величайшее создание рук человеческих во всей Америке, Энн. У нас в Англии не найдешь ничего подобного. Прямо аппетит разыгрывается — придется поехать в Египет.

— Твоя мама согласилась бы с радостью, Джон; и я тоже.

— Пойдем посмотрим ее с другой стороны.

Сомс поспешно встал и вышел из ниши. Его не узнали, но он был взволнован. Нелепая, даже опасная встреча! Он проездил шесть месяцев, чтобы вернуть Флер душевное равновесие, и теперь, когда она успокоилась, он ни за что на свете не допустит, чтобы она снова разволновалась от встречи со своей первой любовью. Он слишком хорошо помнил, как его самого волновал вид Ирэн. Да, а ведь очень возможно, что Ирэн тоже здесь! Ну что же, Вашингтон — большой город. Опасность невелика! После обеда — поездка в Маунт.

Верной, а завтра рано утром отъезд. У ворот кладбища его ждало такси. Один из автомобилей, стоявших тут же, принадлежал, очевидно, этим молодым людям; и он искоса оглядел машины. Не возникло ли у него опасение или надежда увидеть в одной из них, ту, которую когда-то, в другой жизни, он видел день за днем, ночь за ночью, которая вечно, казалось, ждала того, что он не мог ей дать. Нет! Только шоферы переговариваются. И, садясь в такси, он сказал:

— Отель «Потомак».

— Отель «Потбмак»?

— Если вам так больше нравится.

Шофер ухмыльнулся и захлопнул дверцу. Дом раненых воинов! Ветераны-то, говорят, почти все умерли. Впрочем, и с последней войны их вернулось немало. А что для Америки пространство и деньги? Здесь столько их — не знают куда девать! Что ж, неважно, раз ему скоро уезжать. Ничего не важно. Он даже пригласил целую кучу американцев заехать посмотреть его коллекцию, если они будут в Англии. Все они были очень радушны, очень гостеприимны; он перевидал множество прекрасных картин, среди них несколько китайских. И столько высоких зданий; и воздух очень бодрящий. Жить он здесь не хотел бы, но не надолго — почему же! Во всем так много жизни — неплохое возбуждающее средство!

«Не могу себе представить, как она здесь живет, — вздумалось ему вдруг. — В жизни не видал более „домашнего“ человека». Машины катились мимо или рядами выстраивались на стоянках. Машины и газеты — вот Америка! И внезапная мысль встревожила его. Они здесь все печатают, Что, если в списке прибывших есть его имя?

Вернувшись в отель, он сейчас же прошел к киоску, где продавались газеты, зубная паста, конфеты, о которые ломаются зубы, вероятно, и новые зубы взамен сломанных. Список прибывших? Вот он: «Отель „Потомак“,: м-р и м-с Мак-Гунн; две мисс Эрик; м-р Х. Йелам Рут; м-р Семмз Форсит; м-р и м-с Мунт». Ну конечно, тут как тут! Только, к счастью, совсем не похоже: Форсит! Мунт! Никогда не напишут верно. „Семмз“! Неузнаваемо, надо надеяться. И, подойдя к окошечку конторы, он взял книгу приезжающих. Да! Он написал имена совершенно четко. И слава богу, иначе они по ошибке напечатали бы их правильно. А потом, перевернув страницу, он прочел: „М-р и м-с Джолион Форсайт“. Здесь! В этом отеле! За день до них; да, и на самом верху страницы, с пометкой на несколько дней раньше: «М-с Ирэн Форсайт». Мысль его заработала с невероятной быстротой. Надо взяться за дело сейчас же. Где Флер и Майкл? Галерею Фриэра они осмотрели вместе вчера — прелестная, между прочим, галерея, лучшей в жизни не видел. И были у памятника Линкольну, и у какой-то башни, на которую он отказался лезть. Сегодня утром они собирались в галерею Коркоран, на юбилейную выставку. Он знает, что это такое. Видел он в своД время юбилейные выставки в Англии! Модные художники всех эпох, а в результате — грусть и печаль. И он сказал клерку:

— Есть тут где-нибудь ресторан, где бы можно хорошо позавтракать?

— Конечно. У Филлера отлично готовят.

— Так вот, если придут моя дочь с мужем, будьте любезны передать им, что я буду

ждать их у Филлера в час.

И, подойдя опять к киоску, он купил билеты в оперу, чтобы было куда уйти вечером, а через десять минут уже направлялся к галерее Коркоран. От Филлера они проедут прямо в Маунт-Вернон; пообедают перед спектаклем в каком-нибудь другом отеле и завтра первым поездом прочь отсюда — он не желает рисковать. Только бы поймать их в галерее!

Придя туда, он по привычке купил каталог и прошел наверх. Комнаты выходили в широкий коридор, и он начал с последней, где помешалась современная живопись, А вот и они перед картиной, изображающей заходящее солнце. Уверенный в них, но еще не уверенный в себе — Флер так проникательна, — Сомс взглянул на картины. Все современщина, подражание французским выдумкам, которые Думетриус еще полгода тому назад показывал ему в Лондоне. Как он и думал — все одно и то же; свободно могли бы все сойти за работу одного художника, Он увидел, как Флер дотронулась до руки Майкла и засмеялась. Какая она хорошенькая! Было бы слишком жаль опять еД расстроить. Он подошел к ним. Что? Это, оказывается, не заходящее солнце, а лицо мужчины? Да, в наше время никак не угадаешь.

И он сказал:

— Я решил зайти за вами. Мы завтракаем у Филлера — говорят, там лучше, чем у нас в отеле, а оттуда можем прямо поехать в Маунт-Вернон. А на вечер я взял билеты в оперу.

И, чувствуя на себе пристальный взгляд Флер, он стал разглядывать картину Ему было очень не по себе.

— Что, более старые картины — лучше? — спросил он.

— Знаете, сэр, Флер как раз только что говорила: как можно еще заниматься живописью в наши дни?

— То есть почему это?

— Если пройдете всю выставку, скажете то же самое. Здесь ведь собраны картины за сто лет.

— Лучшие произведения никогда не попадают на такие выставки, — сказал Сомс, — берут, что могут достать. Райдер, Инис, Уистлер, Сарджент — у американцев есть великие мастера.

— Разумеется, — сказала Флер. — Но ты правда хочешь все осмотреть, папа? Я страшно проголодалась.

— Нет, — сказал Сомс. — После той статуи что-то не хочется. Пойдемте завтракать.

II

Маунт-Вернон! Расположен он был замечательно! Яркая раскраска листвы и поросший травую обрыв, а под ним широкий синий Потомак, даже по признанию Сомса более внушительный, чем Темза, А наверху низкий белый дом, спокойный и действительно уединенный, если не считать экскурсантов, почти английский и внушающий чувство, не испытанное им с самого отъезда из Англии, Понятно, почему этот Георг Вашингтон любил его. Сомс и сам мог бы привязаться к такому месту, Старый дом лорда Джона Рассела на холме в Ричмонде немножко напоминал его, если бы, конечно, не ширина реки и не это чувство, которое у него по крайней мере всегда являлось в Америке и Канаде, будто стараются заполнить страну и не могут — такое огромное пространство и, по-видимому, полный недостаток времени. Флер была в восторге, а Майкл заметил, что все это, «честное слово, знаменито! „. Солнце пригревало Сомсу щеку, когда он в последний раз огляделся с широкого крыльца, прежде чем войти в самый дом, Это он запомнит — не вся Америка создавалась в один день! Он вошел в дом и стал тихо пробираться по комнатам нижнего этажа. Правда, устроено все было на редкость хорошо. Одни только подлинные вещи полуторавековой давности, напомнившие Сомсу минуты, проведенные в антикварных лавках старых английских городков. Слишком много, конечно, „Георга Вашингтона“: кружка Георга Вашингтона, ножная ванна Георга Вашингтона, и его письмо к такому-то, и кружево

с его воротника, и его шпага, и его карабин, и все, что принадлежало ему. Но это, положим, было неизбежно. Отделившись от толпы, отделившись даже от своей дочери. Сомс двигался, укрывшись, как плащом, своей коллекционерской привычкой молчаливой оценки; он так не любил смешивать свои суждения с глупостями ничего не понимающих людей. Он добрался до спальни на втором этаже, где Георг Вашингтон умер, и стал разглядывать ее через решетку, как вдруг уловил звуки, от которых кровь застыла у него в жилах. Те самые голоса, которые он слышал утром перед статуей Сент-Годенса, и вперемежку с ними голос Майкла! И Флер здесь? Беглый взгляд через плечо успокоил его. Нет! Они стояли втроем у парадной лестницы и обменивались замечаниями, обычными между чужими людьми, случайно интересующимися одним и тем же. Он слышал, как Майкл сказал: „Хороший вкус у них был в то время“, а Джон Форсайт ответил: «Ведь все ручная работа».

Сомс бросился к задней лестнице, толкнул какую-то толстую даму, отпрянул, споткнулся и ринулся вниз. Если Флер не с Майклом, значит она завладела хранителем музея. Увести ее, пока те трое не сошли вниз! Два молодых англичанина вряд ли представят друг другу, а если и так, надо поскорее отвлечь Майкла. Но как увести Флер? Да, вот она — беседует с хранителем перед флейтой Георга Вашингтона, лежащей на клавикордах Георга Вашингтона в гостиной, И Сомсу стало тяжело. Возмутительно болеть, еще более возмутительно притворяться больным! А между тем — как же иначе? Не может он подойти к ней и сказать: «С меня довольно, едем домой». Судорожно глотая слюну, он приложил ко лбу руку и пошел к клавикордам.

— Флер, — начал он и сейчас же, чтобы не дать ей сбить себя, продолжал: — Мне что-то нездоровится. Придется пойти сесть в автомобиль.

Слова поразительные в устах такого сдержанного человека.

— Папа, что с тобой?

— Не знаю, — сказал Сомс, — голова кружится. Дай мне руку.

Право же, ужасно для него — вся эта история. Пока они шли к автомобилю, оставленному у ворот, ее заботливость так смущала его, что он готов был бросить свои уловки. Но он ухитрился проговорить:

— Слишком много двигался, должно быть; а может, еда виновата. Я посижу спокойно в автомобиле.

К его великой радости, она села рядом с ним, достала пузырек с нюхательными солями и послала шофера за Майклом. Сомс был тронут, хотя ему совсем не нравилось нюхать соли, которые оказались очень крепкими.

— Вот суматоха из-за пустяков, — проговорил он.

— Лучше поедem сейчас домой, милый, и ты ляжешь.

Через несколько минут прибежал Майкл. Он тоже, как показалось Сомсу, выразил непритворную тревогу, и машина тронулась, Сомс откинулся на спинку. Флер держала его руку; он плотно сжал губы, закрыл глаза и чувствовал себя, пожалуй, лучше чем когда-либо. Не доезжая Александрии, он раскрыл рот, чтобы сказать, что испортил им поездку; нужно ехать домой через Арлингтон, и он подождет в автомобиле, а они осмотрят музей. Флер не хотела сначала, но он настоял. Зато когда они остановились перед этим вторым белым домом, тоже удачно расположенным над рекой, с ним чуть не случился припадок, пока он ждал их. Что если та же мысль придет в голову Джону Форсайту и он вдруг подкатит сюда? Он испытал острое чувство облегчения, когда они вышли из дома, говоря, что тут очень хорошо, но не сравнить с Маунт-Вернон: слишком массивные колонны у входа. Когда машина снова покатила по багряному лесу. Сомс окончательно открыл глаза.

— Все прошло. Скорей всего, печень шалила.

— Тебе бы выпить рюмку коньяку, папа. Можно достать по рецепту врача.

— Врача? Глупости. Пообедаем у себя в номере, и я достану у официанта. У них, наверно, найдется.

Обедать в номере! Это была счастливая мысль.

Добравшись к себе, он лег на диван, растроганный и довольный, потому что Флер

поправляла ему подушки, затемнила лампу и поглядывала на него поверх книги, чтобы удостовериться, лучше ли ему. Он не помнил, чтобы когда-нибудь чувствовал так определенно, что она его любит. Он даже думал: «Не мешало бы болеть вот так изредка!» А дома, чуть только он жаловался, что ему плохо, Аннет сейчас же жаловалась, что ей еще хуже.

Совсем близко, в маленькой гостиной через площадку, играли на рояле.

— Тебе не мешает музыка, милый?

У Сомса мелькнула мысль: «Ирэн!» А если так и Флер пойдет просить, чтобы перестали играть, — вот тогда действительно заварится каша.

— Нет, не надо, даже приятно, — поспешил он сказать.

— Очень хорошее туше.

Туше Ирэн! Он помнил, как Джун когда-то восторгалась ее туше; помнил, как застал однажды Боснии, слушавшего ее в маленькой гостиной на Монпелье-сквер, и его лицо, вечно выражавшее какую-то тревогу; помнил, как она всегда бросала играть, когда появлялся он сам, — из боязни ли помешать, или считая, что он все равно не оценит? Он никогда не понимал. Никогда ничего не понимал! Он закрыл глаза и сейчас же увидел Ирэн в изумрудно-зеленом вечернем платье в передней дома на Парк-Лейн, в день первого приема после их, свадебного путешествия, Почему такие картины возникают, чуть закроешь глаза, — картины без всякого смысла? Ирэн расчесывает волосы — теперь, наверное, седые! Ему семьдесят лет, ей, значит, около шестидесяти двух. Как бежит время! Волосы цвета вишни — так называла их старая тетя Джули с некоторой гордостью, что нашла верное выражение, — и глаза такие бархатисто-темные! Ах, да разве во внешности дело? А впрочем, кто знает? Может быть, если бы он умел выражать свои чувства! Если б понимал музыку! Если б она не возбуждала его так! Может быть... о, к черту «может быть»! Разве угадаешь? И здесь, именно здесь. Путаная история. Неужели никогда не забыть?

Флер ушла укладывать вещи и одеваться. Принесли обед. Майкл рассказал, что встретил в Маунт-Вернон премилую молодую пару. «Англичанин. Сказал, что Маунт-Вернон вызывает у него тоску по родине».

— Как его фамилия, Майкл?

— Фамилия? Не спросил. А что?

— Так, не знаю. Думала, может, спросил.

У Сомса отлегло от сердца. Он видел, как она насторожилась, Малейший предлог, и ее чувство к сыну Ирэн вспыхнет снова. Это в крови!

— Брайт Марклэнд все болтает о будущем Америки, — сказал Майкл, — очень радужно настроен, потому что осталось так много фермеров и людей, работающих на земле. Впрочем, он болтает и о будущем Англии и тоже настроен очень радужно, хотя у нас на земле почти никто не работает.

— Кто это Брайт Марклэнд? — буркнул Сомс.

— Редактор одного нашего журнала, сэр. Непревзойденный пример оптимизма или умения поворачиваться, куда ветер дует.

— Я надеялся, — сказал Сомс вяло, — что, посмотрев новые страны, вы почувствуете, что старая еще на что-то годится.

Майкл рассмеялся.

— В этом нет надобности меня убеждать, сэр. Но я, видите ли, принадлежу к так называемому привилегированному классу, и вы, сколько я знаю, тоже.

Сомс поднял глаза. Этот молодой человек иронизирует!

— Ну-с, — сказал он, — а я буду рад вернуться. Вещи уложены?

Да, вещи были уложены. И скоро он вызвал им по телефону такси. Чтобы они не замешкались в вестибюле, он сам сошел вниз усадить их в машину. Совершилось это гладко и без помехи. И с глубоким вздохом облегчения он вошел в лифт и был доставлен назад в свой номер.

III

Он стоял у окна и смотрел на высокие дома, огни, автомобили, пробегающие далеко внизу, и чистое звездное небо. Теперь он и вправду устал; еще один такой день — и не нужно будет симулировать недомогание. Ведь на волоске висело, и не один раз, а несколько! Он жаждал дома и покоя. Быть под одной крышей с этой женщиной — как странно! Он не проводил ночи под одной крышей с нею с того страшного дня в ноябре 87-го года, когда он все бродил и бродил по Монпелье-сквер и вернулся к своей двери, чтобы столкнуться там с молодым Джолионом. Один любовник мертв, а другой уже на его пороге! В ту ночь она скрылась из его дома; и никогда с тех пор до самого этого дня они не ночевали под одной крышей. Опять эта музыка — тихая и дразнящая! Неужели играет она? Чтобы не слышать, он прошел в спальню и стал складывать вещи. Это заняло не много времени, так как у него был всего один чемодан. Что же, ложиться? Лечь и не спать? Он был выбит из колеи. Если это она сидит у рояля так близко от него... как-то она выглядит теперь? Семь раз — нет, восемь — видел он ее с того давно ушедшего ноябрьского вечера. Два раза в ее квартирке в Челси; потом у фонтана в Булонском лесу; в Робин-Хилле, когда явился с ультиматумом ей и молодому Джолиону; на похоронах королевы Виктории; на стадионе; снова в Робин-Хилле, когда ездил просить за Флер, и в галерее Гаупенор перед самым ее отъездом сюда. Каждую встречу он помнил во всех подробностях — вплоть до прощального движения затянутой в перчатку руки тогда, в последний раз, до чуть заметной улыбки губ.

И Сомс почувствовал озноб. Слишком жарко в этих американских комнатах! Он опять перешел в гостиную; со стола было убрано, ему принесли вечернюю газету; ни к чему это. Здешние газеты не интересовали его, На таком расстоянии от прошлого — так далеко и так давно — что чувствовал он теперь по отношению к ней? Ненависть? Слишком сильно! Нельзя ненавидеть тех, кто так далеко. Да ненависти, собственно, и не было! Даже когда он впервые узнал об ее измене. Презрение? Нет. Она сделала ему слишком больно. Он сам не знал, что чувствовал. И он стал ходить взад и вперед и раза два остановился у двери и прислушался, как узник в темнице Недостойно! И, подойдя к дивану, он растянулся на нем. Надо подумать о путешествии. Доволен ли он им? Сплошной вихрь предметов, и лиц, и воды, А между тем все шло по программе, кроме Китая, куда они и не заглянули, такое там сейчас положение. Сфинкс и Тадж-Махал, порт Ванкувер и Скалистые горы — они точно в чехарду играли у него в памяти; а теперь эти звуки; неужели она? Странно! В жизни человека бывает, видно, только одно по-настоящему знойное лето. Все, что случается после, — чуть греет; и лучше, может быть, а то котел бы взорвался. Чувства первых лет, когда он знал ее, — хотел бы он пережить их снова? Ни за что на свете! А впрочем... Сомс встал Музыка все продолжалась; но когда она кончится, того, кто играет — будь то она или не она — уже не увидишь. Почему не пройти мимо маленькой гостиной, просто пройти мимо и... заглянуть? Если она... ну что ж, красота ее, наверно, увяла — та красота, что так опустошила его. Он заметил, как стоял рояль: да, он сможет увидеть играющего в профиль. Он отворил дверь, музыка зазвучала громче; и он двинулся вперед.

Только комната Флер отделяла его теперь от маленькой открытой гостиной по ту сторону лестницы. В коридоре не было никого, даже мальчиков-посыльных. В конце концов, наверное, какая-нибудь американка; возможно, эта девочка, жена Джона. Но нет — было что-то... что-то в самом звуке! И, держа перед собой развернутую вечернюю газету, он пошел дальше, Три колонны отделяли гостиную от коридора, заменяя собою то, чего так недоставало Сомсу в Америке, — четвертую стену. У первой колонны он остановился. Около рояля стояла высокая лампа под оранжевым абажуром, и свет ее падал на ноты, на клавиши, на щеку и волосы игравшей. Она. Хоть он и предполагал, что она поседела, но вид этих волос, в которых не осталось ни одной нити прежнего золота, странно подействовал на него. Волнистые, мягкие, блестящие, они покрывали ее голову, как серебряный шлем. На ней был вечерний туалет, и он увидел, что ее шея, плечи и руки все еще округлы и прекрасны. Все ее тело слегка покачивалось в такт музыке. Платье ее было зеленовато-серое. Сомс стоял

за колонной и смотрел, прикрыв лицо рукой — на случай, если она обернется. Он, собственно, ничего не чувствовал — лента памяти развернулась слишком быстро. От первой встречи с ней в борнмутской гостиной до последней встречи в галерее Гаупенор промелькнула вся жизнь со своим жаром, и холодом, и болью; долгая борьба чувств, долгое унижение духа, долгая, трудная страсть и долгие усилия приучить себя к отупению и равнодушию. Ему сейчас меньше всего хотелось заговорить с ней, но взгляд оторвать он не мог. Вдруг она кончила играть; наклонилась вперед, закрыла йоты и потянулась к лампе, чтобы потушить ее. Лицо ее осветилось, и, отступив назад, Сомс увидел его — все еще прекрасное, может быть, более прекрасное, слегка похудевшее, так что глаза казались даже темнее, чем прежде, больше, мягче под все еще темными бровями. И опять явилась мысль: «Вот сидит женщина, которую я никогда не знал!» И с какой-то досадой он отклонился назад, — чтобы не видеть. Да, у нее было много недостатков, но самым большим всегда была и осталась ее проклятая таинственность. И, ступая бесшумно, как кошка, он вернулся к себе в номер.

Теперь он устал смертельно; он прошел в спальню и, поспешно раздевшись, лег в постель. Он всем сердцем желал быть на пароходе под английским флагом. «Я стар, — подумал он вдруг, — стар». Слишком молода для него эта Америка, полная энергии, спешащая к непонятным ему целям. Вот восточные страны — другое дело. А ведь ему в конце концов только семьдесят лет. Отец его дожил до девяноста, старый Джолион до восьмидесяти пяти, Тимоти до ста — и так все старые Форсайты. Они-то в семьдесят лет не играли в гольф; а между тем были моложе, уж конечно моложе, чем он чувствовал себя сегодня. Вид этой женщины... Стар!

«Не стареть же я еду домой, — подумал, он. — Если опять почувствую себя так, посоветуюсь с кем-нибудь», Существует какая-то обезьянья штука, которую впрыскивают. Это не для него. Обезьяны, скажите пожалуйста! Почему не свиньи, не тигры? Как-нибудь продержаться еще лет десять, пятнадцать, К тому времени выяснится, куда идет Англия, Провалится пресловутая система подоходного налога. Он будет знать, сколько сможет оставить Флер; увидит, как ее малыш подрастет и поступит в школу... только в какую? Итон? Нет, там учился молодой Джолион. Уинчестер, школа Монтов? Туда тоже нет, если только его послушают. Можно в Хэрроу. Или в Молборо, где он сам учился. Может, он еще увидит Кита участником состязания в крикет. Еще пятнадцать лет, пока Кит сможет играть в крикет. Что же, есть чего ждать, есть для чего держаться. Если нет этого, чувствуешь себя стариком, а уж если почувствуешь себя стариком, то и будешь стариком, и скоро настанет конец. Как сохранилась эта женщина! Она!.. У него еще есть картины; приняться за них посерьезнее. Ах, эта галерея Фриэра! Завещать их государству, и имя твое будет жить — подумаешь, утешение! Она! Она не умрет никогда!

Полоска света на стене у самой двери.

— Спишь, папа?

Значит, Флер не забыла зайти к нему!

— Ну, как ты, дорогой?

— Ничего, устал. Как опера?

— Так себе.

— Я просил разбудить нас в семь. Позавтракаем в поезде.

Она коснулась губами его лба. Если бы... если бы эта женщина... но никогда — ни разу, — никогда по собственной воле...

— Спокойной ночи, — сказал он. — Спи спокойно.

Полоска света на стене сузилась и исчезла. Ну, теперь ему захотелось спать. Но в этом доме — лица, лица! Прошлое — настоящее — у рояля — у его постели — проходит мимо, мимо — а там, за ними, большая женщина в одежде из бронзы, с закрытыми глазами, погруженная в вечное, глубокое, глу... И с постели раздался легкий храп.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Сага о Форсайтах»](#)